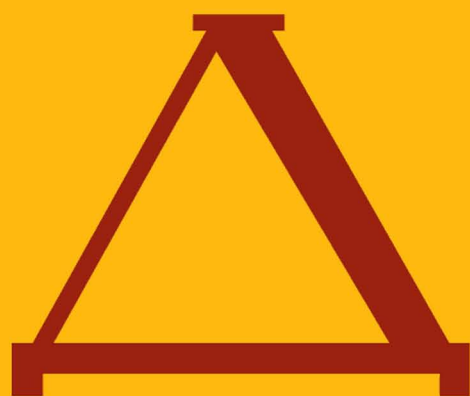


история/география/этнография



Михаил Мочалов
Дмитрий Полежаев



ержава
Сасанидов

224–652 годы



Ломоносовъ
издательство



Михаил Мочалов
Дмитрий Полежаев

Держава Сасанидов 224—652 годы

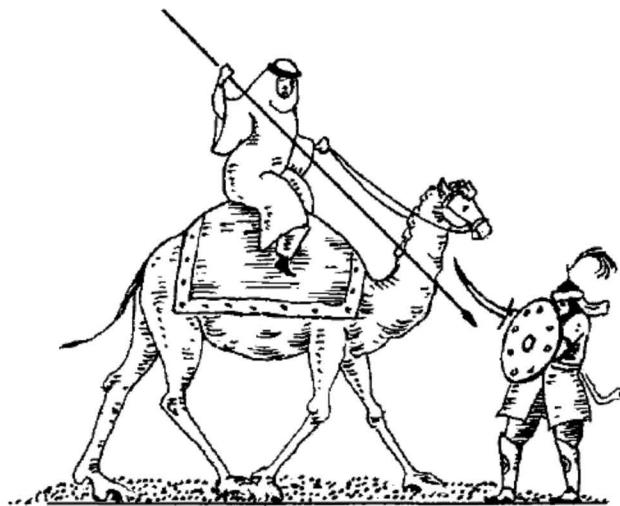


Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 94(357)
ББК 63.3(0)32
М86

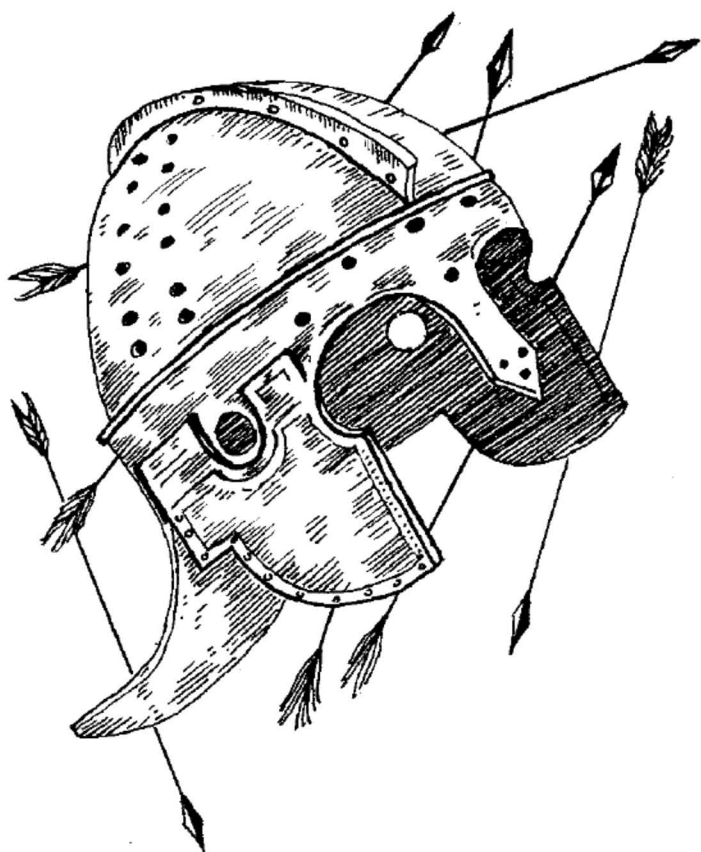
Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой



© Михаил Мочалов, 2016
© Дмитрий Полежаев, 2016
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2016

ISBN 978-5-91678-317-9



Предисловие

Сасанидская держава — империя шахов и огнепоклонников, последнее иранское государство доисламской эпохи. Оно существовало добрых четыре столетия — с 224 по 651 год. Пережив своего противника Рим, персы Сасаниды с успехом боролись с Византией.

Политическое и культурное влияние государства Сасанидов распространялось далеко за его номинальные рубежи — в Западную Европу, Африку, Индию и Китай. То же можно сказать и о торговых связях: серебряные дирхемы проникали и в Поднебесную империю, и на территорию франков, их сохраняли в своих капищах ханты и манси далекой Сибири.

Несмотря на величие Эран Шахра (так называли свое государство сами персы), история Сасанидов полна загадок, многие из которых уже невозможно разгадать. На-

пример, что же все-таки случилось с победоносным императором Каром в палатке под Ктесифоном? Как соотносятся друг с другом восточные противники Сасанидов — хиониты, кидариты и эфталиты? Почему все же арабы так стремительно разбили персов?

Тем не менее изучение Эран Шахра не стоит на месте, с каждым годом привнося все новые детали в калейдоскоп истории Сасанидов. На этом поприще немало сделано как зарубежными, так и отечественными исследователями. Но, как ни обидно, поток российской научно-популярной литературы столь уникальное и интересное историческое явление обошел стороной. Русскоязычных обобщающих работ по данной проблематике в широком доступе практически не отыскать (на ум приходят разве что книги Дашкова, Колесникова, Дмитриева). Специалисты, будем надеяться, еще напишут яркие всеобъемлющие труды по сасанидской военно-политической истории. В нашу же задачу входило лишь дать своего рода очерк и, насколько это возможно, этим очерком привлечь внимание читателя к захватывающей истории взлета, величия и падения Сасанидской державы.

В предлагаемом повествовании в клубке военно-политических перипетий среди прочих лиц окажутся завязаны оба сасанидских Шапура и Хосрова, византийские императоры Константин и Юстиниан, основатель манихейской религии Мани, философ Плотин, философ, но еще и император-полководец Юлиан Отступник. Сасанидская история окажется сценой действий не только шахиншахов и императоров, но и аварских и тюркских каганов, согдийских купцов, правителей далекой знойной Эфиопии. А в один из кульминационных моментов персидские воины даже будут лицезреть славянские челны, заплывшие в Босфор.

Исторический пролог

Иран представляет собой засушливую и каменистую страну — суровые и малопригодные для жизни земли. Большую часть его территории занимают горы и солончаковые пустыни Деште-Кевир и Деште-Лур. Очагами жизни являются

речные долины, где издревле и концентрировалось население. С северо-запада подступают Кавказские горы, а с севера — южноприкаспийские горы Эльбурс. Здесь климат мягче, вдоль каспийского побережья протянулись настоящие субтропические джунгли.

Население Ирана с древнейших времен состояло из множества племен, которые говорили на разных языках. Во многом такое разнообразие объяснялось тем, что они жили в относительной изоляции, поскольку плодородные земли были отделены друг от друга непригодными для жизни районами.

Во II тысячелетии до н. э. на территории Ирана проживали различные неиндоевропейские народы, среди которых выделялись эламиты. Они играли большую роль в истории Древней Месопотамии, Вавилона, Ассирии. Элам представлял собой сильное государство и оказывал большое влияние на своих соседей. В начале I тысячелетия до н. э. Иран стал активно заселяться ариями, которые подчинили себе местное население и частично ассимилировали. Где-то в VII веке до н. э. происходит возвышение Мидии, которая становится одной из ведущих держав своего времени. Мидяне в союзе с вавилонянами сокрушили великую Ассирийскую державу и после этой победы стали доминировать в регионе. Однако, судя по всему, мидийская империя была довольно рыхлой и непрочной. Во всяком случае, просуществовала она недолго. Уже в середине VI века до н. э. владычество мидян было свергнуто их бывшими подданными — персами.

Персидская династия Ахеменидов объединила под своей властью огромную территорию — Иран, Месопотамию, Малую Азию, Сирию, Финикию, Палестину, Египет, Ливию, отдельные области Средней Азии и Индии. Впоследствии Сасаниды называли себя их наследниками и всячески подчеркивали преемственность между двумя державами.

Несмотря на всю свою мощь, держава Ахеменидов пришла в упадок в IV веке до н. э. и была покорена Александром Македонским. Но после смерти великого полководца его империя моментально распалась. Территория Ирана вошла в состав государства Селевкидов и Греко-Бактрийского царства. Затем на востоке возвысились кушаны (о чем речь впереди). В Западном же и Центральном Иране утвердились

парфяне, о которых стоит сказать несколько слов, учитывая их значительный вклад в развитие социально-политического уклада и военное дело.

Парфяне издревле населяли благодатные оазисы, зажатые между песками Каракумов и пустыней Деште-Кевир, — то есть небольшой регион, объединявший южную часть Туркмении и северо-восточную часть Ирана. По соседству с ними обитало кочевое племя парнов. Народ этот входил в значительную племенную конфедерацию дахов, занимавших обширные степные кочевья между Каспийским и Аральским морями. Улучив момент в общей ситуации распада Селевкидской державы, парны во главе с их вождем Аршаком разбили местного греко-македонского наместника Андрагора. Отныне они стали хозяевами Парфии. Какое-то время, видимо несколько лет, между победителями и подчиненными существовали трения, перераставшие в открытые столкновения. Однако в итоге был достигнут компромисс¹. Со временем он превратился в скрепы, объединившие два этноса в единый народ.

Парфяне-парны делились на большое количество родов. Лидирующее положение среди них занимал род Аршака. Впрочем, Аршакиды были лишь первыми среди равных, и парфянские цари, выходцы из этого рода, в дальнейшем постоянно вынуждены были учитывать интересы парфянских аристократических семейств. Этот социально-политический расклад в основе своей сохранится и при Сасанидах.

В силу ряда обстоятельств парфяне продвинулись в земли плодородного полумесяца, Древнюю Месопотамию и Иран, и стали их властелинами. Их социально-политический уклад и военная практика остались в целом без изменений. Аршакиды, теперь уже парфянские цари, в военном отношении всецело зависели от поддержки знатных родов и вынуждены были терпеть такое положение дел. Силу, противостоящую фрондерству нобилитета и готовую защитить трон, парфянские цари нашли в лице гвардии, которую составили наемные всадники из кочевников, которыми изобиловали земли Средней Азии и Кавказского региона. Вместе с номадами в парфянское войско периодически проникали новейшие военно-технологические «ноу-хау» евразийских всадников.

Таким образом, войско Парфянской державы составляли гвардейцы-наемники плюс ополчение из знати и их вассалов. Одну, большую, часть войска составляла легкая конница из лучников (их насчитывалось порядка 40 тысяч). Меньшую, но в то же время элитную часть армии составляли конные воины-копейщики — знаменитые катафрактары. Этих воинов было на порядок или даже на два меньше, чем лучников². Слаженно взаимодействуя, эти два вида войск могли добиваться на поле битвы значительных результатов, наиболее ярким из которых стал разгром римлян Красса при Каррах. Парфянская пехота имела значение небольшое и состояла в основном из пеших лучников приниженного (по отношению к всадникам) социального статуса. Применение себе пехотинцы находили в основном в горной местности и при осадах городов. Видимо, уже при Аршакидах началось включение в войско пехотинцев из южноприкаспийского Дейлема.

Важную роль в государственном строительстве древних держав Ирана сыграл зороастризм. Основателем этого религиозного учения по традиции считают пророка Зороастра, или Заратуштру. Долгое время реальность биографии Зороастра ставилась под сомнение, однако сейчас истинное существование этого человека считается доказанным. Он жил в первой половине VI века до н. э. (хотя дата эта далеко не бесспорна) в Восточном Иране. Согласно зороастрийскому учению, верховным божеством является Ахура Мазда — светлый бог-творец. Воплощением Ахура Мазды является свет или огонь. Именно поэтому зороастрийцев часто называют огнепоклонниками. В их храмах горели неугасимые огни, которые обладали священным статусом. Основопологающей книгой зороастрийцев является древняя «Авеста». К сожалению, до наших дней она дошла не в полном виде, многие ее тексты сасанидского периода в настоящий момент утрачены.

Древняя вера ариев (будь то официальный государственный ее вариант или более древние локальные культы) была тем стержнем, теми духовными скрепами, что придавали жизнеспособность иранским государствам (персам Ахеменидам, парфянам Аршакидам, Сасанидам), она была еди-

ным полем притяжения всех социальных страт, начиная с политических элит и заканчивая низовыми прослойками. Таким образом, религия, на первый взгляд сторонняя к военному делу, на самом деле определяла главное — она делала общество монолитным перед лицом внешней угрозы, что не раз подтверждалось в истории Сасанидской державы.

Начало династии

Происхождение Сасанидов теряется в дымке веков и к нашему времени успело обрасти разными домыслами и загадками, еще в древности на этот счет существовало множество точек зрения. Приведем здесь наиболее вероятную.

Стахр, или Истахр, — древний город земли Персиды, неподалеку от ахеменидского Персеполя. Во II веке властителем города и прилежащих к нему земель был знатный уроженец этих земель Сасан. Один из главных здешних храмов, посвященный богине Анахит — «Незапятнанной», являлся его родовым святилищем. Стоит отметить, что Анахит, упоминаемая в священной зороастрийской книге «Авеста», была объектом почитания персидских воинов и царей по крайней мере уже со времен Ахеменидов.

Сасан был женат на некой Денаг, женщине из знатного дома Базранги (правителей провинции Персиды). Высшие силы благоволили Сасану и дали ему потомство. Одним из потомков знатного перса (скорее всего, сыном) был Папак. Папак, как и его предшественники из рода Сасана, правил областью Истахр. Где-то перед 190 годом у него родился младший сын Ардашир (старшего звали Шапур). Мальчика отдали на воспитание одному из вассалов правителя Фарса, управлявшему крепостью Дарабгерд. Этот вассал был евнухом, так что Ардашир унаследовал владения своего воспитателя после его кончины. К 205—206 годам Папак сверг Гочихра, правителя Базрангидза, и сам занял его место. Вскоре Папаку и его сыновьям удалось распространить свою власть на всю Персиду. Дальнейшие перипетии становления династии остаются для нас туманны в силу скудости источников. Тем не менее редкие дошедшие до современности монеты

той эпохи позволяют судить, что своим наследником Папак видел старшего сына — Шапура³.

После смерти Папака его младший сын Ардашир, тогда правитель Дарабгирда, вступает в борьбу за власть с Шапуром. Ардашир уже с юных лет проявил себя деятельным человеком, активным в политике и на войне. В мирные дни он был не прочь поохотиться, являлся страстным любителем игры, напоминающей современное поло⁴.

Конфликт в семье меж тем нарастал, и не известно, чем бы все кончилось, если бы не скоропостижная и странная смерть старшего брата. Согласно древним источникам, Шапур однажды направился на встречу с Ардаширом, но был придавлен обрушившейся на него крышей.



Начало правления Ардашира I. Схватка с Парфией

Со смертью старшего брата, Шапура, главный претендент на власть из борьбы выбыл. Оставшиеся же братья Ардашира и родственники, выражавшие свое недовольство, были незамедлительно устранены. К 208 году Ардашир провозгласил себя правителем Персиды. Резиденцией ново-явленного владыки стал Истахр.

Укрепившись в Персиде, Ардашир затем стремительно расширяет подвластную ему территорию: требует присяги на верность от всех правителей Фарса, обретает контроль над соседними Керманом, Исфаханом, Сузианой. К нему переметнулся ряд парфянских вассалов. Через маленькие победоносные войны можно было укрепить свою власть и авторитет, за счет соседей улучшить положение дел в родной Персиде. Надо сказать, общая внешнеполитическая конъюнктура этому благоприятствовала.

Парфия переживала тогда не лучшие времена — независимых, сепаратистски настроенных династов хватало. Ардашир был лишь одним из них. Успехам его в первую очередь

способствовала разразившаяся в 208 году свара за трон между двумя претендентами на парфянский престол — Артабаном и Вологезом VI (Валаршем VI). Центру было не до провинций. Когда царем все же стал Артабан, Ардашир из рода Сасана уже укрепился в Фарсе.

Другой причиной слабости Аршакидов была серия их военных неудач в борьбе с Римом — при Септимии Севере и Каракалле. Правда, в 217 году Артабан вторгся в Месопотамию, нанес поражение римлянам при Нисибисе и заключил выгодный для себя договор, но в целом это мало что изменило.

Ряды парфянской знати никогда не были монолитны, и если часть ее ориентировалась на мир, даже за счет некоторых уступок Риму, то другая, консервативно-традиционалистская, была настроена дать достойный ответ противнику, взять реванш за недавние поражения, через этот реванш получить экономические выгоды. Нужно было только найти в своем стане достойного военно-политического лидера. До поры до времени единой достойной кандидатуры не было. Однако вскоре в качестве таковой предстал постепенно обретающий силу и политический вес Ардашир из Персиды. Увы, он не был из Аршакидов, но зато это был человек деятельный и неглупый, с ним можно было иметь дело. Это стало определяющим для вассалов парфянского царя (например, Суренов), которые вскоре перешли на сторону перса.

Вместе с новыми союзниками Ардашир Папакан осадил и захватил Селевкию-на-Тигре, бывшую на ту пору резиденцией противника Артабана — Вологеза (Валарша) VI. Валарш не то погиб, не то бежал, но это не так уж и важно, ведь победителя Ардашира после этого признала часть парфянской знати, правители Абаршахра, Сакастана и ряда областей помельче. Но были и те, кто не посчитал нужным изъявить покорность царю Персиды. Из 240 правителей парфянских владений он истребил порядка 90 непокорных⁵. Усиление и экспансия Ардашира, конечно же, не могли не привлечь внимание парфянского владыки Артабана V. Но обратился он к этой проблеме слишком поздно.

В 224 году парфянский царь велит правителю Хузестана (Ахваза) идти войной на Ардашира. Однако последовавшие

сражения завершаются в пользу последнего. Тогда Артабан лично ведет войска против перса — и в битве на мидийской равнине при Ормуздакегане (Ормиздакане) 28 апреля 224 года находит гибель. Свою лепту в разгром Артабана внесли месопотамские союзники Ардашира и правители ряда «царств» (шахров), располагавшихся на землях Ирана, а кроме того, представители парфянского нобилитета. На победном поле боя правителя Персиды впервые провозглашают «царем царей». Этот, 224 год по христианскому счислению и считается началом династии Сасанидов. Теперь, со смертью парфянского владыки, Ардаширу открылся путь к овладению западными провинциями. Правда, сын Артабана Артавазд удерживал север страны до 230 года. Кроме того, соседней Арменией управлял Трдат II — дальний родственник погибшего Артабана, планировавший взять реванш у персидского царя. Каковы были в то время отношения между Трдатом и Артаваздом и возможен ли был между ними союз, трудно сказать. Точно известно, однако, что север еще не входил во владения Сасанидов.

В 226/227 году Ардашир был уже по всем правилам увенчан короной в Ктесифоне под титулом «царя царей» — шахиншаха. Новый владыка никогда не забывал, кто помог ему взойти к таким вершинам и чем грозил разрыв с ними. Те же из шахов, кто в дальнейшем запомнили об этом или впадали в заблуждение относительно возможностей парфянской знати, кончали скверно. Взять, к примеру, Ардашира II, Шапура III, Бахрама IV или Йездегерда I. Парфянские роды продолжали править в различных частях государства Сасанидов — Карены в Армении, Сурены в Хорасане, Михраны в Кавказской Албании.

Став шахиншахом, Ардашир перемещает столицу южнее — основывает город Ардашир-Хварра — «Слава Ардашира» (современный город Фирузабад). Новая столица представляла собой хорошо укрепленную твердыню, оплот власти «царя царей». Высокие крепостные стены довершали природную защиту из высоких гор, а узкие горные проходы можно было легко перекрыть практически перед любым врагом. При выходе из ущелья Фирузабада и до сих пор можно увидеть громадный наскальный барельеф, изобража-

ющий Ардашира в момент победы над Артабаном V, последним парфянским царем.

Консолидация власти и расширение территории

Убрав с престола парфянина Артабана, перс Ардашир вынужден был все же опираться на политические элиты, служившие еще предыдущему монарху. Это обстоятельство определяло политические, военные и религиозные особенности правления первых Сасанидов. К примеру, военная сила — командование и тяжелая конница — состояла во многом из тех же своенравных аристократов, что воевали под знаменами Аршакидов. Или еще один пример. У владетелей Вавилонии авестийские божества каким-либо почитанием не пользовались. Чтобы и дальше сохранять поддержку вавилонян, насаждать среди них свои религиозные предпочтения явно не следовало. По крайней мере, до того времени, как окрепнет новая династия.

После парфянской разрухи последних десятилетий местные элиты, экономически активные прослойки городов и вообще население большинства завоеванных регионов нуждались в стабильности. Для налаживания хозяйственной жизни Сасанидам нужна была сильная государственная власть, а для этого, как точно отмечено, «нужно было держать в руках экономическое “сердце Ирана” — Месопотамию»⁶. Да и вообще требовалось навести порядок на всех землях, подконтрольных когда-то Аршакидам. Последние, согласно сасанидской пропаганде, лишились покровительства свыше и, следовательно, терпели постоянные военные поражения. Победа Ардашира в ормиздаканском сражении показала, что божественное покровительство перешло к нему, и последующие виктории могли только послужить подтверждением этому и придать легитимность новому правлению. Осталось только найти себе очередного противника. Впрочем, таковых было предостаточно.

Следующие несколько лет сасанидский правитель посвятил устранению недовольств и фрондерства, вспыхивавших

то тут, то там на всем постпарфянском пространстве или не затухавших еще со времени Аршакидов. Ардашир расширил территорию империи, подчинив области Систан, Горган, Хорасан, Маргиану (Мерв), Балх и Хоразмию. Он включил в имперские владения даже Бахрейн. Во главе подчиненных территорий шахиншах зачастую ставил «царями» сыновей и прочих членов своей обширной семьи.

Само положение Ирана, своеобразного моста между Востоком и Западом, толкало его к активным действиям по захвату торговых путей, важнейшим из которых являлся Великий шелковый путь, по которому из Китая шел на запад драгоценный шелк. На восток отправлялись драгоценности, жемчуг. Из Ирана экспортировались ковры, краски. Транзитная торговля приносила огромный доход.

Продвигаясь вглубь на восток, персы столкнулись с Кушанским царством. До определенного времени это было одно из крупнейших и могущественнейших государств. Однако к моменту столкновения с персами кушаны уже миновали пик своей мощи.

Зародилось это царство во II веке до н. э., когда ираноязычные кочевые племена, известные китайцам как юэчжи, захватили Бактрию. Первоначально страна была поделена на пять независимых владений, но в середине I века Куджура (Кудзулла) Кадфиз объединил их под своей властью. Кушаны разгромили царство индопарфянских царей и подчинили себе долину Кабула, Гандхару, Пенджаб, Кашмир и долину Инда. Сын Куджуры Кадфиза Вима I Такто присоединил Центральную Индию. Вима II Кадфиз дошел до Ганга, занял Арахосию и Среднюю Азию.

Таким образом, Кушанское царство стало одним из главных государств своей эпохи. Удивительно, но при этом мы мало что знаем о нем. Вся история кушан представляет собой лишь сборник догадок. Основным занятием населения царства были земледелие и скотоводство. Государство было полиэтническим и многоконфессиональным. Правящая династия была иранской. Интересную информацию приводят армянские письменные источники: согласно им в кушанскую элиту входили отпрыски одной из ветвей династии Аршакидов⁷.

При Канишке I, на рубеже I—II веков, Кушанское царство достигло зенита могущества, в 107 году им был заключен союз с римским императором Траяном⁸. Но после этого начинается спад. Вероятно, к III веку Кушанское царство уже не было единым. Молва о сасанидской несокрушимой мощи летела впереди самого сасанидского войска. В итоге к Ардаширу «пришли послы царя Кушана... с выражением покорности» (Ат-Табари), что, впрочем, не привело в дальнейшем к ослаблению персидского натиска.

На западе же, в месопотамском пограничье, Сасаниды в своем стремлении расшириться сталкивались с гегемоном древности, могущественным Римом, и его сателлитами. Здесь давление на Хатру, Армению и Адиабену имело гораздо меньший успех, чем кампании на востоке. Хатра в очередной раз подтвердила свой имидж «крепкого орешка» — в 229 году Ардаширу ее захватить не удалось.

Переместим теперь внимание севернее. Как сообщают армянские источники, царь Армении Трдат II, мстя за смерть своего родственника Артабана V, «начал набирать полки и составлять войско: он собрал алванское и иверское войска, открыл врата аланов и Чора Пахака, впустил войска гуннов и [стал] совершать набеги на Персию, пошел походами на Ассирию и [дошел] до врат Тизбона». Этим его усилия не ограничились: «на помощь подоспели алваны, лбины, чипхи, каспы и другие племена из этих краев со множеством отважных и храбрых, хорошо снаряженных всадников»⁹. Они произвели несколько удачных походов в Персию, где предали огню и мечу города и села.

Персидские войска неоднократно пытались остановить силы северной коалиции, но безрезультатно. Однажды во главе сасанидской армии встал якобы сам Ардашир. Но был разбит. Вот как об этом пишет историк Агафангел: «...когда персидский царь увидел скопище огромного войска, которое, стремительно двигаясь, возникло перед ним, поднялся и он навстречу им, готовясь к битве. Однако он не сумел устоять и бежал. Преследуя его, [они] уничтожили все персидское войско, оставляя на полях и дорогах трупы; с остервенением [они] уничтожали [персов], наносили им тяжелые удары». По поводу уничтожения всего персидского вой-

ска — явное преувеличение. Тем не менее армянская угроза над Ардаширом так и продолжала висеть. И продолжалось это, если верить Агафангелу, одиннадцать лет¹⁰. Трдат все это время старался расширить коалицию, отвернуть родичей Аршакидов от службы Сасанидам. Он «отправил к ним посланника, дабы [убедить] соплеменников выступить с тыла и подняться против царства Арташира и оттуда со стороны кушанов протянуть ему руку [помощи], храбрыми племенами и боевыми дружинами прикрыть его тыл с той стороны, с их исконной страны. Однако парфянские роды и вожди племен, нахарары и родоначальники не вняли ему, так как приняли, приспособились и покорились власти Арташира, вместо того чтобы [предпочесть] власть своего рода и братство». Таким образом, парфянские Аршакиды не поддерживали Аршакидов армянских и даже обратились против них. Кушанские Аршакиды вели себя значительно более независимо.

Шахиншаху пришлось приложить немало усилий, прежде чем во враждебной коалиции возникли разногласия. Приходилось действовать не только силой (войска были нужны и на других фронтах, в том числе на римской границе), но и коварством. В конце концов одному из знатных парфян, по имени Анак, удалось втереться в доверие к армянскому правителю и, улучив момент, заколоть его мечом¹¹. Ардашир наконец-то вздохнул с облегчением — еще один камень с плеч! Теперь можно было переходить к завершающему акту: «Он собрал войско, двинулся и стал опустошать страну Армянскую, угнал в плен без разбора людей и животных, стариков и детей, юношей и младенцев... Персидский царь назвал эти места своим именем... Выкопав рвы, он установил границы и место это назвал Посиц друнк (“Врата ямы”)... Оставшихся людей этого края он изгнал и овладел страной»¹².

Так удалось одержать верх над Арменией и ее опасными союзниками. Вторжение с Кавказа послужило меж тем уроком: Ардашир и его сын-соправитель Шапур столкнулись с острой необходимостью установить контроль над стратегически важным Дербентским проходом; кроме того, Сасаниды также стали активно пестовать проперсидски настроенные круги среди армянской аристократии.

Первая кампания против Рима (229—232)

Прежде чем вести разговор о борьбе Сасанидов непосредственно с Римом, необходимо сказать хотя бы пару слов об обстановке в самой Римской империи. В конце II века к власти здесь пришел новый император — Септимий Север (193—211 годы), основавший новую династию. Он оказался весьма способным правителем. Главной его задачей было укрепление собственной власти. С этой целью Север провел реформирование разложившейся при его предшественнике — императоре Коммоде преторианской гвардии. Изменился принцип формирования — ее стали набирать из лучших солдат провинциальных легионов.

Септимий Север провел преобразование армии — он разрешил солдатам жениться (ранее это запрещалось), а также арендовать и обрабатывать землю. Общая численность римской армии составляла в этот период 33 легиона¹³. В подавляющем большинстве солдатская масса состояла из не-италиков. Реформы позволили в значительной степени повысить военный потенциал империи и одержать ряд побед над внешними врагами, в том числе над парфянами.

Первое непосредственное столкновение персов с римлянами произошло в период правления императора Александра Севера (222—235 годы). Этот правитель вззошел на престол еще, по сути, ребенком — в шестнадцать лет. Если судить по сочинениям римских историков, Александр Север имел множество достоинств. Само его имя подчеркивало некоторую связь с прославленным тезкой Александром Македонским, покорителем Востока. Впрочем, в процессе правления выяснилось, что у Севера с великим македонцем единым было только имя. Римский император сначала по молодости лет, а затем в силу привычки и слабости характера находился под влиянием своей матери Мамеи, которая была женщиной властной и сильной. Но при этом она далеко не всегда оказывалась на высоте положения при решении государственных вопросов.

В 230 году первый шахиншах Сасанидов, претендовавший на ахеменидское территориальное наследие, осадил Нисибис и совершил глубокий рейд на земли Римской империи, вторгшись в Сирию и Каппадокию. Молодой император и его окружение попытались вести с персами переговоры, чтоб остановить вторжение или, как минимум, подольше протянуть время и подготовиться к полномасштабному ответу. Тогда Ардашир, «по природе своей хвастливый, воспламеняясь своими неожиданными успехами», потребовал от римлян вернуть все территории, принадлежавшие ранее Ахеменидам, то есть Месопотамию, Сирию, Финикию, Палестину, Египет, Малую Азию и часть Балканского полуострова. Возмущенные такой наглостью, римляне арестовали посольство.

Итак, все мосты были сожжены и акценты расставлены. Как сообщает Геродиан, римский император, призываемый военачальниками на персидской границе, «хотя и с неудовольствием и вопреки собственному желанию, решил тем не менее выступить в поход. И вот из самой Италии и из всех провинций, подчиненных римлянам, собирались в армию отборные воины...»¹⁴. Римское войско во главе с самим Александром Севером и Мамеей отправилось-таки на выручку восточным провинциям и прибыло в Антиохию. Однако правительственные особы действовали крайне нерешительно и предпочитали находиться вдали от переднего края боевых действий. Да и римская армия была не в лучшем состоянии, солдаты и офицеры жили в роскоши, дисциплина находилась на низком уровне.

Тем временем в сирийском городе Эмесе появился узурпатор — Ураний Антонин, провозгласивший себя императором. Вскоре его свергли, однако ситуация успокоилась ненадолго — прибывшие из Египта войска выдвинули нового узурпатора — Таврина, но и этот мятеж был подавлен.

В результате всей этой кутерьмы заняться отражением персидской угрозы римляне смогли только в 232 году. Они снарядили три армии общей численностью более 70 тысяч человек (12 легионов). Первая из них, северная, должна была наступать из Каппадокии в Армению и Мидию. Лишь незадолго до описываемых событий, в 230 году, персам Са-

санидам удалось захватить и казнить Артавазда, сына Артабана V, державшего под контролем эти земли. Однако его сторонники в регионе еще оставались, и, возможно, Александр Север рассчитывал на их поддержку.

Вторая, южная, группировка войск, переправившись через Евфрат у города Дура-Европос, должна была двигаться в Вавилонию и далее на юго-восток, «где, говорят, Тигр и Евфрат, соединяясь, теряются в огромных болотах».

Наконец, третья колонна — центральная и наиболее сильная — должна была идти «средним путем». Север должен был двигаться с этой третьей армией. Наступая тремя колоннами, римское командование планировало рассеять и ослабить напор персов.

Римской мощи Сасаниды смогли противопоставить ничуть не меньшие силы. Согласно информации Элия Лампридия, Ардашир выставил 120 тысяч панцирных всадников, 700 слонов и 1800 серпоносных колесниц. Серпоносные колесницы для того времени, конечно, уже далекий анахронизм. Тем не менее все эти цифры хотя и могут быть завышенными, в целом отражают многочисленность сасанидской армии.

Итак, римским командованием «было объявлено всем войскам переправляться во вражескую страну и назначено место, где им следовало сойтись». Нам остается только сожалеть, что Геродиан не указал это место.

На северном направлении римляне поначалу наступали успешно. Перевалив через Армянские горы и вторгшись в Мидию, они изрядно опустошили ее. На защиту только что обретенных земель выдвинулся сам Ардашир со значительным войском, но усилия его не были успешны, так как «страна, будучи каменистой, давала возможность идти пехоте уверенным шагом по удобному пути; конница же варваров из-за крутизны гор замедляла свой бег и с трудом могла преследовать и нападать»¹⁵. К тому же вскоре к царю явились вестники с новостями о вторжении еще одной армии римлян. Возникла серьезная угроза потерять недавно завоеванную Месопотамию и Ктесифон. Оставив необходимый минимум войск, чтобы сдерживать врага на севере, Ардашир

еще раз взвесил все сходящиеся к нему сведения — и устремился на юго-восток.

Прибыв к новому театру военных действий, персы обнаружили римлян, шествовавших вперед беззаботно, «не соблюдая порядка, так как никто не появлялся, никто не оказывал сопротивления». Причины этой беспечности лежали еще в уверенности легионов южной армии в том, что основные силы персов завязли в боях с центральной группировкой римлян. Ардашир не стал упускать столь удобного момента: «Перс, напав со всеми своими силами на ничего не подозревавшее войско, окружив его и как бы опутав сеть, поражая со всех сторон стрелами, истребил армию римлян, которые были слишком малочисленны, чтобы противостоять превосходящему противнику, и только беспрестанно прикрывали большими щитами незащищенные части своих тел. Поражаемые стрелами, они довольствовались уже тем, что защищали свои тела, а не сражались. Наконец, все они, собравшись в одно место и устроив из выставленных вперед щитов подобие стены, отбивались в положении осажденных и, со всех сторон забрасываемые стрелами и получая ранения, отражали неприятеля со всей возможной храбростью до тех пор, пока все не были перебиты»¹⁶.

А что же делал в это время император Александр? Где находился он с основными силами? Александр, Мамея и двор так и остались в тылу. Иногда это объясняют боязнью матери императора за сына. Как бы там ни было, но Север сказался больным и пребывал вдали от театра военных действий. Пожалуй, стоит обратиться еще раз к Геродиану, который вполне реалистично пишет: «Александр подвел их, так как и армию не привел, и не совершил вторжения то ли из страха, чтобы не рисковать своей душой и телом за Римское государство, то ли удерживаемый женской боязливостью матери и ее излишним чадолюбием»¹⁷.

Пока маменькин сынок Александр бездействовал, находившиеся при нем войска начали роптать. Ропот этот грозил вылиться в очередные волнения, когда узнали о разгроме южной армии. Да тут еще воинов начали косить болезни — сказывался нездоровый климат. Так и не приступив к основ-

ным военным действиям, римский император счел за лучшее закончить кампанию.

Северной колонне, оперировавшей в Мидии, велено было возвращаться. Но если туда они шли в летнее время, то теперь в горах был другой сезон: «Возвращаясь, это войско в большинстве своем погибло в горах, а многие в холодной стране отморозили конечности, так что возвратились из всего множества лишь очень немногие...»¹⁸

Остатки римских армий стекались в Антиохию. Настроения среди солдат и офицеров были не радужные, но воинскую массу удалось кое-как умиловать щедрыми денежными раздачами.

Что касается сасанидского воинства, то, несмотря на несомненные успехи, персы явно выдохлись и не могли развивать успех. У них также были существенные потери: «Хотя и вышло так, что варвары в целом казались победителями, тем не менее они понесли ничуть не меньшие потери в частых стычках, происходивших и в Мидии, и в сражении в Парфии, где было множество убитых и еще более раненых»¹⁹. В доказательство серьезного урона, понесенного армией Сасанидов, Геродиан приводит то, что «года три или четыре они оставались спокойными и не брались за оружие».

Кроме того, сказывалось несовершенство персидской военной организации. Армия, основанная на милиционном принципе, не могла вести боевые действия в течение длительного времени без перерыва. Персидское ополчение разошлось по домам.

Несмотря на в общем-то бесславное окончание кампании, Александр Север отпраздновал в Риме триумф.

В 235/236 году, после убийства Александра Севера и восшествия на престол Максимиана I Фракийца, Ардашир и его сын Шапур захватили города Нисибис и Карры (Харран). В 239 году персы напали на город Дура-Европос. В 240 году пала Хатра, прежде удачно противостоявшая как Траяну, так и Септимию Северу. Каких-то стратегических бонусов захват этой твердыни не принес (город располагался на отшибе, вдалеке от римского пограничья); к тому же войско Ардашира вскоре покинуло город, однако это событие еще больше повысило престиж «царя царей».

Итоги правления

К концу своего правления, а скончался он в начале 240-х годов, Ардаширу удалось собрать под короной Сасанидов практически все земли Парфянской империи, кроме Армении, Адиабены и некоторых арабских княжеств.

Немаловажно отметить и то, что кампании Ардашира привели в конечном итоге к упадку Пальмиры, Хатры, Дур-Европос и прочих караванных городов юго-запада, что позволило персам сосредоточить торговлю исключительно в своих руках.

Помимо военных достижений Ардаширу приписываются еще и заслуги первого Сасанида-градостроителя: он возвел восемь городов, в том числе стольный город Вех-Ардашир, основанный по соседству со старым Ктесифоном²⁰.

Имеет смысл хотя бы кратко рассказать о социальной и религиозной специфике державы, основанной Ардаширом.

Во главе государства стоял шахиншах, бывший верховным правителем, военачальником, жрецом и судьей. Население делилось на четыре сословия. Во-первых, это знать, чье могущество опиралось на значительные земельные владения. Знать серьезным образом влияла на принятие решений, определяющих жизнь страны. Шах, как уже отмечалось, вынужден был с ней считаться. Более того, нередко шахи оказывались игрушками в ее руках. Впрочем, знать была неоднородной. Большинство ее составляли мелкие земельные собственники, которые играли куда меньшую роль, чем немногочисленная аристократическая верхушка.

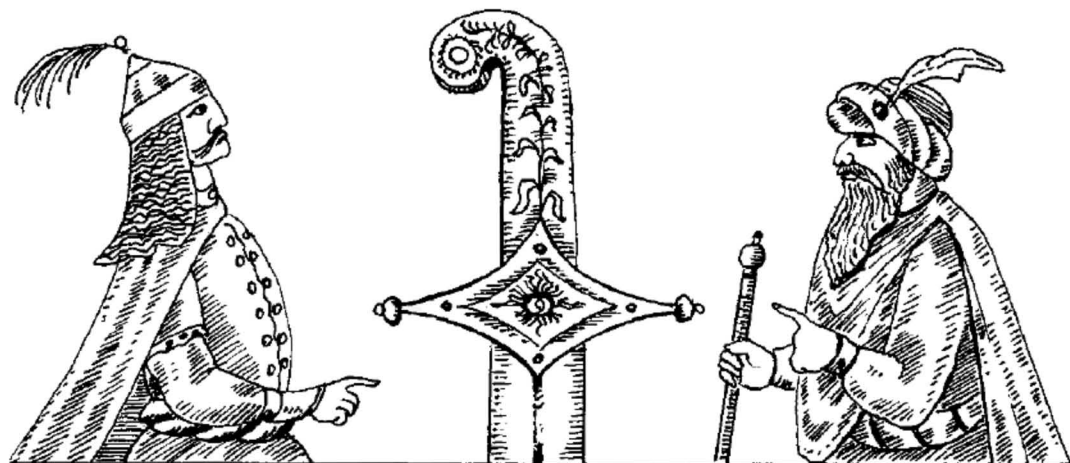
Второе сословие составляло жречество, и его влияние также было чрезвычайно сильно. Религия была одним из главных факторов, определяющих жизнь страны. Именно Ардашир заложил вектор религиозной политики последующих Сасанидов. Вектор этот может быть определен словами из завещания самого шахиншаха: «...Вера и царствование — братья и не могут существовать друг без друга. Вера — это основа царства, и царство защищает веру». Официальной религией Сасанидов на все грядущие столетия становится единый обновленный маздеизм, маздаянийская вера. Воз-

главлял жреческое сословие мобедан мобед (магупатан магупат).

При Сасанидах разграничение между подданными империи и прочими людьми еще более усугубляется, «дифференциация между Эран — иранцами и Анэран — не иранцами приобретает также религиозную коннотацию (сторонники правильной религии, то есть маздеизма, — неверующие и сторонники других религий)»²¹.

Еще одну сословную группу составляло чиновничество. Ну и наконец, четвертое сословие состояло из крестьян, ремесленников и торговцев. Эта группа была самой многочисленной, но при этом ее влияние на положение дел в стране было наименьшим. На людях, входивших в нее, лежала основная тяжесть налогового бремени; они также обязаны были выполнять различные повинности в пользу власть имущих, и в первую очередь в пользу шаха²².

Принадлежность к определенному сословию, как правило, передавалась по наследству. В самом низу социальной лестницы находились рабы — люди, лишенные личной свободы и приравненные к вещам. Число рабов постоянно пополнялось за счет пленных; другими источниками рабства были самопродажа — весьма редко — переход в рабское состояние в результате брака с рабом или рабыней.



Сын первого шахиншаха Шапур I какое-то время до смерти Ардашира был его соправителем и принимал вместе с ним участие в военных кампаниях. Во время судьбоносной Ормиздаканской битвы он вступил в противоборство с парфянским везиром Дарбенданом и одолел его. Шапур играл важную роль в завоевании Месопотамии в 235—239 годах. По кончине отца он, именовавший себя уже «царем Ирана и не-Ирана», продолжил сасанидскую экспансию.

На севере Шапур вел наступление с первого года своего правления. «Хроника Арбелы» гласит, что «была у него война с хорезмийцами, с мидийцами гор и в жестокой сече он победил их. Оттуда он отправился и покорил гелов, дайламитов, гурзанов, что обитают в дальних горах, близ последнего моря...»²³. Шахиншах также попытался взять под контроль Дербент, совершил победоносный рейд, но надолго закрепиться там ему не удалось²⁴.

На востоке была завоевана Бактрия. Победоносные шахские войска дошли аж до Чача (ныне Ташкентская область), и местные согдийские владетели, признав верховенство Шапура, начали чеканить превосходные монеты по образцу сасанидских драхм²⁵. Шахиншах вел войны в Туране, Мекране,

Северной Индии. Судя по всему, именно в это время у кушанов были отвоеваны Арахосия и Гедросия, а правители западной части Кушанского царства признали сюзеренитет персов. Когда точно произошли эти события, мы не знаем.

Кушанские территории — Бактрия-Тохаристан, — подчиненные Сасанидами, сохраняли политическую и экономическую автономию вплоть до конца правления Шапура II. Здесь существовал собственный рынок, обеспеченный чеканенными на месте кушано-сасанидскими монетами²⁶, которые несли на себе надписи и изображения кушанских правителей и свободно ходили в близлежащих Бухарском Согде и Маргиане²⁷. При этом собственно сасанидских монет на территорию Кушаншахра попадало очень мало. Немаловажно отметить и то, что сами Сасаниды именуют Бактрию-Тохаристан Кушаншахром, а под «шахром» обычно понималось царство. Это лишний раз свидетельствует в пользу того, что официальная власть империи признавала особую политико-экономическую и культурную роль обретенного ею региона.

Еще одним показателем автономии служит тот факт, что практически вплоть до арабского завоевания и даже после него в Тохаристане употреблялась местная бактрийская письменность, а кушанские правители, в отличие от своих сюзеренов, придерживались большей религиозной толерантности. Кстати, напомним любопытный факт, что через кушан к Сасанидам проникла игра чатуранга, известная теперь как шахматы. Персы переименовали ее в чатранг.

Но при всей самости Кушаншахра он был все же интегрирован в единое сасанидское культурное пространство. Об этом говорят и сасанидские художественные веяния в кушанском искусстве, и инновации в сасанидо-кушанском монетном чекане, а преобразования в керамических комплексах свидетельствуют о том, что сасанидское культурное влияние проникло и в народный быт Кушаншахра²⁸.

Шапур против Рима: первая война

Перенесемся теперь на западные границы державы, где велись кампании против Рима. Вспомним, что при за-

воевании месопотамских владений Римской империи Ардашир и Шапур взяли Карры, Нисибис и Хатру. Спустя два года римляне ответили. В 242 году на Восток прибыл юный римский император Гордиан III вместе со своим фаворитом Гаем Фурием Тимеситием. Влияние последнего на императора было огромным, ведь он являлся еще и тестем августа.

Началась первая антиримская кампания Шапура. Среди участвовавших в ней с римской стороны был будущий основатель неоплатонизма Плотин, о чем у философа Порфирия можно найти следующие строки: «...когда император Гордиан предпринял поход на Персию, он (то есть Плотин. — *Авт.*) записался в войско и пошел вместе с ним; было ему тридцать девять лет». Участвуя в антисасанидском походе, Плотин, уже достигший успехов в философии, хотел «познакомиться и с тем, чем занимаются у персов, и с тем, в чем преуспели индийцы». Однако вскоре «...Гордиан погиб в Месопотамии, а Плотин едва спасся и укрылся в Антиохии...»²⁹.

Но не будем забежать вперед. Ведь поначалу римскому оружию сопутствовал успех — в 243 году римлянам удалось вернуть Карры и Нисибис, а кроме того, разбить персов у Резайна. Однако затем все пошло наперекосяк. Тимеситий умер — ходили слухи, что его отравили. В следующем, 244 году император Гордиан III лично возглавил римское наступление вниз по Евфрату, но в результате серьезного сражения у Массиса (Мисиха) был разбит и погиб³⁰. По одной из дошедших до нас версий, Гордиан был убит в результате заговора префекта претория Марка Юлия Филиппа Араба. По другой версии, созвучной с персидскими источниками, он погиб в бою. Филипп стал новым императором и сообщил сенату, что император Гордиан умер своей смертью.

Первой задачей Филиппа было незамедлительное заключение мирного договора с персидским царем, поскольку он опасался, что дальнейшее нахождение римской армии в Месопотамии может закончиться катастрофой. Армия и в самом деле была ослаблена после провального сражения при Массисе. Это позволило Шапуру заключить очень выгодное мирное соглашение с новым императором.

По договору Рим получал Малую Армению и Месопотамию (до Сингары) в полное владение и Великую Армению,

находившуюся де-факто под персидским владычеством, в формальную зависимость. Это дало повод Филиппу присвоить себе титул «Персидский Величайший». Правда, в обмен на мир император дал обязательство выплатить персам контрибуцию в 500 000 золотых денариев³¹, но об этом он старался упоминать как можно реже. Филипп сразу же выпустил монеты с надписью «*paх fundata cum Persis*» («мир, основанный с персами»), но «хорошая мина при плохой игре» никак не могла ввести в заблуждение римлян, особенно в восточных провинциях, где заключенный Филиппом мир был крайне непопулярен.

Меж тем город Мисих получил новое имя — Пероз-Шапур, что значит «Шапур Победоносный».

Шапур против Рима: вторая война

После гибели Филиппа Араба и очередной смены римских императоров Шапур считал, что он свободен от обязательств, принятых по мирному договору, и возобновил военные действия; началась его вторая кампания против Рима. Союзницами шахиншаха были политическая нестабильность в империи, приведшая к чехарде «солдатских императоров», и разразившаяся чума³². Кроме того, Рим тревожили варвары, набеги которых следовали один за другим.

В 252 году «царь царей» завоевал часть Армении и оставил там править Хормизда (Ормузда) — своего старшего сына. Местный царь Трдат бежал к римлянам. Остальные члены царского рода перешли на сторону персов.

В этом же году у Барбалиссоса Шапур разбил шестидесятитысячное римское войско императора Требониана Галла³³. Затем он осуществил победоносные рейды в Сирию, Киликию и Каппадокию, его войска захватили и разграбили Антиохию. Вернувшись через Каппадокию домой, Шапур во второй половине 253 года начал очередной поход, но в этом предприятии не преуспел, будучи остановлен то ли временнощиком на римском престоле Уранием Антонином, то ли пальмирским правителем Септимием Оденатом.

Фиаско Валериана — третья антиримская война Шапура

Персы, впрочем, не унимались и имели все основания рассчитывать на успех. Шапур знал, что руки Рима связаны борьбой с готским вторжением. Защиту же восточных владений римляне отдали на откуп своему союзнику — пальмирскому правителю Септимию Оденату (видимо, его арабское имя — Узейна).

Древний арабский город Пальмира, внесенный ЮНЕСКО в золотой фонд мировой культуры, в наши дни у всех на слуху в связи с дикими бесчинствами боевиков ИГИЛ. Однако два тысячелетия назад он привлекал внимание всего мира совсем иным — это был один из торговых и культурных центров мира. Правители Пальмиры лавировали между тогдашними великими державами и извлекали из этого лавирования немалую пользу. Оденат в этом смысле не был исключением. Он вел переговоры и с Шапуром, но в итоге римляне смогли предложить ему большее: он получил титул консуляра, командование над римскими войсками в Месопотамии и, по сути, был признан ими правителем Востока.

В начале третьей войны, приблизительно в 256 году, сасанидской армией была захвачена и разрушена крепость Дурра-Европос. Видимо, снова пострадала Антиохия. Далее, в 260 году, сасанидское войско осадило Карры и Эдессу. На выручку осажденным городам выступило, согласно самому Шапуру, семидесятитысячное римское войско во главе с самим императором Валерианом³⁴. Однако контрнаступление закончилось полнейшей катастрофой — легионы римлян были разбиты и осаждены в Эдессе. Сам Валериан попал в плен. Существует несколько версий того, как это произошло. По одной версии император был окружен при попытке пробраться в Эдессу с небольшим отрядом. По второй версии Валериан после неудачного сражения с персами проник в Эдессу, но так как он не привел помощи, то в городе созрело недовольство. Валериан, боясь своих подданных, предпочел сдаться персам. Что касается третьей версии, то она упоминается наиболее часто — римский император был за-

хвачен во время переговоров с персами³⁵. По легенде, плененный Валериан должен был подставлять спину, когда Шапур садился на коня.

Помимо императора в плен попало значительное количество римских солдат и офицеров (по некоторым данным, до 70 тысяч). Карры и Эдесса пали. Победоносный сасанид велел высечь в знак столь памятного события огромные скальные рельефы в Накш-е-Рустаме и Бишапуре, а также монументальную надпись (на персидском и греческом) близ Персеполя. Незадачливый же Валериан оказался единственным из римских императоров, попавшим в плен и умершим там. Сын Валериана, император Галлиен, не посчитал нужным выкупать отца. По легенде, следуя традиции, после смерти Валериана Шапур приказал снять с него кожу, набить чучело и выставить его народу на обозрение. Несметное количество прочих угнанных в сасанидское рабство пленников (среди коих были сенаторы и другие римские вельможи) участвовало в строительстве городов Бишапура и Нишапура, возводившихся тогда шахиншахом.

Развивая успех, персы стремительным налетом захватили Антиохию. В этом им помогло предательство знатного горожанина Мареада, который незадолго до описываемых событий был исключен из городского совета за утайку общественных денег. Город был взят так внезапно, что большая часть населения находилась в этот момент в цирке на представлении. В «награду» за помощь персы сожгли Мареада.

В 260 году Шапур двинулся в Анатолию и даже, опять с помощью измены, захватил Кесарию Каппадокийскую. Но на этот раз римские легионы были готовы дать ему отпор. Чтобы поднять боеспособность армии в борьбе с персами, германцами, сармато-аланами, активно применявшими конницу, новый император Галлиен провел преобразования в армии — одной из реформ стало соединение отрядов кавалерии под одним командованием. Римские войска были собраны у Самосаты под командованием Макриана — главного квартирмейстера Валериана и одного из участников его незадачливой кампании против персов. Тем временем префект претория Каллист по прозвищу Баллиста подошел с отрядом кораблей к Помпейополю, осажденному перса-

ми, и разбил их. Несколько тысяч персидских воинов нашли здесь свою смерть. После этого Шапур I начал отступление. Римлянам, дабы они не преследовали его, шахиншах уплатил огромную сумму золотом — тем самым золотом, которое успел захватить в ходе похода. Он направился к Евфрату³⁶, но при переправе персидские войска были атакованы армией Публия Септимия Одената. Это было первое столкновение Сасанидов с пальмирским войском. Отягощенные награбленным добром и пленными, персы лишились подвижности, своего главного козыря, и были разбиты.

А ведь Пальмира могла бы быть союзницей Ктесифона. Город получил привилегии еще при великих императорах Адриане и Септимии Севере. К середине III века в нем главенствовало знатное семейство Гайранидов, к которому и принадлежал Оденат. Но походы персов поставили под угрозу благоденствие пальмирской торговли и экономики. Правящие круги города, включая Одената, продолжали служить ослабевшему Риму, но уже подумывали о смене патрона. Они даже отправили к персам посольство с дарами в надежде, что те не выставят слишком большую цену за свое покровительство. Может, персы будут не так уж требовательны взамен на свое покровительство? Но, как утверждает византийский историк Петр Патрикий, шах Шапур велел выкинуть дары в реку и потребовал от жителей города безусловного подчинения. В результате Пальмира сохранила союз с Римом и стала врагом персов. После вступления в войну с Шапуrom пальмирцы сделали еще один выбор — Оденат помог Галлиену разбить восставшего Каллиста — того самого, что недавно нанес первый удар непобедимому «царю царей».

В 262 году персы еще раз почувствовали на себе силу пальмирцев. Получив от Галлиена полномочия главнокомандующего римскими войсками в восточной части империи, Оденат собрал свою проверенную армию, усилил ее имперскими контингентами и вернул Риму провинции Азию и Сирию, а затем обрушился на персидскую Месопотамию. Его усилиями была освобождена Эдесса, отвоеваны Нисибис и Карры. В сражении у Ктесифона персы были разбиты наголову. Сама сасанидская столица устояла, но Оденат

сжег ее предместья³⁷. Благодарный Галлиен даровал пальмирскому владельцу титул императора.

В 267 году Оденат совершил еще один рейд во владения Сасанидов, и снова успешно. Персидские воины со стен Ктесифона с тревогой наблюдали, как у них на виду сгущаются войска опасного противника. Персов спасло то, что Оденат вынужден был переменить планы и отправиться против «скифов» в Малую Азию, где стал жертвой своего родственника Меония. Направлял ли кто-нибудь руку убийцы? Версия о причастности римлян, убоявшихся усиления Одената, выглядит слишком спорной. Более, чем римлянам, смерть Одената была нужна Шапуру, но опять же, за отсутствием доказательств, этому предположению суждено оставаться лишь нашей догадкой.

Как бы то ни было, Шапур лишился всех территориальных приобретений и под конец своих дней испытал позор тяжкого поражения.

Манихеи

Среди многочисленного окружения, сопровождавшего Шапура в его военных походах, можно было видеть Мани — пророка и основателя религии манихейства. Рожденный в Ктесифоне, он с подачи отца подвизался в некой секте, но затем покинул ее и в 240 году основал свое религиозное течение, которому суждено было распространиться в раннем Средневековье от ромейских земель до уйгурских лесов, до Индии и Китая³⁸. В первой половине сороковых он, начав миссионерскую деятельность, посещает Мидию и город Ганзак, затем отправляется в Индию. В этот период он, похоже, обратил в свою веру Пероза, брата Шапура. Пероз, в свою очередь, поспособствовал встрече Мани с Шапуrom, который недавно взошел на престол.

Знаменательная встреча состоялась в 243 году. Несмотря на молодость — ему было 26 лет, — Мани уже получил известность среди персидской знати, и у него было немало сторонников. Шапур, хотя происходил из жреческого рода, служившего Анахит и почитавшего прочих зороастрийских

богов, тем не менее заинтересовался манихейством и при-
близил к себе пророка. Впоследствии многие годы Мани
провел вблизи шахиншаха и неоднократно сопровождал его
в военных кампаниях³⁹. За пределы Сасанидской империи
он больше не выезжал, миссионерскую деятельность осу-
ществляли его многочисленные последователи. Мани и его
сподвижникам Шапур написал не одно рекомендательное
письмо; в этих письмах он требовал от своих высших чинов-
ников почтительного уважения и заботы к манихеям.

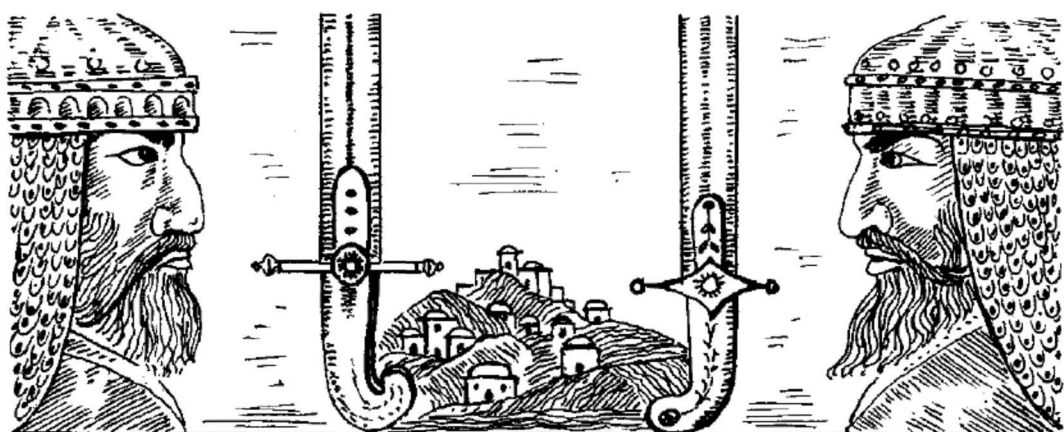
В чем же причины такого долговременного, до конца дней
своих, благоволения к новоявленному «мессии» со стороны
Шапура? Манихейские тексты объясняют дело просто: лю-
ди, в том числе, разумеется, и первый из них — «царь царей»,
проникались словом божьим, звучавшим из уст пророка.

Если же поискать более прагматичное объяснение, то сто-
ит сказать, что манихеев шахиншах поддерживал как проти-
вовес традиционному зороастрийскому жречеству. Шапур,
знавший толк в религиозных догмах, ритуалах и церемони-
ях, мог находиться над противоборствующими сторонами,
исполнять роль эдакого третейского судьи. Позже преемни-
ки Шапура останутся один на один со жреческой машиной,
созданной верховным священником Картиром со товарищи,
и будут вынуждены делиться с ней влиянием и властью. Ша-
пур же все держал под своим контролем.

Наконец, грех было не поддерживать хорошо функциониро-
вавшую миссионерскую систему, налаженную и возглавляв-
шуюся новоявленным пророком, сверстником Шапура. Ма-
нихейская сеть, проникавшая даже на римские территории,
могла быть важным механизмом воздействия на внутренние
дела беспокойной Римской империи. Впоследствии Саса-
ниды еще не раз будут привечать у себя различные ереси,
подтачивающие единство христианской церкви.

Меж двумя Шапурами. Империя в 272–309 годах

Хормизд I (272—273). Бахрам I (273—276). Бахрам II (276—293).
Бахрам III (293). Нарсе (293—302). Хормизд II (302—309)



Шапур I оставил после себя сыновей — Хормизда, Бахрама (Варахрана) и Нарсе. В 262 году он назначил старшего сына, Хормизда-Арташира, «Великим царем» Армении, а позже, находясь на смертном одре, завещал ему всю империю. Взойдя на престол, Хормизд, подобно отцу, именовал себя «царем Ирана и не-Ирана». Кроме того, он первым из Сасанидов стал чеканить этот титул на монетах, что явилось одним из проявлений великоимперских амбиций Персии⁴⁰.

Согласно Ат-Табари, новый правитель не был равен Шапуру «в проницательности и искусстве правления, однако, как считают, превзошел самого себя храбростью, отвагой и статью»⁴¹. Видимо, еще в юности он активно участвовал в римских кампаниях Шапура, а в 255 году, лет 25 от роду, возглавил очередной поход сасанидского войска на запад и внезапным нападением захватил Антиохию-на-Оронте. Вот как описывал позднее это яркое событие Аммиан Мар-

целлин: «...Когда однажды в Антиохии, во время глубокого мира один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхваченные из жизни сценки и публика залюбовалась изяществом исполнения, жена его вдруг сказала: “Если это не сон, то вот персы”. Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась, кто куда мог. Город был подожжен, убито много мирно разгуливавших людей, в окрестностях произведены были страшные грабежи и поджоги, и враги с огромной добычей беспрепятственно ушли домой»⁴².

Если на поле брани Хормизд был в своей стихии, то политического чутья ему, судя по всему, не доставало. Еще в бытность его наместником Армении часть влиятельных людей невзлюбила Хормизда за его властность и неуступчивость. Недоброжелатели даже пытались очернить сына перед отцом, но эта попытка провалилась.

Восточные источники, к сожалению, практически ничего не сообщают нам о правлении этого царя. Мы знаем, что длилось оно год и десять дней и в этот период Хормиздом был учрежден новый округ — Рам-Хормизд. Некоторые авторы (ас-Саалиби, Гардизи) сообщают о восточном походе этого шаха, в земли кушан⁴³.

Тем временем Пальмира играла все более серьезную политическую роль в регионе. Под властью Одената оказались Сирия, Месопотамия, юг Малой Азии, Северная Аравия и Финикия. Когда в 266 году Оденат был убит, власть захватила его жена Зенобия. Она казнила убийц и стала править как регентша сына — малолетнего Вабаллата. Захватив Египет, Зенобия разорвала отношения с Римом, которые начали трещать по швам еще при Оденате. Очевидно, персы в это время оказывали Пальмире некоторую поддержку, хотя она и была неявной.

В 272 году император Аврелиан вытесняет пальмирские войска из Малой Азии и Сирии, осаждает Пальмиру и принуждает город к сдаче. Зенобия попыталась скрыться в Иран, но не успела и была взята в плен. После ухода римлян город, уповая на поддержку Сасанидов и занятость Рима другими проблемами, вновь восстал. Аврелиан, однако, вернул-

ся и тогда уж окончательно уничтожил Пальмиру, перебив ее жителей. Встает вопрос, почему шахиншах не оказал союзникам действенной поддержки? Ведь Рим тогда был ослаблен, и при хорошо организованной военной кампании можно было с ним справиться. Очевидно, и у персов были в тот момент свои проблемы — скорее всего, им помешали внутривнутриполитические дразги.

При Хормизде священнослужитель-хербед Картир, преуспевший еще при Шапуре, становится одним из верховных священников — мобедом⁴⁴. Этот человек на долгие годы придаст вектор развитию религиозной политики Сасанидской империи. Картир был ревностным зороастрийцем. Он неустанно насаждал эту религию, строил храмы огня по всей территории Сасанидской державы, беспощадно боролся с прочими религиозными учениями, которые могли составить конкуренцию зороастризму. Картир оказался единственным за всю историю Сасанидов, кому, помимо царствовавших особ, было позволено высечь рядом с их наскальными рельефами четыре собственные крупные надписи и свои изображения⁴⁵.

После загадочной внезапной кончины Хормизда престол переходит к Бахраму (Варахрану). Этот сын великого Шапура сначала правил Гиляном, затем, после 260 года, получил в руководство Керман. Восшествие его на престол произошло в 273 году.

В 274 году Аврелиан, разобравшись с делами на западе Римской империи, вознамерился нанести удар по Сасанидам. Однако в самом начале кампании император пал от рук своих приближенных, и римская армия повернула назад. На протяжении нескольких следующих лет иранско-римские рубежи пребывали в спокойствии.

Каких-нибудь стоящих упоминания событий в царствование Бахрама не отмечено. Разве что гибель пророка Мани... Дело состояло в следующем.

Бахрам, в отличие от предыдущих шахиншахов, не подвергся внушениям Мани и расценил его учение как вредоносное. Полагают, что за этой резкой нелюбовью шаха к манихейству стояла фигура верховного священника Картира. По общепринятой версии, исходящей от антимианихейских

авторов, мессию по приказу Бахрама убили, содрали с него кожу, набили мякиной и вывесили на воротах царского города Гунде-Шапура (Белапата). Бируни излагает этот же рассказ, но приводит и вторую версию, основанную на собственно манихейской традиции. Согласно манихейским источникам, все было прозаичней: шестидесятилетний Мани, находясь в темнице, отошел в мир иной своей смертью⁴⁶. Правда, голову ему затем отрубили и выставили перед входом в царский дворец. Ктесифонская община и манихеи по всей Сасанидской империи подверглись гонениям, многие бежали на восточные окраины державы — в Мерв и Согдиану. Там они процветали до правления Аббасидов. В 694 году манихеи проникают в Китай. В 762 либо 763 году уйгурский Бёгю-каган, контролировавший тогда Поднебесную, принимает манихейство как государственную религию.

От Бахрама I бразды правления перешли к его сыну, тоже Бахраму. Тот был поначалу царем Сакастана, а в 276 году принял шахиншахский престол и правил Сасанидской империей восемнадцать лет. Но начало его правления было, прямо скажем, нелегким.

По идее, согласно традиции, после смерти Бахрама I престол должен был перейти к старшему в роде Сасанидов, а таковым был царствовавший в Армении Нарсе. Однако по непонятным причинам на трон возвели его юного племянника Бахрама. Возможно, это объясняется происками властного Картира и его соратников⁴⁷. Действительно, юнцом манипулировать было проще, чем налаживать взаимоотношения с Нарсе. А с последним у Картира к тому времени отношения испортились. Как бы там ни было, «партия» верховного жреца победила⁴⁸.

В 282 году Бахрам II вынужден был подавлять мятеж правителя Мешана, который приходился одним из внуков Шапура I. После подавления восстания шахиншах назначил царем Мешана некоего Атурфарнбага, который, как мы увидим далее, будет одним из основных противников Нарсе. Однако на этом бунтовщики не успокоились. В 287 году в Хорасане, видимо при поддержке кушан, начал мятеж Хормизд — сын только что свергнутого мешанского владыки.

Поход Кара и взятие Ктесифона

Как известно, беда не приходит одна. Так случилось и на этот раз. К внутренней сумятице добавилась угроза из Рима. Еще императоры Аврелиан и Проб планировали полномасштабный поход на Сасанидов, но, к счастью для персов, и тот, и другой, едва успев начать подготовку к этому мероприятию, гибли от рук римских солдат, недовольных их правлением. Наконец, в 282 году к власти в Риме пришел префект претория Марк Аврелий Кар. Это был уже пожилой человек, с политическим и военным опытом, уважаемый войсками⁴⁹. Первым делом новый император умело отразил вторгшиеся в Паннонию орды сарматов и квадов. Во время сарматской кампании, согласно историку Евтропию, «получил он известие о смуте в Персии»⁵⁰. Используя открывшуюся возможность, Кар заявил своей главной задачей сокращение персов и возвращение Месопотамии. Надо признать, слово свое император сдержал. Он с сыном-соправителем Нумерианом, пройдя от Паннонии через фракийские земли и Малую Азию, вторгся в Армению и быстро занял эту страну. Персы попытались начать переговоры (или хотя бы подольше потянуть время), но у них ничего не получилось.

В 283 году Кар, спускаясь вдоль Тигра, занял Месопотамию. Римляне вторглись далеко в глубь сасанидской территории и почти не встретили отпора. Причиной такого на первый взгляд вопиющего бездействия Бахрама II была его занятость на востоке державы, где приходилось вести борьбу с восставшим родственником Хормиздом. Шахиншах просто не имел возможности воевать на два фронта. Словом, обстоятельства Кару благоприятствовали. Он был настолько уверен в конечной победе, что на монетах, чеканенных во время месопотамского похода, стал помещать титул почетный «Персидский»⁵¹. И действительно, кампания сопровождалась захватом огромной добычи и завершилась взятием и опустошением оставшегося беззащитным Ктесифона. В последний раз римляне брали Ктесифон во главе с Септием Севером еще при парфиях. Вскоре была занята еще

и Селевкия. К сожалению, каких-то подробностей этих знаменательных событий до наших дней не дошло.

Казалось бы, вот он — апогей славы и отмщение за прошлые римские неудачи! Но Марк Аврелий Кар поступил так же, как десятилетиями позже Юлиан Отступник, — он вознамерился развить успех и пошел еще дальше в глубь персидских владений. Он хотел по максимуму использовать беззащитность Бахрама II. К тому же как вариант римляне держали про запас возможность договориться с его противником Хормиздом... Однако ничего из своих планов осуществить императору не удалось. Вероятно, победоносный Кар не придавал значения давнему предсказанию о проклятии богов в случае, если он перейдет с войском на ту сторону Тигра.

Переправившись через Тигр, шестидесятилетний император умер прямо в своей походной палатке. Скорее всего, от болезни⁵², хотя ходили слухи, будто бы причиной его смерти стал удар молнии в палатку. На этом римский поход и закончился — Нумериан тут же увел легионы восвояси, даже не начав переговоры о мире. Мирный договор Бахрам II заключил уже со следующим императором Диоклетианом в 288 году.

Надо сказать, что знаменитые реформы Диоклетиана (284—305 годы) проходили почти одновременно с правлением Бахрама II. Напомним, что этот римский император ввел правление-тетрархию (два старших правителя и два младших, наследующих им), упорядочил административное управление империей, ввел маневренные армии, уменьшил размер легионов с одновременным увеличением их количества до 72. Общая численность римских войск при Диоклетиане достигла 500 тысяч человек. Военная служба стала наследственной и обязательной. Кроме того, чтобы решить проблемы с комплектованием армии, власть обязала крупных землевладельцев выставлять определенное количество солдат в зависимости от имевшихся у них рабов и колоннов. Армия была поделена на полевую и пограничную. Все эти меры укрепили внутреннее единство Римской империи и повысили эффективность ее войск. А что же в это время предпринимали персы?

У персов за двадцать лет после смерти Шапура I (то есть с 273 по 293 год) сменились четыре шаха, что уже не позволяет говорить об устойчивости политического положения в Сасанидской державе.

В 290 году Диоклетиан вернул на армянский трон Трдата III. В Восточной же Армении продолжал править сын Шапура Нарсе. Интересно, что на армянской земле еще со времен Шапура действовала довольно экзотическая фигура — китайский принц Мамго, имевший под своим командованием отряд китайской кавалерии. Мамго быстро почувал, куда ветер дует, и моментально перешел на сторону ставленника римлян Трдата. Этот самый Мамго (у Мовсеса Хоренаци — Мамкон) явился зачинателем спарапетского армянского рода Мамиконянов. Сами Мамиконяны связывали свое происхождение с областью Чен, но вот где конкретно она находилась, не совсем понятно⁵³, и исследователи помимо Китая связывают выдающуюся спарапетскую династию с Индией и Центральной Азией, Средней Азией⁵⁴ и Грузией⁵⁵.

При Бахраме II Картир и традиционная маздаянийская вера обретают практически безраздельное господство в державе. Как пишет сам Картир, шахиншах «меня во всей стране сделал мобедом и судьей и сделал меня владыкой и распорядителем храма огня Анахит-Ардашир и Анахит-госпожи в Стахре... И маздаянийская вера и маги в стране получили великое господство... и иудеи, и буддийские жрецы, и брамины, и назареи, и христиане, и мандеи, и зиндики (манихеи) в стране были разбиты...»⁵⁶.

Бахрама II сменил на престоле Бахрам III — его сын, до воцарения правитель Сакастана (Систана). К поставлению его на трон также приложил руку Картир. Были и другие, явные, исполнители. Так, царскую корону на Бахрама возложил Вахнам, сын Татра, бывший распорядителем царского имущества при Шапуре I и Бахраме II. Однако при этом были в очередной раз обойдены наследственные права последнего сына Шапура — Нарсе. В 293 году тот восстал, поддерживаемый армией и значительной частью знати. Его сторонники собрались в Асорестане, в местечке Хайан-и-Никатра⁵⁷. Среди них оказался и Картир, вовремя поняв-

ший, что затея с укреплением на троне Бахрама III обречена на провал, и переметнувшийся на сторону более сильного претендента. Вахнаму тем временем удалось заручиться военной поддержкой выше упоминавшегося Атурфарнбага — царя Мешана. Противоборствующие армии уже сближались у границ Асорестана, когда Атурфарнбага покинула часть его войска⁵⁸. Вахнам был схвачен своим же окружением, посажен на хромого осла и привезен к Нарсе, в город Бахрамшапур. Вскоре его казнили; та же участь постигла Атурфарнбага и самого Бахрама III. Новый шахиншах ограничил власть жречества, и таким образом теократическому засилью Картира пришел конец.

В том же 293 году армяне, подстрекаемые римлянами, захватили Ассирию. Но Нарсе в 294—295 годах не только вернул Ассирию, но и оккупировал саму Армению. Здесь в дело вмешались римляне. Диоклетиан расположился в Антиохии и принялся подтягивать туда войска. Одновременно с этим его соправитель цезарь Галерий устремился непосредственно на персов, но пошел он напрямик из Сирии в Месопотамию, через жаркие пустынные равнины, чем сильно уменьшил свои шансы на победу.

В 296 году на Евфрате, между Каррами и Каллиником, римляне трижды сходились с войсками Нарсе. Первые два сражения не выявили победителя, в третьем же персы разбили римлян⁵⁹. Когда Галерий прибыл к Диоклетиану, чтобы сообщить о неудаче, соправитель-август, прежде чем выслушать его, велел ему, одетому в императорские одежды, усыпанные алмазами, на виду у всех присутствовавших прошагать более полутора километров за своими носилками по грязной дороге. После «разбора полетов» Галерий укомплектовал войско новым контингентом, набранным в дунайских провинциях. Между тем Нарсе не предпринимал активных действий ни со стороны Армении, ни из Месопотамии, сохранив тем самым свободу действий для римлян. Причина такого поведения, увы, нам доподлинно не известна.

В 298 году Галерий, имея под своим командованием 25 тысяч воинов, вторгся в Северную Месопотамию. К римлянам присоединились армянские войска во главе со спарлаптом Артаваздом Мамиконяном. В результате двух успешных

сражений недалеко от римского военного лагеря в Сатале (современный Садак в Турции) Галерий разбил огромную, до 100 тысяч человек, армию Нарсе. Затем римляне захватили лагерь шаха, его казну и гарем. Галерий продвинулся в Мидию и Адиабену, одержал ряд побед, особенно важную у Эрзурума, и взял Нисибис. Спустившись вниз по Тигру, он дошел до Ктесифона. Нарсе стал просить о мирных переговорах. Галерий был настроен продолжить военные действия, но Диоклетиан счел это рискованным. Начались переговоры, закончившиеся подписанием мира.

Условия этого мира, заключенного в Нисибисе, были очень тяжелыми для персов. Границей между империями объявлялся Евфрат, Армения возвращалась под римский контроль, в Кавказской Иберии оставался представитель Рима. Ромеям переходил контроль над землями пяти провинций между рекой Тигр и Арменией (области Арзанена, Моксоена, Забдицена, Регимена, Кордуэна). На отвоеванной территории римляне построили крепость Амиду. Вся торговля Сасанидов с Западом впредь могла вестись только через подконтрольный Риму Нисибис.

Вследствие римского доминирования в регионе, установленного Нисибисским миром, стало активно расширяться сирийское христианство (центром которого стал Нисибис); вскоре крестилась Армения.

После подписания мирного договора Нарсе покинул трон и умер год спустя. Галерий же по случаю победы построил триумфальную арку, которую до сих пор можно видеть в греческом городе Салоники.

Надо сказать, что Нарсе в отличие от своих предшественников вполне терпимо относился к различным религиозным учениям и не насаждал фанатично зороастризм. В этом он был продолжателем дела своего отца — Шапура I. Под защитой Нарсе вполне комфортно чувствовали себя манихеи, гонимые в Риме Диоклетианом.

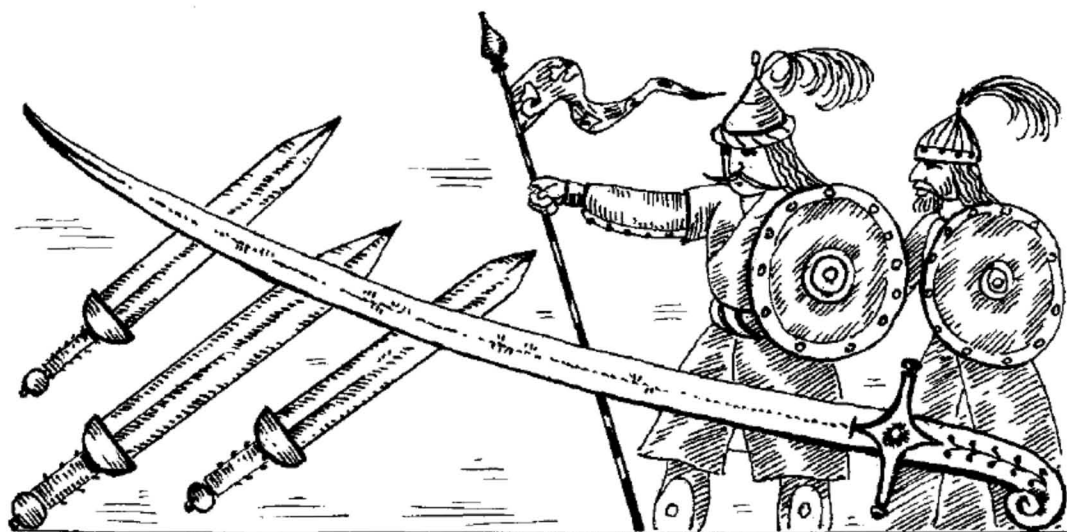
После девятилетнего правления Нарсе власть перешла к его сыну Хормизду. Хормизд II принял державу, охваченную пожаром восстаний и сепаратизма. Покуда на востоке он подавлял беспорядки в Систане и Кушаншахре, на западе своевольничал нобилитет. В ряде источников есть смутные

указания о военных столкновениях Хормизда с римлянами⁶⁰. Сасаниды, конечно, желали реванша, но для открытого противостояния сил пока не было, хотя, возможно, какие-то пограничные конфликты и были.

Результатом всех описанных перипетий стало убийство шаха в охотничьем лагере в 309 году. Шахиншахом стал было его сын Атур-Нарсе, но удержаться на престоле не сумел, так как был свергнут знатью.

Опустевший трон занял с самого своего рождения младший сын Хормизда — Шапур II, появившийся на свет уже после смерти своего отца.

Шапур II Великий —
долгожитель при власти
(309—379)



Начало жизни и начало правления

Из всего длинного ряда сасанидских правителей Шапуру II принадлежит рекорд пребывания у власти — он правил целых семьдесят лет! Даже если убрать годы детства и юности, Шапур все равно останется вне конкуренции: ближе всего к нему будут Хосров I Ануширван (сорок восемь лет правления), Кавад I (сорок один год, но с перерывом) и Хосров II Парвиз (тридцать восемь лет). Однако столь долгое правление начиналось далеко не безоблачно.

Известие о смерти Хормизда II заставило активизироваться предприимчивых соседей: уже самое начало жизни и правления Шапура было омрачено вторжениями римских войск, арабов и кочевников с северо-востока. Согласно Атабари, «ближе всего к Персии были земли арабов, и, кроме того, этот народ более других нуждался в питании и местах для жилья, потому что их образ жизни был жалким, а пища скудной. Итак, они толпами вышли из области Абдалкай-

са, из Бахрейна и Кязмы, пересекли море и напали на Решахр, побережье Ардашир-Хурры и другие берега Персии. Они захватили скот, зерно и прочее добро у тамошних жителей и вызвали сильную тревогу в стране. Так продолжалось немалое время, и персы не сопротивлялись, потому что их царем был младенец, которого не боялся никто»⁶¹.

Византийский историк Агафий Миринейский так описывает обстоятельства воцарения Шапура II: «Когда мать его еще носила во чреве, закон наследования царского рода призывал к власти то, что еще должно было родиться. Не знали только, кто будет наследник — мальчик или девочка, итак, первые люди государства предложили магам награды и дары за предсказание. Они вывели на середину кобылицу, уже близкую к родам, и потребовали, чтобы маги прежде всего предсказали относительно нее, что будет рождено от нее... Я не могу точно ответить, что ими было предсказано относительно кобылы. Ничего мне не известно, кроме того, что все случилось так, как ими было сказано. Когда на этом все убедились, что маги прекрасно изучили искусство предсказания, то потребовали, чтобы они предсказали, что произойдет с женщиной. Когда же те ответили, что родится мужское потомство, то нисколько далее не медлили, но положили кидар⁶² на чрево, провозгласили зародыш царем, дали имя зародышу, уже настолько выросшему, как полагаю, что он внутри двигался и трепетал... Немного спустя родился и Сапор (Шапур. — *Авт.*), начавший сразу царствовать»⁶³.

По рождении нового шаха регентские полномочия исполнялись его матерью и поддерживавшей ее группой персидского нобилитета. Достигнув дееспособного возраста, Шапур II принял власть и вскоре показал себя энергичным и эффективным правителем.

Он, видимо, был наслышан о победе Картира и не хотел, чтобы духовное лицо сосредоточило в своих руках власть, сравнимую с царской. Не желало этого, конечно, и его окружение. Поэтому сама должность мобедана мобеда и всякие сопутствующие ей полномочия были упразднены, в различные части Сасанидской державы были отправлены разные магупаты. Новый верховный жрец Атурпат Михраспандак

был также фигурой видной: крупнейший духовный авторитет своего времени, очиститель маздаянийской веры от скверны, человек, занимающийся кодификацией Авесты. Но при всем при этом он был всецело подконтролен Шапуру.

Молодой Шапур, собрав армию, двинул ее прежде всего против арабов. В результате кампании 325 года беспокойные племена на востоке Аравии были разбиты. Сасанидам удалось поставить те края под свой контроль, о чем, помимо письменных источников, свидетельствуют и нумизматические находки⁶⁴.

Первая кампания против Рима

В 324 году между Константином I и правительством Шапура II были установлены дружественные отношения, христианам была гарантирована протекция со стороны шаха. Но по прошествии лет, в 335 году, Шапур все же выступил против Рима. На фоне военных успехов Константина молодой Шапур выглядел бледно, и ему как воздух требовались громкие победы. Нельзя забывать и про ущемленные экономические интересы персов. Наконец, Сасанидов и самого шаха не могло не беспокоить сближение Рима и Армении на почве христианства. Перед Шапуrom II стояла задача восстановить гегемонию Ирана в Кавказском регионе.

В ходе первой антиримской кампании Шапуру удалось выиграть ряд сражений, но территориальных приобретений не случилось: неудачными оказались осады Нисибиса, а отвоеванные персами Сингара и Амида затем снова были захвачены римлянами. Сасаниды небезосновательно ждали, что империя нанесет ответный удар. В 336 году Шапур II отправил к Константину I посольство в надежде договориться о мире, однако император послов не принял — он готовился к вторжению в Персию. Впрочем, угроза, надвигавшаяся на Сасанидскую державу, неожиданно исчезла — Константин I умер.

Армения

В 337 году Шапур II организует поход с целью завоевания Армении. Сасаниды решили не упускать благоприятного момента, когда армяне были ослаблены сначала междоусобной войной знатных нахарарских, то есть дворянских, родов (Манавазянов и Ордуни), а затем массовым вторжением племен с севера (мазкутов, гуннов, аланов и т. д.). Возмутителей внутреннего спокойствия уничтожили, а вторгшиеся орды во главе с их предводителем Санасаном (он же — Санатрук) удалось разбить⁶⁵. Однако страна была серьезно обескровлена.

Сасаниды использовали все рода войск, включая элфантирию. Продвинувшись в армянские пределы, персы переманили посланного сражаться с ними полководца Датабена и с его помощью подвергли армянское войско разгрому: «Они внезапно и неожиданно напали и перебили сорок тысяч армянского войска, а остальное войско обратилось в бегство»⁶⁶. Бежавшие, добравшись до ставки царя Хосрова III, сообщили об измене и разгроме. Хосров с невероятными усилиями стягивал под свои знамена нахараров и оставшиеся военные силы. Персы же немного погодя продолжили наступление. Произошедшее далее описано Фавстосом Бузандом следующим образом: «Противники встретились друг с другом на берегу Бзнуникского моря⁶⁷, в местечке Арест, на небольшой речке, возле царских рыбных промыслов. И они увидели множество персидского войска, несметное, как звезды на небе и как песок на берегу морском; ибо было у них огромное количество слонов и безмерное количество войска. Но армяне, настигнув, напали на их войско, уповав на Бога, разгромили, перебили, уничтожили их, не оставив никого в живых. Они захватили большую добычу и слонов и все, что составляло силу их войска»⁶⁸. Предателя Датабена изловили и казнили через побивание камнями.

Повесть Бузанда, раздувая размеры сасанидских войск, конечно же, преувеличивает значение победы армян. Но персы явно были разбиты. Неудача при Аресте тем не менее не остановила Шапура II от дальнейших попыток втор-

жения в Армению, и армянский царь продолжал оставаться настороже: «...Он установил закон, согласно которому великие вельможи и нахарары — властители и владельцы стран... должны были сами оставаться при нем и сопровождать его, и никто из них не должен был находиться при царском войске. Это потому, что он боялся двурушничества с их стороны... На старика же Ваче, исконного спарапета и полководца Великой Армении, и на храброго Вагана Аматауни он полагался вполне. Он собрал войска всех старших нахарарских домов, слил их с царскими войсками и все войско передал в их руки, и они все время храбро воевали в пределах Персии и не позволяли никому нагло и без страха вторгаться и разорять армянскую землю»⁶⁹.

Вторая кампания против Рима

Шапур, будучи осведомлен о проблемах римского императора Констанция на западе, предпринял вторую попытку вторжения, в ходе которой опустошил Верхнюю Месопотамию и осадил Нисибис. Он предполагал взять город до прихода подмоги, но римская твердыня устояла в течение 23-дневной осады, дождавшись подхода к театру военных действий войск самого императора.

Христианский вопрос

При всем господстве традиционной зороастрийской веры конфессиональная политика Шапура была вполне умеренной, до поры до времени даже толерантной. При нем на территорию Персидского царства стало активно проникать христианство, главным образом несторианского толка. В основном христиане проживали в Месопотамии. Рост и влияние христианской общины стали со временем раздражать не только магупатов, но также персидских манихеев и иудеев. «Царь царей» до поры до времени не рассматривал христиан как врага, однако постепенно ситуация менялась: конфронтация — теперь уже не с Римом, а с Константинополем —

входила в открытую стадию, и в персидских последователях Христа Шапур II, не без подсказки «доброжелателей», стал отчетливо видеть шпионов и предательскую «пятую колонну»⁷⁰. В 338—339 годах начались гонения на христиан, которые выражались, во-первых, в принуждении к маздаинской вере и открытых расправах, а во-вторых — в двойном увеличении подушного налога для христиан⁷¹. Отказывавшиеся его выплачивать опять же подвергались расправам. Как повествует «Хроника Арбелы», «многие семьи были уничтожены с корнем... и меч продолжал взмахивать над их шеями...»⁷².

В 338 году проперсидская партия в Армении свергла Хосрова III. Однако желанного контроля над этой страной Шапур так и не добился — начались восстания против персов. Чтобы окончательно не потерять свои позиции в регионе, он считал целесообразным восстановить на армянском троне Аршака II — сына и законного наследника Тиграна и, соответственно, внука Хосрова. Этот шаг позволил упрочить позиции Сасанидов в Кавказском регионе.

Неприступный Нисибис

Подстраховавшись со стороны Армении, Шапур направил свои усилия на западное направление. В 346 году он во второй раз подверг осаде Нисибис, но снова безрезультатно. В 344 или 348 году сасанидское войско обрушилось на римские владения, перейдя реку Тигр неподалеку от римской крепости Сингары (современный город Синджен на севере Ирака). Здесь, на равнине, раскинувшейся на 20—25 километров к юго-западу от Тигра, персы во главе с самим Шапуrom II и ромеи во главе с Констанцием II сошлись в крупном полевом сражении. Несмотря на некоторый успех, результаты его не принесли Шапуру особых стратегических достижений. В 350 году шахиншах организовал третью осаду неприступного Нисибиса, в ходе которой погибло 20 тысяч персов. Армия Сасанидов в очередной раз отхлынула от крепостных стен не солоно хлебавши. Причиной тому, однако, были не только крупные потери.

Проблемы с востока

Военные действия на западе прервали тревожные события на восточных границах Сасанидов. Шапур II вынужден был прервать осаду Нисибиса и с основными силами отправился в Среднюю Азию, оставив, впрочем, контингенты чтобы контролировать ситуацию на западе. Как пишет Аммиан Марцеллин, в 354–355 годах «персидские командиры, стоявшие по соседству с пограничными реками, тревожили наши территории грабительскими набегами, в то время как царь был занят в крайних областях своих земель»⁷³.

Что же заставило Шапура двинуться к крайним восточным рубежам его державы? Причиной беспокойства стала новая угроза в лице неведомых дотоле хионитов. Хионитский племенной союз, судя по всему, принадлежал к какой-то из древних групп ираноязычных кочевников, обитавших в горно-степной полосе Центральной Азии. В конце 340-х годов воинственные номады, объединившись с остатками кушан, стали угрожать Трансоксиане — стратегически важному пункту контроля на Шелковом пути. В их руках оказался город Балх. Дела были настолько плачевны, что с середины 350-х годов шахиншаху уже самолично пришлось разбираться с ситуацией на восточных пределах. Шапур II приложил немалые военные усилия, но разбить хионитов так и не удалось. Скорее, наоборот. Как конкретно развивались события в эти годы, мы уже никогда наверняка не узнаем, однако можно полагать, что персы потерпели поражение, но силу свою сохранили. В конце концов стороны сочли разумным решить дело миром. Царь хионитов Грумбат пошел на союз с персами и вскоре появился со своей конницей в Месопотамии⁷⁴. На восточных границах империи Сасанидов установилось спокойствие, но, как позже выяснилось, затишье было временным.

Уже в начале V века персам вновь пришлось столкнуться с юэчжийскими воинами — на этот раз с ордой кидаритов. Кидариты, судя по китайским источникам, жили в предгорьях Нань-Шаня. Возглавлял их «храбрый государь Цидоло», или Кидара⁷⁵. Вскоре кидариты завоевали «пять царств»

к югу от гор Гиндукуша, захватили Гандхару и Тохаристан. Объединившись с хионитами или подчинив их себе, они стали теснить персов из региона.

Третья антиримская кампания

В то время как Шапур II завяз с проблемами на востоке своей огромной державы, его противник Констанций и рад бы был воспользоваться ситуацией, но ему пришлось отвлекать ресурсы и усилия на подавление восстаний Магненция и Ветраниона. Таким образом, на протяжении восьми лет Шапур и Констанций пребывали в состоянии вынужденного мира. За это время римскому императору удалось подавить мятежи на западе и заключить союз с Аршаком, что никак не устраивало шахиншаха.

Развязав руки для действий на западе, Шапур вознамерился вновь обрушиться на восточноримские провинции. Римляне попытались, как могли, предотвратить надвигающуюся угрозу. Для начала префект претория Музониан и дукс Месопотамии Кассиан вступили в тайные переговоры «через каких-то солдат» с сатрапом пограничной Адиабены Тамсапором и убедили его написать своему царю письмо, сообщающее о предложении мира⁷⁶. Инициативу римлян шахиншах воспринял как слабость ромеев и их императора Констанция. Свой ответ и подарки он отправил с неким Нарсе. В ответном письме условием мира Шапур выдвинул возвращение Армении и Месопотамии. Римляне, само собой, на такое пойти не могли, и переговоры зашли в тупик. Персидское посольство отправилось на родину.

Через несколько дней вслед за отбывшими персами Констанций отправляет к Шапуру римских послов: комита Пропера, трибуна и нотариуса Спектата, а также философа Евстафия, имевшего репутацию «мастера убеждать». Аммиан Марцеллин сообщает, что они везли ответное письмо Констанция, дававшее в аккуратной форме отповедь претензиям Шапура, и подарки. Очевидно, основной задачей их было «задержать всеми способами военные приготовления Сапора, чтобы укрепить по возможности обороноспособность

северных провинций»⁷⁷. Прибыв в Ктесифон, послы отдали письмо с подарками и принялись склонять Шапура к миру без возбуждения вопроса о положении Армении и Месопотамии. Переговоры длились долго, но все доводы и даже красноречие Евстафия оказались не способны переубедить грозного царя царей.

После этого посольства Констанций с теми же условиями направил к Шапуру еще одно — комита Луциллиана и нотарию Прокопия. Но тоже безрезультатно.

Шапур меж тем собирал войска и продовольствие — он планировал начать поход, как только окончится зима. Решимость шаха была подкреплена побегом римлянина Антонина, «чиновника по счетной части при дуксе Месопотамии». Антонин, располагавший важной информацией о состоянии дел в восточных провинциях и о военных силах римлян, был любезно принят Шапуром и принялся убеждать его в скорейшем нападении. На руку персам было и то, что ко двору Констанция был отозван способный военачальник Урзицин, на протяжении десятка лет державший под контролем восточную границу. На смену ему поставили престарелого и ограниченного Сабиниана. Персидское командование сочло разумным «не заниматься опасными осадами городов, а форсировать переправу через Евфрат и идти вперед» — на богатые внутренние провинции римлян.

В 359 году персы с союзными им хионитами и албанами вторглись в римские владения. О хионитах и кидаритах уже было упомянуто. Теперь несколько слов об албанах. Албаны — это обобщающее название для множества племен, обитавших на территории Кавказской Албании. Албания, или Алуанк армянских источников, соответствовала приблизительно территории современного Азербайджана и граничила с Армянским царством по реке Куре. Имея под боком сильную соседку Армению, албанские цари традиционно искали защиты в лице Ирана и ориентировались на него.

Так вот, миновав Адиабену, персы и их союзники подошли к Евфрату. Ромеи заблаговременно отступили, оставив перед Сасанидами опустошенные хозяйства и выжженные поля. Шапур повернул на север, миновал неприступный Нисибис и оказался в приграничье Армении — у города-кре-

пости Амида. При попытке шаха убедить к сдаче защитников Амиды выстрелом из римской баллисты был убит сын хионитского царя Грумбата. Это автоматически означало осаду дерзкого города и приостановку дальнейшего продвижения. Среди защитников Амиды находился и знаменитый ныне историк, уроженец Антиохии Сирийской Аммиан Марцеллин, написавший впоследствии книгу «Деяния», повествующую о событиях 353—378 годов и сообщающую много интересного о персах и их войске в правление Шапура⁷⁸. Стянувшая на себя силы персов, пограничная Амида пала после 73 дней осады, а ее 20-тысячное население было в большей части истреблено. Персы, по подсчетам римлян, понесли потери в 30 тысяч человек. Цифры, очевидно, преувеличенные, но в целом говорят о больших жертвах со стороны сасанидского войска. К описываемому моменту Констанций смог собрать довольно внушительные военные силы, и Шапур счел благоразумным отступить на зимнее время за Тигр.

В следующем, 360 году штурмом была взята стоявшая в одиночестве Сингара. Защитников ее депортировали в отдаленные области Сасанидской державы. Нисибис же, опасаясь завязнуть под ним, Шапур снова обошел стороной. Затем шахиншах в результате ожесточенного штурма взял город Безабду (Фениху), подвергнув его жителей избиению и грабежам. Городские стены, пострадавшие во время штурма, тут же были восстановлены, и защищать город, теперь уже от ромеев, был оставлен сильный персидский гарнизон. Крепость Вирту Шапур как ни пытался, так и не взял и отступил восвояси.

Поход Юлиана

Констанций вскоре скоропостижно скончался, и место его занял Юлиан II Отступник (360—363), известный любовью к философии, притеснениями христиан, а также своими победами над германским племенем аламаннов. Информацию об Юлиане как правителе, полководце и просто человеке можно найти в том же сочинении Аммиана Мар-

целлина, а также в речах известнейшего оратора того времени — Либания. Последнему по иронии судьбы довелось быть учителем как Юлиана, так и одного из столпов нелюбимого им христианства — Иоанна Златоуста.

Новый император решительно вознамерился добиться реванша в борьбе с Сасанидами. Его не смогли удержать ни предложение мира от Шапура, ни советы приближенных, ни высокие военные расходы. Что же двигало Юлианом?

Вероятно, император верил, что успех кампании увеличит популярность его антихристианских починов. Он мог также надеяться, что успешная антиперсидская кампания сплотит бюрократию и армейские круги западной и восточной частей империи. Наконец, Марцеллин утверждает, что причиной похода стал беспокойный склад характера императора и желание получить титул *Parthicus*, то есть Парфянский.

Итак, Юлиан собрал огромную армию, усиленную значительной флотилией — в совокупности около 60 тысяч человек, — и вторгся в земли Сасанидов. Начался марш вдоль берегов Евфрата.

С севера основные силы, соединившись с армянским царем Аршаком, должна была прикрывать 30-тысячная группировка Прокопия и комита Себастиана. Для начала от них требовалось очистить от возможного неприятеля области в верховьях Тигра и Большого Заба, привести к покорности местных властителей, а уж затем, уладив здесь дела, отправиться на соединение с главными силами. Вот только Юлиан и его штаб рассчитывали, что на все про все северная группировка затратит максимум месяц времени. Это, конечно же, было ошибкой, которая, как позже выяснилось, оказалась роковой.

К императору явились посланники от арабских племен с предложением помощи. Он отверг их союз, поскольку не доверял им. Однако впоследствии по дороге из Каллиника в Киркесий арабы вновь явились к Юлиану. Они поднесли ему золотую корону и воздали почести как «господину народов мира и своему». После этого арабы были приняты на службу⁷⁹. Позже, когда Юлиан погиб и потерявшая императора армия находилась под беспрестанными ударами персов, они стали серьезной проблемой, поскольку взбунтовались

и стали нападать на римлян. Это тоже повлияло на исход кампании.

Шапур II должен был как-то реагировать на римскую угрозу. Персы решили поступить следующим образом: сам шах отправится в восточные провинции и там наберет войско, достаточное, чтобы потягаться с римлянами; персидский же нобилитет и военачальники (Пигран, Нарсе и прочие) останутся защищать Ктесифон и ждать подхода Шапура.

Юлиан, лишь иногда тревожимый персидскими засадами, брал одну крепость за другой — Анафа сдалась без боя, Пирисабор и Майозамальха были взяты штурмом. Без особых проблем римляне дошли до Ктесифона.

Только тут Юлиан встретил крупные силы персов во главе с их вельможами. Персидские войска контролировали берега Тигра в местах возможной переправы римлян. Берега реки здесь были круты. Это обстоятельство, возможно, дало повод патрулям слегка расслабиться, чего не стоило делать. По крайней мере, в случае с Юлианом. Согласно Либанию, «собрав после трапезы начальников частей и разъяснив, что остается один-единственный путь к спасению, переправившись через Тигр, иметь возможность располагать опять не разоренною страною, он встретил в ответ со стороны прочих молчание, а тот, кто командовал большею частью войска, высказался против, пугая высотой крутого берега и численным перевесом у врагов»⁸⁰. Однако, несмотря ни на что император, отправив в дело часть войск (пять кораблей во главе с комитом Виктором), организовал ночью дерзкую, неожиданную для персов переправу через Тигр. Началась сеча. В ходе ожесточенного сражения, длившегося от рассвета до заката, Юлиан одержал верх над противником. Персы, теснимые римлянами, отошли в Ктесифон. Потери их составили 2500 человек⁸¹. Римляне якобы потеряли только 70 человек...

Саму персидскую столицу Юлиан брать не стал — на военном совете римское командование сочло осаду делом слишком хлопотным, да и рискованным, так как опасалось появления Шапура со свежими войсками, набранными на востоке державы.

Меж тем корпус Прокопия и Себастиана все не подходил. Прокопий и Себастиан, конечно же, обезопасили се-

верные тылы и направились на соединение с Юлианом, но в июне, когда император ждал их прибытия у стен Ктесифона, они еще обретались на армяно-персидской границе. В целом же северная операция заняла не месяц, на что рассчитывал Юлиан, а как минимум вдвое больше⁸².

Учитывая сложившиеся обстоятельства, разумнее было не рисковать и сразу же от Ктесифона вернуться северо-западным путем на родину. Но Юлиан совершил очередную ошибку — он пошел дальше, в глубь сасанидских владений, на юго-восток. После Ктесифона флот стал обузой для войска, и его сожгли⁸³. Существует версия, что причиной такого поведения Юлиана стал некий перебежчик, намеренно подосланный хитрыми персами. Он убедил бредившего великими замыслами императора, что, взяв районы Экбатан и Суз, римляне подкрепят там свои силы и смогут «дожать» персов. Умудренные опытом командиры пытались предостеречь Юлиана от этого шага — но все тщетно.

Вскоре обозначился перелом в кампании. Перебежчик как появился, так и исчез, проводники же, как оказалось, вели римское войско в неверном направлении. Какое-то время ромеи проходили по местности, в изобилии доставлявшей им продовольствие. Но вскоре персы применили тактику «выжженной земли» — подожгли на пути ромеев траву и посевы хлеба. На данном этапе их скифско-парфянская тактика заключалась еще и в следующем: «Персы... — как пишет Марцеллин, — то нарочно рассеивались на далеком расстоянии, то иной раз напирали на нас в густой боевой линии». А подкрепления в лице Аршака и северного корпуса так и не подошли. После очередного напряженного совещания римляне все же повернули к северо-западу, однако ситуация для них ничуть не улучшилась, поскольку усилились атаки персидской конницы.

Сасанидский натиск все нарастал, и наконец в местечке Маранга крупные силы персов во главе с начальником конницы Мереной из рода Михранов и двумя шахскими царевичами атаковали уставшую армию Юлиана. Впереди располагались «закованные в железо» отряды катафрактариев, за ними — лучники и затем — слоны. Однако реализовать свое преимущество персам не удалось — закаленные в бо-

ях римские манипулы быстро преодолели зону персидского обстрела и вступили с противником в прямое соприкосновение. А уж в рукопашной им не было равных. В результате многочасового ожесточенного боя сасанидские войска понесли чувствительные потери и отступили⁸⁴. Но ненадолго.

Кульминацией римских бедствий стала нелепая смерть императора во время очередной из стычек с персами. На этот раз шахские войска навалились на римскую колонну со всех сторон, с привлечением катафрактариев и лучников под прикрытием слонов. Юлиан поспешил в ряды сражавшихся, но в спешке не надел доспехи — и был поражен кавалерийским копьем в руку, ребра и печень. Сражение воины Юлиана все же выиграли, уничтожив в этой кровавой сече полсотни персидских вельмож и сатрапов, в том числе военачальника Мерену⁸⁵. Однако вскоре отошел в мир иной и сам Юлиан.

Тем временем Шапур привел к месту действия дополнительные войска. От одного из римлян-перебежчиков он узнал о гибели Юлиана и выдвижении на его место Иовиана — бывшего протектора, «человека бездеятельного и слабого». Эта весть окрылила Шапура. Те дары, которые подготовлены были для возможных мирных переговоров с Юлианом, он «пожертвовал в качестве приношения богам-спасителям... и прибрал волосы по обычаю, в то время как в пору опасности оставил их без ухода...». Опасного, непобедимого до сих пор противника не стало, и римлян наконец-то можно было «дожать». Одним словом, пришло время действовать. Шахиншах, соединив в один кулак конницу и пехотные войска, стал методично бить по римской походной колонне.

Иовиан, будучи прижат персами к восточному берегу Тигра, согласился вернуть Сасанидам области Арзакену, Моксоэну, Забдицену, Регимену и Кордуэну, что были отторгнуты у Сасанидов по миру 298 года, а также пятнадцать крепостей и города Нисибис, Сингару и Кастра Маврорум. Нисибис передавался персам, так сказать, во временное пользование — на 120 лет. Римлянам ко всему прочему пришлось «сдать» Аршака — Иовиан обязался не оказывать помощи армянскому царю, если тот будет просить ее против персов⁸⁶. Стороны также договорились помогать друг дру-

гу в обороне кавказских проходов. При этом ромеи должны были содержать персидские войска, оборонявшие горные рубежи. Указанная выплата впоследствии давала Ирану право называть Византию, преемницу Рима, своим данником. Договор был заключен на тридцать лет и скреплялся передачей друг другу знатных заложников.

Можно задаться вопросом: «А смог бы выиграть эту, очередную, схватку с персами Юлиан, останься он жив?» Трудно сказать наверняка, но скорее всего — нет. Конечно же, он был опытный и удачливый военачальник, и армия его уважала и поддерживала. Но персы к тому времени подтянули достаточно сил, и резервы к ним все прибывали, в то время как ромеи были измождены от голода, окружены и отрезаны от ресурсов. Рано или поздно все должно было закончиться в пользу Ирана. Весь трагизм положения Юлиана выразил Ф. И. Успенский, написав о нем следующие строки: «...Он глубоко верил и в свое назначение покорить весь мир, и в свою миссию восстановить почитание языческих богов... Хотя реальная действительность не соответствовала его фантастическим представлениям, но он честно и убежденно шел к решению задач, которые считал для себя обязательными»⁸⁷.

Дела кавказские

Трагичной была судьба Армении — в 364 году, после смерти Иовиана, Шапур приступил к овладению Армянским царством. Согласно Фавстосу Бузанду, с 364 по 369 год персы организовали 27 походов на армянские земли⁸⁸. Как правило, во главе рейдов стояли перебежчики из знатных армянских родов. Однако этим способом персы контроля над Арменией так и не добились. Сасанидский царь не раз приглашал Аршака на переговоры, к налаживанию отношений с Сасанидами были настроены и многие армянские династы, но Аршак был непреклонен и не шел на компромисс.

Тогда Шапур пустил в ход коварство. Он ультимативно потребовал, чтобы Аршак явился к нему в Ктесифон, и обещал обеспечить безопасность армянского гостя. Аршак при таком раскладе решил рискнуть — и приехал на перегово-

ры. Однако был схвачен, ослеплен и посажен в темницу, где и умер. Шапур был настроен полностью подчинить Армению и насадить там маздаянийскую веру. Но жена Аршака — царица Парандзем не смирилась с этим и продолжила борьбу с персидской агрессией, негласно поддерживаемая римлянами.

Сасаниды ответили усилением контроля в государствах, окружавших Армению. Так, через год после описанных событий был смещен проримски настроенный царь Иберии Савромак и заменен персидским ставленником Аспакуром. Сын последнего Ультра отправился в Иран в качестве заложника. Видимо, в эти же годы к соседней Албании перешли пограничные армянские области Утик, Сакасена, Гардман.

В 368 году после длительной осады была взята крепость Артогерасса, где находилась Парандзем с сыном Папом и царской казной. Царицу захватили в плен. После этого Армения была подвергнута жесточайшему разгрому. Ее цветущие города Арташат, Вагаршапат и Зарехаван персы разрушили, а жителей увели в плен. Однако царевич Пап смог бежать на ромейские рубежи и вскоре был тепло принят императором Валентом.

Наконец в 371 году Валент решился на конфронтацию со старым Шапуrom. Он выделил Папу войско во главе с комитом Аринфеем, с помощью которого царевич вернул себе захваченные персами территории и крепости. Пап стал новым армянским царем, и царство его пестрело немалым числом римских гарнизонов. Шапур II заявил римлянам протест, но, занятый войной на востоке, никаких решительных действий не предпринял. А в 372 году спарапет Армении Мушег Мамиконян вторгся в Персию и захватил лагерь Шапура в Атропатене.

В это же время Валент отправил в Иберию войско (двенадцать легионов во главе с Теренцием), которое фактически поделило страну между вернувшимся Савромаком и персидской марионеткой Аспакуром. Персы посчитали это недопустимым нарушением договора, и шахиншах отправил навстречу ромеям свои войска. Впрочем, боевые действия велись крайне вяло и не привели к сколько-нибудь серьезному результату.

Последние баталии

Шапур II строил планы по возвращению утраченных позиций на Кавказе, но для этого требовались ресурсы и время. Валент, тоже готовясь к новой войне, стягивал силы на восток. В 373 году римляне под Вагабантой подверглись нападению сасанидской конницы, но смогли устоять⁸⁹. Однако это была лишь разведка боем. Основные события были впереди. Вскоре старый шахиншах во главе своей армии лично прибыл в Атропатену, на место военных действий. Одновременно неподалеку сосредотачивались силы противника — армянские и римские войска. Стычки следовали одна за другой, и почти каждый раз успех так или иначе сопровождал римско-армянской коалиции. Но тут обстоятельства в очередной раз сыграли в пользу Шапура.

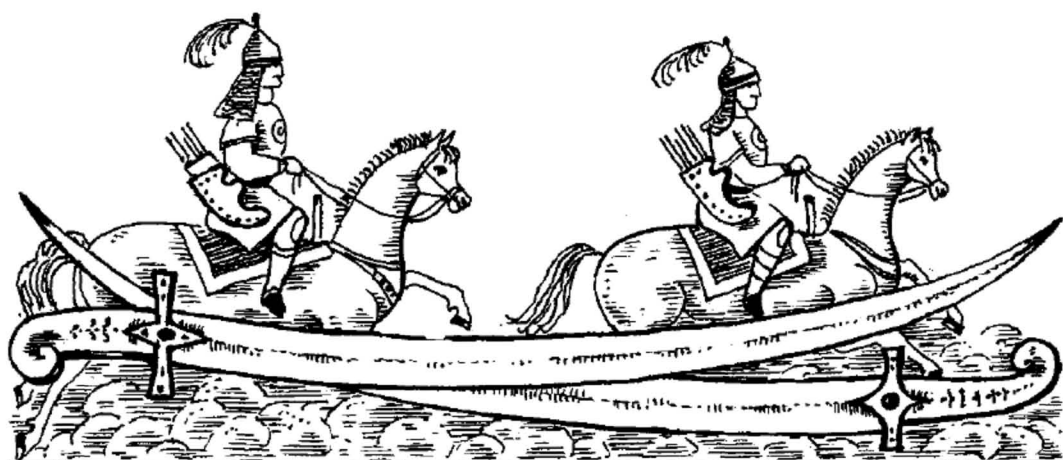
Пап, все больше проявлявший своеволие во внутренней политике и перечивший Валенту в церковном вопросе, окончательно потерял доверие римского императора — и лишился за это жизни. Улучив момент, Шапур предложил римлянам разделить Армению и Иберию. Впрочем, переговоры 375—376 годов ни к чему не привели, и в 377 году Валент собирался начать очередную антиперсидскую кампанию. Но тут Сасанидам снова повезло — вторжение готов вынудило римлян вывести легионы из Армении. А вскоре и сам Валент сложил свою голову в сражении с готами под Адрианополем. Таким образом, Шапур пережил очередного римского императора. Римский ставленник Вараздат вскоре был убит, и на армянском троне воцарился верный персам Мануил Мамиконян.

Вероятно, именно при Шапуре II было окончательно покончено с независимостью кушан. Воспользовавшись занятостью шахиншаха на римской границе, оставшиеся кушанские владетели прибегли к союзу с племенами хионитов. Среди последних на тот момент начинают выделяться эфталиты. Кушано-хионитская экспансия была остановлена Сасанидами во время похода 369—370 годов; тогда же персами была занята последняя твердыня кушан — Балх⁹⁰. Править в регионе с титулом «Кушан-шах» стал сын Шапура⁹¹.

Шапур II, как и многие выдающиеся люди, был личностью многогранной. Он был человеком умным, волевым и храбрым, имел талант организатора, однако легко впадал в гнев, поддавался страстями, зачастую проявлял жестокость и неуступчивость, хитрость и даже двуличие. В то же время он умел быть, если того требовала необходимость, терпеливым и сдерживал скоротечные желания ради пользы дела. Так, захватив как-то в одном из римских форпостов привлекательную жену влиятельного сенатора из Нисибиса, он обошелся с ней неожиданно великодушно, да и прочих женщин велел не трогать, что было не в традициях персов. Аммиан Марцеллин объясняет это вполне прозаическими мотивами: Шапур «надеялся ценой ее возвращения мужу купить предательскую сдачу Нисибиса», а что касается других женщин, «он только до поры до времени притворялся милосердным с тем расчетом, чтобы все, кого он раньше устрашал своей бесчеловечной жестокостью, оставили страх и по собственному почину явились к нему, узнав... что в величии своего счастья он стал проявлять гуманность и мягкость»⁹².

Можно ли назвать его выдающимся полководцем? Пожалуй, нет. Каких-либо громких безоговорочных побед в сражениях он не одерживал, его военные акции не единожды разбивались о военную силу и римлян, и армян. Однако благодаря политико-дипломатическим способностям он умел выигрывать войны и оставаться, казалось, бесконечно долго на престоле Сасанидской державы. К моменту его смерти империя персов достигла небывалого прежде могущества.

Военный кулак Сасанидов



Как мы уже видели выше, первые годы становления сасанидской государственности характеризовались сочетанием дипломатических усилий и военных акций. Со временем роль войска все возрастает: оно увечивается количественно и прогрессирует качественно.

Структуру сасанидской армии в общих чертах можно обрисовать следующим образом. Во главе воинства стоял верховный главнокомандующий — сам «царь царей» или замещавший его эран-спахбед. Верховному главнокомандующему подчинялись генералы-спахбеды, возглавлявшие контингенты войск, приведенные азаданами — «свободными». Сами аристократы-азаданы формировали элитную тяжелую кавалерию, зависимые от них люди — легкую конницу преимущественно из лучников и пехоту. Среди массы азадан выделялись стяги вузурган — «великих родов», преимущественно парфянского происхождения (Карены, Сурены и т. д.). Вооружение и снаряжение приобреталось воинами за свой счет, так что в коннице служили наиболее богатые персы (особенно это касалось тяжеловооруженных отрядов), а в пехоте — беднота.

По сути своей, как и парфянское войско, сасанидская армия являлась иррегулярной. Шахи, конечно же, видели и ощущали на себе эффективность регулярной ромейской пехоты, но ввиду веских обстоятельств (меньшая населенность, определенная социальная организация и менталитет населения) вынуждены были оперировать тем, чем располагали, — ополченческой конницей. Впрочем, кое-какие регулярные части у сасанидов все же были — это гарнизоны городов и крепостей и личная гвардия шаха.

Армия, основанная на принципах ополчения, не могла в течение длительного времени быть эффективной в столкновениях с римскими и византийскими войсками. Кроме того, такой способ комплектования был неудобен и для шахиншаха, поскольку давал военную силу в руки крупной родовой аристократии, отношения с которой складывались на протяжении персидской истории порой очень непросто. Решающий шаг был сделан при Хосрове I, который поделил страну на четыре военно-административных округа, а на передовые позиции стал выдвигать служилую знать — дехкан, преданных лично шаху. Впрочем, даже этому великому правителю не удалось в полной мере перевести персидскую армию на регулярную основу.

Другим фактором, ограничивавшим эффективность военных усилий Сасанидов, было отсутствие развитой фискально-финансовой (до эпохи Хосрова) и логистической системы. По поводу военной экономики стоит отметить, что залогом существования сасанидской армии, как и любой вообще, являлось хозяйственно-финансовое благополучие государства. Благополучие это зиждилось на податном сословии с его налоговым потенциалом, увеличивалось через военные победы (с сопутствующими репарациями и даними от побежденных) либо уменьшалось в результате военных поражений и нередких природных катаклизмов (засухи, землетрясения, эпидемии).

В отличие от Рима и Византии, Сасанидское государство не могло похвастаться большим процентом городского населения. Подданные персов в массе своей были сельчане. Сельские жители, особенно на востоке, занимались скотоводством и куда в меньшей степени — земледелием. Они бы-

ли источником пополнения как самой армии, так и ресурсов для ее обеспечения; они же были одной из главнейших целей вражеского вторжения, и соответственно их нужно было успеть защитить от вторгшегося супостата. Защищали их и само войско, и сеть фортификационных сооружений, ныне прослеживаемых археологически⁹³.

Чтобы восполнить и увеличить податное население сельской округи и городов, разжиться ремесленным людом, персидские шахи не брезговали массовыми депортациями и уводом военнопленных. Так случилось, к примеру, с жителями захваченной Антиохии в 260 году (Шапур I расселил их в Хузестане) и в 540 году (Хосров I вывел их в Асорестан).

Еще одним очень существенным источником благополучия державы были таможенные сборы с Шелкового пути. Здесь, что важно, рассчитывались не натурой, а звонкой монетой. Борьба за контроль над этой торговой артерией привлекала постоянное внимание и военные усилия сначала Парфии, а затем Сасанидов.

Возвращаясь к логистическим проблемам персов, мысленно взглянем на карту региона. Мы увидим, что Рим и его наследница Византия были хозяевами Средиземного моря и могли быстро перебрасывать по нему необходимые ресурсы. У персов же водные акватории были лишь на периферии империи (Каспий, Персидский и Аравийский заливы), и, следовательно, военные подкрепления приходилось подтягивать по суше, подчас при жестоких природных условиях. Это требовало значительного количества времени и усилий.

Нельзя не отметить важную особенность персидского войска — его многонациональность, обусловленную самим характером державы Сасанидов. В состав армии шахиншахов, помимо жителей Ирана, включались арабы из Северной Аравии; уже упоминавшиеся дейлемиты и кадисии из Прикаспия; хиониты, гунны и эфталиты — с востока; аланы и сабиры — с Северного Кавказа; армяне — из Закавказья; сегестанцы — из областей, близких к Индии. Они вступали в войско со своим оружием, использовали в сражениях свои способы построения и тактику. Эти люди имели свои интересы и могли перевернуться на вражескую сторону — например, к своим соплеменникам. Поэтому неудивительно, что

исследователи отмечают тенденцию Сасанидов к ротации войсковых контингентов: выходцев из западных областей державы, согласно ряду свидетельств в источниках, направляли на восток, тогда как контингенты с востока привлекались к кампаниям с Римом—Византией.

Несмотря на некоторые минусы, воинство Эран Шахра представляло собой внушительного и опасного противника, особенно при эффективных правителях. Это отмечали и западные современники. Так, Аммиан Марцеллин, описывая армию шахиншаха Шапура II, с уважением отмечает: «Военная организация персов, их дисциплина, постоянные упражнения в военном строю и способ вооружения, нередко устрашавшие нас, делают их грозными даже для очень больших армий»⁹⁴. Действительно, военная дисциплина, по крайней мере в правление Шапура, поддерживалась четко — существовали, к примеру, жесткие постановления против дезертиров. Наконец, среди отличительных качеств персов Аммиан Марцеллин отмечает их хитрость и осторожность.

Слагаемые военной машины

Конница

Гордостью сасанидской армии и ее основой были конные войска. Согласно Аммиану Марцеллину, персы «больше всего полагаются на храбрость своей конницы, в которой несет службу вся их знать»⁹⁵. Он также отмечает, что командиры конницы входили в круг лиц, управлявших важнейшими провинциями Сасанидской державы⁹⁶.

В «Стратегиконе Маврикия» (конец VI — начало VII века) сообщается, что сасанидские воины одеты в панцири и кольчуги, вооружены луками и мечами⁹⁷.

Облаченные в железные доспехи и вооруженные длинными крепкими пиками, катафрактарии представляли грозную силу, но, оказавшись сбиты с коня, сами становились легкими жертвами. Чтобы такого не случилось или случилось как можно реже, применялись жесткие деревянные седла, крепко фиксирувавшиеся ремнями на корпусе лошади. Своими

четырьмя угловыми рогами или двумя высокими луками (передней и задней) такое седло надежно удерживало всадника и позволяло катафрактарию без опаски и риска наносить таранный удар копьем, а легкому кавалеристу вести дистанционный обстрел из лука на полном скаку и даже с разворотом корпуса (так называемый «парфянский выстрел»). Стремян сасанидская конница, да и конные войска окружавших ее народов еще не знали, но прекрасно обходились без них, используя упомянутые седла жесткой конструкции. Как подмечено специалистами-историками, «в источниках... самое раннее упоминание об употреблении стремян в Иране относится только к концу VII в.»⁹⁸.

Персидская конница делилась на тяжелую и легкую. Тяжелая конница — копейщики-катафрактарии — состояла из представителей знати, что неудивительно, учитывая стоимость доспехов. Только очень богатые люди могли позволить себе тяжелое вооружение. Служба в катафрактариях была престижной.

С легкой конницей у Сасанидов, видимо, были проблемы. На востоке это показали их неудачи с кидаритами и эфталитами, а на западе — победы мобильных арабских соединений Септимия Одената, а впоследствии (в VII веке) — мусульман Халида ибн Аль-Валида. Согласно «Стратегикону Маврикия», персидская конница обращалась в стремительное бегство, если подвергалась внезапному удару. При этом, в отличие от кочевников, она не умела «делать неожиданные повороты против своих преследователей»⁹⁹.

С другой стороны, часто упоминается о том, что нередко легкая и тяжелая конницы очень слаженно действовали, принося персидским войскам победу. Что касается соотношения легко- и тяжеловооруженных воинов, то первых было в десятки раз больше. Тяжелая конница на поле боя выполняла ударную роль, а легкая осыпала противника стрелами, проводила разведку, охранение и преследовала врага.

Ведущим видом наступательного оружия в сасанидской армии был сложносоставной пятичленный лук, с высоким КПД выстрела и, соответственно, поражающей силой. Данный тип лука многими так и называется — «сасанидским». Хотя вернее его назвать «кушано-сасанидским», ведь, эво-

люционировав от гуннских образцов и скифского лука, он принял свой сложившийся вид в кушанскую эпоху¹⁰⁰. Пришедший из Центральной и Средней Азии, этот тип лука был взят на вооружение парфянской конницей и затем, соответственно, армией Сасанидов. Среднеазиатские луки пользовались популярностью у персов и веками позже, во времена Фирдоуси. Не совсем понятно, на фоне сказанного выше, имеющееся в «Стратегиконе Маврикия» утверждение, что стрельба персов была скоростной, но не сильной. Возможно, такое применение обуславливалось определенными тактическими задачами и не является опровержением мощности «сасанидских» луков.

Сасанидская армия, костяк которой составляла все та же парфянская конница, тем не менее отличалась от парфянского войска расширенным применением пехоты и введением элевфантерии. Корни такой трансформации кроются во внешнеполитических амбициях персов. Претензии шахов на ахеменидское территориальное наследие и активно проводившаяся в жизнь экспансия на запад приводили к необходимости захвата приграничных римских крепостей и городов-твердынь, что требовало активного привлечения пехоты. Но ведь до вражеского оплота надо было еще добраться. Одно дело — осаждать неприятеля, и совсем другое — противостоять ему в открытом поле в случае, если он неожиданно проявил инициативу. Так вот, чтобы обеспечивать поддержку пехотинцам и, более того, прорывать вражеский боевой порядок во время рукопашного сражения, как раз и пригодились слоны¹⁰¹. Они же были как нельзя кстати при осаде римских крепостей.

Итак, надобность как в подготовленной пехоте, так и в элевфантерии явно обозначилась. И надо отметить, Сасаниды имели возможности ее удовлетворения.

Пехота

Если про знаменитые римские легионы не слышал только ленивый, то про пехоту Сасанидской империи мало что известно. С одной стороны, это вполне понятно, так как собственной эффективной пехоты, равной римской, у персов

практически не было. Особенно поначалу. Так, в IV веке Аммиан Марцеллин являлся свидетелем того, что персидские пехотинцы, «вооруженные наподобие мирмиллонов, несут службу обозных» Римский гладиатор-мирмиллон был защищен шлемом и щитом-скутумом, на ногах — матерчатая, кожаная или металлическая защита, например поножи, вооружен гладиусом. Аммиан Марцеллин продолжает: «Вся их масса следует за конницей, как бы обреченная на вечное рабство, не будучи никогда вознаграждаема ни жалованьем, ни какими-либо подачками»¹⁰².

С другой стороны, пехота, хоть и «второсортная», у Сасанидов, в отличие от парфян, наличествовала. В ее ряды входили лучники, прашники, копейщики. Этот фактор позволял персам при необходимости вступать в правильное сражение с противником, прежде всего с римлянами. Конечно, приходилось как-то восполнять качественный и количественный пробел в рядах пехоты. Важным источником пополнения пехотных порядков при первых Сасанидах были римские перебежчики. Случилось так, что на закате парфянской эпохи, после окончания междоусобной войны Септимия Севера с Песцением Нигером, иранские земли приютили немало воинов последнего. Согласно Геродиану, среди этих военных было много ремесленников, так что вскоре персы «научились не только пользоваться оружием, но и изготовлять его»¹⁰³.

В VI—VII веках (хотя, возможно, и ранее, при парфянах) поставщиком отличных пехотинцев выступал Дейлем — горная область на юго-западном побережье Каспийского моря. Выходцы из нее были важной частью сасанидской пехоты¹⁰⁴. Согласно Агафию Миринейскому, на службе в персидском войске состоял трехтысячный отряд дейлемитов¹⁰⁵. Этим горцам поручалось выполнять целый ряд функций. Они штурмовали крепости, особенно те их участки, что располагались на гористых склонах. Они участвовали во внезапных ночных нападениях, бесшумно приближаясь к расположению войск противника. Они выполняли отвлекающие маневры, давая возможность персидской коннице перегруппироваться для атаки либо организованно отступить. Отрицательным моментом привлечения дейлемитов, как,

впрочем, и остальных наемников-иноземцев, была их постоянная склонность к измене. Феофилакт Симокатта, например, говорит о заговоре против Ормизда IV и одним из его организаторов называет предводителя дейлемитов Зоараба¹⁰⁶.

Пехота, конечно же, применялась при осадах и штурмах. Ее стараниями воздвигались валы вокруг осажденных вражеских крепостей и городов, подкапывались вражеские стены, и так далее.

Боевые слоны

Как позволяют судить имеющиеся источники, парфяне слонов на войне не применяли. Римляне тоже. Встает вопрос, что же побудило Сасанидов возродить эту эллинистическую практику. Кто из персидских шахов первым сделал это? Ответы на поставленные здесь вопросы можно отыскать в работах отечественных исследователей Владимира Дмитриева и Андрея Банникова¹⁰⁷. Первым из Сасанидов слонов стал использовать основатель династии Ардашир I¹⁰⁸. Шапур I и следующие за ним шахиншахи продолжили практику использования элевфантерии. Что касается места происхождения боевых слонов, то таковым стоит считать Индию¹⁰⁹. Вероятно, со временем удалось обеспечить воспроизводство слонов и на сасанидской территории. Так или иначе, но к VI веку персы обладали достаточным их количеством, о чем свидетельствует Иоанн Эфесский: «Ромейские полководцы... вторглись и производили опустошения в областях персидских на расстоянии многих миль, и в 3 милях от персидской столицы они грабили и забирали слонов персидских, так что наполнили и Константинополь слонами»¹¹⁰.

Как правило, на спине у боевого слона размещалось несколько воинов — погонщик и еще несколько человек, которые вели обстрел противника из луков и используя дротики.

Слоны использовались как в полевых сражениях, так и при осадах. С их помощью перемещались крупногабаритные осадные приспособления. А непосредственно в ходе осадных операций на них водружались башни из дерева,

обитые железными листами. Элефантерия выступала в связке с пехотинцами. Например, при осаде Амиды «против западных ворот поставлены были сегестанцы, самые храбрые из всех воины; с последними медленно выступал, высоко возвышаясь над людьми, отряд слонов с сидевшими на них вооруженными бойцами. Морщинистые чудовища представляли собой, на что я уже не раз указывал, ужасное зрелище, наводящее неопишущий страх»¹¹¹.

В полевых сражениях слоны тем более представляли собой грозную боевую силу, особенно в психологическом плане — они наводили своей мощью ужас на врага. Вот как пишет о них святой Амвросий: «Кто в самом деле отважился бы приблизиться к ним, зная, что может быть легко пронзен дротиками, брошенными сверху, и смят натиском слонов? Перед слонами отступают даже фаланги пехотинцев и конные отряды, и рушатся квадратные лагеря. Ведь они нападают на врагов в непреодолимом натиске. Поэтому их не задержит никакое построение бойцов, никакое скопление воинов, никакая преграда из щитов. Подобные неким движущимся горам, они кружатся в битвах и как холмы выступают над глубоким водоворотом, оглушающим ревом вселяют во всех страх. Что может сделать им пехотинец, пусть даже сильный и ловкий, когда ему навстречу идет стена, защищенная множеством вооруженных воинов? Что может сделать всадник, когда его конь помчится вспять, напуганный громадными размерами подобного животного? Что может сделать лучник, когда закованные в железо тела мужей, находящихся наверху, не чувствуют удара стрелы? Когда слон, которого и самого по себе трудно поразить стрелой, а тут еще и покрытый броней, без всякой опасности для себя рассекает пехотные отряды и опрокидывает эскадроны всадников?»¹¹².

Впрочем, под вражескими стрелами и дротиками слоны часто становились неуправляемыми и топтали свою же конницу и пехоту. На этот случай у их погонщиков всегда имелись длинные ножи, с помощью которых они могли нанести удар слону в позвоночник и тем самым убить его.

Учитывая, с одной стороны, сокрушающую мощь слонов, а с другой — сложности в управлении ими, сасанидские ко-

мандующие в зависимости от обстоятельств применяли разные тактические схемы использования слонов¹¹³. Если обстоятельства позволяли наступать, элѳантерия загодя выдвигалась вперед (битвы при Фригии и Сумере в 363 году, при Фасисе в 555 году). Если же были опасения в исходе сражения, то слонов оставляли в резерве — в надежде, что они смогут нанести решающий удар (битва при Маранге в 363 году). Почувяв подходящий момент, сасанидские военачальники бросали в бой элѳантерию, чтобы усилить натиск на врага. В случае неблагоприятного развития событий слонов к участию в битве не допускали.

Одним из сасанидских «ноу-хау» было то, что персы придавали каждому слону значительный вспомогательный отряд из конницы и пехоты. Такой контингент поддержки мог насчитывать 3—4 тысячи воинов¹¹⁴.

Не зря сасанидская армия использовала слонов на протяжении всего своего существования. Определенно, от элѳантерии, при разумном ее применении, был толк, и многие персидские виктории — это результат эффективного комплексного использования кавалерии, слонов и пехоты.

Флот

Сасаниды, когда того требовали обстоятельства, прибегали к использованию флота, причем вполне успешно. Уже при Ардашире I был захвачен Бахрейн, а при Шапуре — Оман; при Хосрове овладели даже Абиссинией. Использовались суда и при форсировании полноводных рек.

Армия в походе

Персидское военное дело испытало на себе серьезное влияние Античности, что нашло отражение и в военном трактате сасанидской эпохи «Аин-Наме», и в практике боевых действий. Большинству военно-тактических установок Сасанидов можно найти параллели в трудах византийских авторов¹¹⁵.

Как и всякая уважающая себя армия, воинство Сасанидов высылало вперед, на километры перед собой, конных разведчиков. Они изучали местность на наличие авангарда противника, его засад и разъездов. Продуктивная деятельность разведчиков — как полевых, так и соглядатаев в тылу врага — становилась одним из залогов победы. Но военная история Сасанидов показывает, что их разведке случалось допускать серьезные ошибки.

Двигаясь навстречу врагу, персы располагали стоянки в укреплениях, усиленных рвом. Когда от разведчиков поступали вести о приближении противника и численности его армии, шах и военачальники решали два важных вопроса: «Сражаться или отойти?» и «Где дать сражение?» Первый вопрос решался положительно в случае трех- либо четырехкратного превосходства над противником, в крайнем случае — полуторного¹¹⁶. Что касается второго, то выбирали место для битвы, которое будет наиболее подходящим для имеющихся в их распоряжении сил. Из «Стратегикона Маврикия» мы узнаем, что Сасаниды стремились «выстроить боевой порядок на неудобных пространствах и использовать луки»¹¹⁷. Неудобным для врага пространством считалось какое-нибудь возвышенное место, на котором персы располагали центр войска. Кроме того, желательно было «для лагеря и строевых расположений войск завладеть местностью закрытой, лесной и снабженной водой, врагу же пусть будут предоставлены равнина и низины»¹¹⁸. Выбрав место битвы, армия окружала свой лагерь рвом и частоколом.

Воинство персов в полевом сражении делилось на три составляющие: центр, состоявший из «двух главных частей», правое и левое крылья. По традиции, идущей еще с античных времен, наиболее сильными были центр и правое крыло, левому же назначалось лишь сдерживать неприятеля. В рядах центральной части находились 400—500 отборных бойцов¹¹⁹. Глубина строя варьировалась в зависимости от конкретных обстоятельств.

Сасанидские командующие, следуя военной науке, часто оттягивали момент боя: «И пусть не вступает он в бой с войском иначе, как в случае крайней необходимости, и в таком положении, когда нельзя избежать сражения. И если случит-

ся это, пусть старается полководец затянуть войну до конца дня» («Аин-наме» 54, 11).

Перед основным столкновением проводился массированный лучный обстрел, и лишь затем происходило боевое столкновение с ослабленным противником. Катафрактарики начинали его «сдержанно и осмотрительно, продвигаясь шаг за шагом равномерным и уплотненным строем». Увеличив скорость, они страшным синхронным ударом ряда копий пробивали порядки врага и теперь уже мечами расширяли брешь, куда устремлялась легкая конница, а за ней пехота.

Из «Аин-наме» мы узнаем, что первыми «наступают воины правого крыла и “две главные части”»; что же касается левого крыла, то оно не нападает, если только не будет наступать на него опасный враг — тогда они (воины левого крыла) отбрасывают нападение врага. При этом воины правого крыла и “двух главных частей” могут вступать в бой с наступающими на них и возвращаться к своим с тем, чтобы снова вступить (в битву), а воины левого крыла могут (делать это) лишь при отступлении, и невозможно им, вернувшись, снова вступить в бой» («Аин-наме», 54, 11). Как мы увидим позднее (битва при Даре), персы применяли на практике именно эту тактическую схему. Другое дело, что и противники Сасанидов были не промах.

Фланги персы защищали слабо; поэтому для сасанидского войска большую угрозу создавали нападения или окружения вследствие обхода с флангов или с тыла их построения¹²⁰. Автор «Стратегикона Маврикия» советует использовать этот момент: «Повороты или обратные удары при отступлениях следует производить персам не во фронт, но нужно обращаться против их флангов и ударять по их тылам. Ибо персы при преследовании стремятся не разрушать боевой строй, и для тех, кто обратился бы против них вспять, оказались бы легко доступными их тылы. Поэтому если те, которые до этого отступали перед ними, захотели бы повернуть назад и ударить во фронт своих преследователей, они пострадали бы, натолкнувшись на врагов, сохраняющих боевой порядок. Ведь персы в преследованиях действуют не беспорядочно, как скифы, а сдержанно и сохраняя строй»¹²¹.

Осада и штурм

Каких бы крупных успехов ни добивались парфяне в полевых баталиях, на западных рубежах это не приводило к дальнейшим территориальным приращениям. Парфянское осадное искусство было не на высоте; система римских пограничных крепостей была для них серьезной преградой и соответственно служила базой для ромейских вторжений в Месопотамию. Сасаниды, в отличие от своих предшественников, в полиоркетике преуспели.

Перво-наперво осаждаемый город окружался. Так, город Амида во время похода 359 года «был окружен пятью линиями щитов»¹²². Далее пространство, примыкавшее к осажденному городу, заполнялось многочисленной персидской конницей. Подтягивались и занимали свои позиции союзники: ту же Амиду, кроме персов, осаждали хиониты (сосредоточились против восточной части стены, где пал сын Грумбрата), албаны (против северной стороны) и сегестанцы (против западной).

Производился обстрел из пращей, луков и метательных орудий. При этом город окружался фашинным бруствером, возводились валы. Строились высокие башни с железной фронтальной частью, на верху их помещали баллисту, предназначенную сбивать защитников с зубцов стен. Баллиста могла стрелять камнями, метательными снарядами и зажигательной смесью.

Началом к штурму служил сигнал знаменем (при штурме Сингары в 360 году использовалось красное). Штурмовали укрепления с помощью лестниц и различных осадных орудий, в том числе таранов, черепак и упомянутых башен с баллистами. Обстрел из всевозможных орудий при этом не прекращался. Большая часть солдат «под прикрытием фашинов и штурмовых щитов старалась приблизиться к стенам, чтобы повредить их основание». Как уже говорилось, использовались при осаде и слоны.

Оборонительное искусство

Персы помимо искусства осады и штурма обладали также способностью очень эффективно обороняться, что, например, показал штурм римлянами города-крепости Безабды (Фенихи) в 360 году. Захватив этот город немногим ранее в том же году, Шапур II подновил ее разрушенные стены, поместил там надежный гарнизон из своих бывалых воинов и в достатке обеспечил их провиантом. Когда позже римская армия во главе с самим Констанцием попыталась вернуть Безабду, у нее ничего не получилось. Сасанидские защитники активно применяли метательные орудия, захомутали канатами и обездвижили главный таран римлян, в ходе ряда отчаянных вылазок сожгли прочие осадные механизмы противника и основание римской осадной насыпи. Упустив много времени, Константин в преддверии зимы и непогоды повернул назад ни с чем¹²³.

Сасанидские города и крепости были окружены глубокими рвами. Как и полагается, защита их включала внешние стены и цитадель. Часто цитадель располагалась на неприступных скалах и сооружалась из отборных строительных материалов. С такой твердыней столкнулся в 363 году Юлиан при осаде города Пирисабора: «Стояла эта последняя на плоской вершине крутой горы... надежную защиту представляли собой обрывы скал, спускавшихся прямо в волны Евфрата. Сооруженные из асфальта и обожженного кирпича стены — постройка, не имеющая себе, как известно, равной по прочности — представляли сами по себе опасную угрозу»¹²⁴.

Ряд евфратских крепостей Сасанидов располагался прямо на островах посреди реки, так что взять их противнику можно было только с привлечением флота.

Неотъемлемой частью сасанидской обороны являлась система фортов. Укреплений было немало. Согласно арабским авторам (Ибн-Хаукаль, Истахри), только в Фарсе насчитывалось более 5 тысяч фортов. Какие-то располагались в городах, а какие-то за их пределами. Один из примеров — горный форт Калат, защищенный двухметровой стеной, имевшей полкилометра в длину. Крепость имела выру-

бленные в скальной породе потайные проходы, сторожевые башни, цистерны-сборники для воды и колодец¹²⁵. Перед осадой с городских стен свешивали сбитые из шерсти полотнища, ослаблявшие силу удара метательных снарядов.

Воин персидских гарнизонов был защищен железными доспехами и «под своим покрытием из железных пластин наподобие легких перьев чувствовал себя очень смело, так как стрелы, попадая в твердую железную броню, отскакивали, не причиняя вреда»¹²⁶. Чтобы сбить со стены таких бойцов, римлянам приходилось применять баллисты. Осаждавших персидские пращники и стрелки осыпали тучами стрел и метательных снарядов, другие защитники скатывали на них огромные камни, метали факелы.

Особо стоит сказать об оборонительной системе, созданной Сасанидами на северном порубежье Эран Шахра. Эта система, помимо природных преград (Кавказские горы и воды Каспия), включала укрепления Дарьяльского ущелья и Дербента на Кавказе, стену Таммише на юго-восточном побережье Каспия и грандиозную Горганскую стену.

Постройка каменной стены Дербента при Каваде I и Хосрове Ануширване «сократила численность персидского гарнизона в Дербенте во много раз и позволила иранцам контролировать не только проход, но и все внутренние коммуникации этого района»¹²⁷. Согласно арабским источникам, стена Хосрова одним концом уходила в море, а другим в горы, поднимаясь до неприступных вершин. Ал-Мукаддаси сообщает, что помимо обычных башен (таковых было 73) она имела еще и подвижную. Видимо, это был передвижной опорный пункт, перемещавшийся в места штурма и помогавший отражать атаку врага. Защитники, пребывавшие в нем, оставались недосыгаемы для лучников противника.

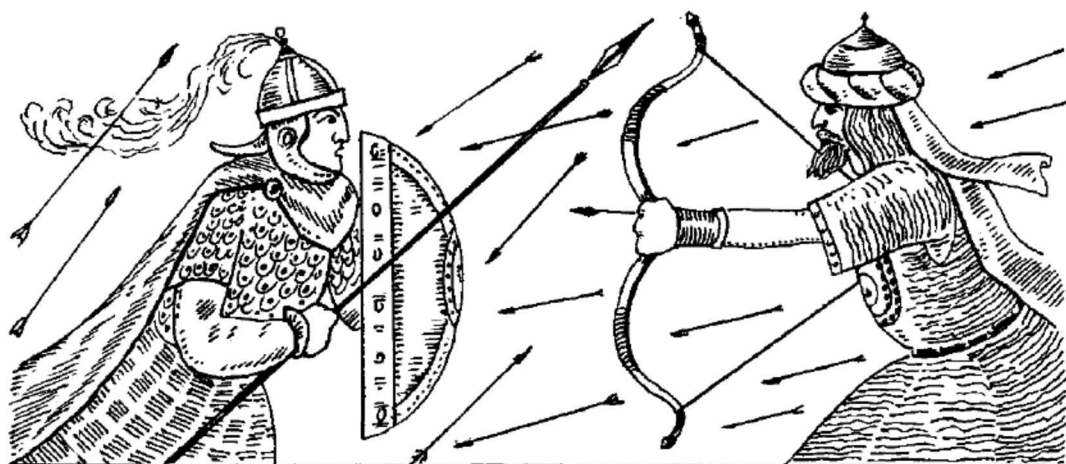
Стена Таммише защищала сасанидские границы на юго-восточной оконечности Каспия. Как и следующая, Горганская, она была сооружена в V–VI веках и функционировала до первой половины VII века.

Самой длинной из сооруженных Сасанидами стен была так называемая Горганская стена протяженностью 195 километров, красочно прозванная археологами «Красной змеей» — по цвету образовавших ее миллионов кирпичей.

По длине она превышала Адрианов и Антонинов валы, вместе взятые¹²⁸. Возможно, ее начали строить еще при Перозе, когда тот столкнулся с натиском «белых гуннов». Стена толщиной не менее двух метров и в несколько метров высотой была усилена более чем тридцатью фортами и охранялась в совокупности 15 000—36 000 солдат¹²⁹. Как показали раскопки, один из ее фортов, около 5,5 гектара площадью, вмещал три здания. Каждое из них, длиной более 200 метров, делилось на множество отдельных комнат¹³⁰. Жизнь огромного количества воинов и обслуживавшей их хозяйственной округи поддерживала развитая сеть каналов. Что поразительно, о существовании Горганской стены — этого поистине грандиозного сооружения — не осталось никаких свидетельств ни в литературных источниках, ни в нумизматике, ни в эпиграфике.

Сасанидская держава в 379–498 годах

Ардашир II (379—383). Шапур III (383—388). Бахрам IV (388—399). Йездегерд I Отступник (399—421). Бахрам V, известный как Бахрам Гур (420—438). Йездегерд II (438—457). Хормизд III (457—459). Пероз (459—484). Балаш (484—488); первое правление Кавада I (488—496). Замасп (496—498)



Несмотря на череду слабых правителей, государственно-административная система, созданная Шапуrom II, продолжала исправно работать и держала империю в тонусе. Что касается внешней политики, то в целом этот период характеризуется спокойствием на западных границах — сасанидо-римских, а потом и сасанидо-византийских. Было лишь две кратковременные войны — в 421–422 годах и 440 году.

По кончине Шапура II престол унаследовал его близкий родственник Ардашир II. Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению — являлся он братом, сыном или племянником великому шаху. До вступления на трон ему довелось быть правителем Адиабены на западе, а затем Кушаншахра — на востоке державы. Еще пребывая в Адиабене, он принял активное военное участие в отражении рейда Юлиана Отступника, чем приобрел авторитет в придворных кругах и популярность в стране¹³¹. Сын Шапура — будущий ша-

хиншах Шапур III — еще был мал, и Ардашир показался всем оптимальной фигурой.

О внешней политике Ардашира до нас не дошло практически никаких сведений. Разве что на западных рубежах Сасанидской державы заметна была некоторая антиримская активность. В 384 году персидские войска осаждали Эдессу. В Армении в то время продолжал править дружественный персам Мануил Мамиконян. Во внутрисасанидских делах Ардашир известен тем, что освободил простых персов от податей сроком на десять лет, притеснял иранских христиан, был жесток ко многим представителям знати. Последнее обстоятельство и привело к его низложению.

Шапур III. Раздел Армении

В 383 году во главе державы встал сын Шапура II — третий по счету Шапур на персидском престоле. Наиболее значимым событием правления нового шаха стал раздел Армении, предложенный годами ранее его великим отцом. Дела происходили следующим образом. Друживший с персами Мануил Мамиконян, чье правление продолжалось семь лет, отошел в мир иной, и его место занял Аршак III, сын Папа. Новый армянский царь был расположен к Риму, что, понятное дело, не устраивало шахский двор. Аршак не понравился и многим армянским нахарарам. В итоге он вынужден был бежать к императору Феodosию Великому, освободив место для Хосрова IV — персидского ставленника аршакидских кровей.

Возникший между великими державами конфликт решили дипломатическим путем. В 386 году в Константинополь прибыло посольство Шапура III, а в Ктесифон в качестве императорского представителя явился Флавий Стилихон. В результате этих визитов было решено реанимировать проект Шапура II. В 387 году Римская империя и Сасаниды поделили Армению между собой, при этом 80 процентов территории страны оказалось в руках персов. Фактически это означало конец самостоятельной государственности армян. Более того, следуя стратегеме «разделяй и властвуй», Саса-

ниды окончательно отдали Кавказской Албании пограничные армянские области по реке Куре. На этих землях в ближайшем будущем, при шахе Перозе, будет построена новая албанская столица Перозапат, или Партав.

Вскоре римская Армения вошла в состав империи, а к концу первой трети V века похожая судьба постигла восточные области, слившиеся с державой Сасанидов.

Умер, вернее, погиб Шапур III довольно нелепо — во время охоты прямо ему на голову обрушился столб, поддерживавший кровлю шатра. Хотя не исключено, что столбу «помогли» упасть...

Бахрам IV

Бахрам IV, сын то ли Шапура II, то ли Шапура III, был «слаб здоровьем», сыновей у него не было — одни дочери, так что следующим владельцем престола все видели Йездегерда — племянника (или брата?) Бахрама.

Правление Бахрама небогато на события. Раздел Армении позволил персам захватить контроль над Западным Прикаспием, включая Дербентский проход¹³². Другим событием стало появление на сасанидских территориях воинственных орд гуннов (395 год). Пограбив Закавказье, часть гуннских кочевий осела в Прикаспийском Дагестане, объединившись здесь в «царство гуннов» со столицей в городе Вараджан (Варачан). Над Сасанидами нависла угроза систематических военных вторжений.

Походы гуннов имели и еще одно, поначалу неприятное для Сасанидской державы последствие — они сдвинули на юг территорию обитания аланского племенного союза. Если раньше аланы жили на обширных травяных просторах от Волги и Дона до Предкавказья и лишь изредка вторгались во владения шахов (один из таких рейдов был отражен Шапуром I), то теперь геополитическая картина изменилась. Гуннская угроза конца IV века откинула значительную часть беспокойных аланов в регион Большого Кавказа, где те крепко засели (прямо под боком у ромеев и персов), взяв под контроль Дарьяльское ущелье.

Византия — новый этап противостояния

В 395 году от Рождества Христова Римская империя распалась на две части, одна из которых, Византийская империя, унаследовала не только богатые восточные провинции и житницы Египта, но и традиционных восточных противников Римской империи. Наиболее значимыми среди них были Сасаниды. Обе державы стремились к внешней экспансии, их толкал к этому приблизительно схожий комплекс социально-экономических и политических мотивов.

Для персидских шахиншахов раздел Римской империи особого облегчения не сулил — Константинополь был ближе к Ктесифону, чем Рим. Противоборство персов и ромеев в перспективе лишь ужесточится.

Что представляла собой восточноримская армия? В основном она набиралась из городской и сельской бедноты. Крупные и средние землевладельцы обязаны были выставить определенное количество рекрутов, причем качество этого человеческого материала зачастую оставляло желать лучшего. От службы в армии можно было откупиться за деньги, и это практиковалось довольно широко. Служба в армии продолжалась 20, а то и 25 лет. Солдат мог вступать в брак, но сыновья от этого брака автоматически становились в дальнейшем солдатами. Значительную часть войска составляли наемники из числа варваров.

В византийской армии традиционно сильна была тяжелая пехота. Правда, со временем различия между легкой и тяжелой пехотой стирались. Немалую роль играли лучники. Конница, как и пехота, делилась на тяжелую и легкую. Роль кавалерии особенно возросла при императоре Юстиниане. Стоит заметить, что одним из факторов ее возвышения стали почти постоянные войны с персами. Были упразднены легионы, а конница перестала быть вспомогательным родом войск. Она сводилась в полки — каталоги по 500—600 человек. Существовали и более мелкие подразделения — банды (100—200 всадников) и тагмы (200—300 человек)¹³³.

Кавалерия, как правило, сражалась в первой линии, а пехота — во второй. Конница действовала компактными группами,

глубиной в пять — десять шеренг. Иногда применялся и рассыпной строй. Основным отличием восточноримских конников от западноримских было отличное владение луком¹³⁴.

Византийцы активно применяли метательные машины, большого искусства достигли они в фортификации.

Наряду с регулярными армейскими подразделениями каждый ромейский полководец имел собственную дружину¹³⁵.

Йездегерд I «Отступник»

Вернемся, однако, к концу IV века. Йездегерд I оказался сильным правителем. Обладая железной волей и дипломатическим даром, он был и просто физически сильным мужчиной.

Вразрез со всей предыдущей моноконфессиональной традицией и сопутствующими религиозными притеснениями и гонениями неиранских вероисповеданий Йездегерд I проводил политику веротерпимости, за что получил от магов и знати прозвание *bazehkar* — «отступник». В 409 году шахиншах официально гарантировал своим подданным-христианам право открыто отправлять культ и восстанавливать храмы. 1 февраля следующего, 410 года глава персидских христиан, епископ Ктесифона Исаак Селевкийский, собрал в столице собор. Участники его подтвердили приверженность канонам Никейского собора, устранив тем самым раскол со своими западными братьями; была организована христианская церковь Сасанидской империи. Главой церкви был избран Исаак Селевкийский. Участники собора огласили следующее заявление: «Мы все единодушно умоляем нашего милостивого Бога, чтобы он продлил дни победоносного и знаменитого царя Йездегерда, Царя Царей, и чтобы его годы были продолжены на поколения поколений и на годы годов»¹³⁶. Мало того что Йездегерд дал «зеленый свет» христианам, он и сам помышлял обратиться в их веру.

Как считают историки, подобный «реверанс» в сторону христианства был продиктован желанием шахиншаха расширить социальную опору своей власти, усилить свои позиции в противостоянии со знатью и магами. А. А. Васильев в свое

время подметил, что он, «подобно Константину Великому, оценил, сколь велико значение христианского элемента в его империи для его собственных политических планов»¹³⁷.

Правление Йездегерда проходило в целом под сенью мира. Он заключил длительный мирный договор с Византией, поддерживал с ней активную торговлю и даже подвизался в покровители юного императора Феодосия II (408—450). Однако самого шахиншаха судьба не уберегла, и он, вероятно, пал от руки убийц, связанных с зороастрийским жречеством и нобилитетом.

Бахрам Гур

Йездегерду должен был наследовать его старший сын, правитель Армении Шапур, но он был моментально уничтожен персидской знатью. Своевольная аристократия посадила на трон некоего Хосрова, который в число прямых родственников Йездегерда не входил. Впрочем, вскоре он был свергнут с престола другим сыном «Отступника» — Бахрамом.

Бахрам V — один из наиболее известных сасанидских шахов, вошедший в персидские предания под именем Бахрам Гур. Но, несмотря на широкую известность, хотя бы по поэме «Шахнаме», в биографии этого сасанидского шаха много неясностей.

Вопросы начинаются уже с его детства. Согласно некоторым нарративным источникам, Бахрам V по материнской линии был еврейских кровей. Но не все исследователи доверяют этой версии, полагая ее позднейшей иудейской пропагандой. Вопрос тем не менее остается открытым¹³⁸.

Следующий вопрос связан с фактом воспитания молодого Бахрама арабским царем Аль-Мундиром. Мальчик пребывал при лахмидском дворе в Аль-Хире вплоть до повзреления. Видимо, Бахрам изначально не считался возможным кандидатом на шахский престол. Но почему Йездегерд отдал его от себя? И почему Бахрам вынужден был пребывать именно при лахмидском дворе? Исследователи пока не определились с ответом¹³⁹.

В определенный момент Бахрам вернулся к отцу в Ктесифон, но тот подверг его домашнему аресту. Впрочем, позже он разрешил сыну уехать обратно в Аль-Хиру. Есть и такая версия, что это не было опалой. Предполагается, что Йездегерд предвидел опасность, грозящую его отпрыскам со стороны персидских вельмож, и ссылкой в далекую арабскую Хиру хотел уберечь хотя бы одного из сыновей.

Смерть Йездегерда принесла в государство Сасанидов сумятицу. Знать, раздраженная правлением шаха-отступника, не хотела видеть на престоле его родственников. Повторимся, что Шапур был убит, а новым шахиншахом выдвинули Хосрова, представлявшего боковую ветвь Сасанидов.

В этих обстоятельствах Бахрама поддержал его приемный отец Аль-Мундир. Во главе арабо-персидского воинства младший сын Йездегерда вступил в Ктесифон. Однако всеобщей поддержки не встретил — часть знати не желала признать его в качестве правителя. Бахрам (или стоявший за его спиной Аль-Мундир) счел разумным пойти на уступки. Он простил должникам недоимки казне, богато одарил Хосрова и стоявших за него людей. Наконец, он сумел заручиться поддержкой зороастрийского жречества, о чем говорит то, что позже Бахрам притеснял христиан, активно жертвовал в знаменитый храм Азар-Гушнасп, а образ шаха в зороастрийской литературе предстает в положительном свете¹⁴⁰.

Бахрам, в отличие от своего отца, не питал любви к христианской общине и относился к ее представителям как к наглым «понаехавшим». Надо признать, его настроения шли в унисон с недовольством и возмущением множества сасанидских подданных. Усилившиеся персидские христиане, говоря попросту, доняли не только зороастрийских магов, но и простых обывателей. В такой напряженной социальной атмосфере достаточно было лишь искры. Пламя войны разгорелось, когда некий христианский священник города Хормизд-Ардашир разрушил святилище огня, располагавшееся рядом с христианским храмом, а местная христианская община отказалась оплатить его восстановление. Бахрам в ответ повел себя круто: виновных казнил, а приверженцев христианской религии значительно урезал в правах. Многие персидские христиане бежали в Византию, под крыло хри-

столюбивой сестры императора Пульхерии. Возвращать бежавших персидских подданных римляне не собирались. Ко взаимным обидам примешались и притеснения персами римских купцов, и нежелание возвращать арендованных золотокопателей. Все это и стало поводом к новой войне.

В 421 году византийцы во главе со стратигем готского происхождения Флавием Ардавуром осадили Нисибис. Против них выступили арабы-лахмиды (сам Бахрам V осаждал Фео-досиополь). У ромеев дела шли лучше, чем у персов. Арабское войско было отброшено. Но и византийцы вынуждены были отступить ввиду нашествия на Фракию гуннов. Уже в 422 году был заключен мир. Он не внес каких-либо территориальных изменений. Акцент был сделан на конфессиональном вопросе: в обеих державах объявлялась свобода вероисповедания, прекращалось преследований христиан в Сасанидской империи, зороастрийцев — в Византии. Сами персидские христиане в 424 году объявили о независимости своей Восточной церкви от византийской церковной иерархии, чем во многом избежали подозрений в двурушничестве и симпатиях к врагам Сасанидов.

В 427 году, урегулировав внутреннее положение, Бахрам устремляется с войском на восток, где громит вторгшихся эфталитов. Как мы помним, первое столкновение с эфталитами произошло еще при Шапуре II, в 369—370 годах. Познакомимся теперь с ними поближе.

Эфталиты

Эфталиты, известные также по источникам как «белые гунны», к настоящим гуннам практически никакого отношения не имели. То был народ иранского корня, часть хионитского этноплеменного объединения. Сами себя они называли «хион». Одним из их великих вождей был некий Эфтал, или Хэфтал, — от него и пошло всем известное «эфталиты». Вопрос о том, откуда родом собственно эфталиты, уже не первый десяток лет волнует исследователей из разных стран. Есть, например, версия, что в свое время этот этнос отступил на запад, за Сырдарью и Амударью, теснимый жу-

жаниями. Отступая, «белые гунны» заняли Балх, Герат, Кабул, Газну. По другой версии, предки эфталитов пришли в горы Памира опять же с востока, но задолго до описываемых событий — еще в начале I тысячелетия до н. э.¹⁴¹ Стоит сказать, что современные исследования связывают эфталитов с автохтонным ираноязычным населением Центральной Азии, прежде всего Бактрии-Тохаристана¹⁴².

Откуда бы они ни взялись, но к середине V века «белые гунны», объединив под своим стягом окружавшие народы и племена, основательно утвердились в среднеазиатском регионе: в их владении были Гарджистан, Балх, Бадахшан, Тохаристан. Двинувшись отсюда на север, эфталиты присоединили Согд, затем Чач (современный Ташкент с округой) и добрались даже до Семиречья и Восточного Туркестана. На юге они нанесли тяжелые поражения индийскому государству Гуптов.

Вторгшись в начале V века на сасанидские владения и разбитые было Бахрамом V, эфталиты в конце того же столетия снова атаковали персидскую державу. В 483 году они нанесли поражение войскам шаха Пероза и на протяжении двух лет опустошали восточные земли империи. Сасанидам пришлось откупиться от них большой данью, которую они выплачивали на протяжении нескольких лет.

Согласно Ат-Табари, столкнувшаяся с Бахрамом армия эфталитов насчитывала 250 000 человек (несомненно, что цифра завышена). Персы попытались договориться и отправили к ним посольство, но эфталиты не хотели вести мирные переговоры. Тогда Бахрам напал на них ночью, неожиданно. В ходе завязавшегося сражения эфталиты были разбиты, а Бахрам убил их царя. Однако окончательно враг не был сломлен, хотя и отступил. Решающее сражение состоялось у Мерва, и персы одержали в нем полную победу.

После этой войны граница персидского государства пролегла у тохаристанской области Таликана. Остается спорным вопрос, удалось ли шахам распространить свое влияние севернее. Во всяком случае, монеты с портретом Бахрама V долго еще будут циркулировать в Бухаре.

К административным новшествам правления Бахрама относится введение марзбанства. В 429 году Бахрам V свергает вассального царя в персидской части Армении (Персарме-

нии) и устанавливает там провинциальную администрацию. Было решено, что впредь страну будет возглавлять назначаемый шахиншахом чиновник-марзбан (то есть правитель приграничной области — марза). Марзбаны должны были в первую очередь выполнять функции по военно-административному руководству территорией. Кроме того, они осуществляли сбор налогов¹⁴³.

Бахраму приписывается также введение в армии лучшей техники стрельбы из лука, заимствованной у арабов¹⁴⁴.

Время, свободное от войн и дел насущных, шахиншах проводил на охоте. Излюбленным объектом охоты Бахрама были дикие ослы онагры, откуда и пошло известное прозвище (*перс.* гур — онагр). Хотя, возможно, данным прозвищем он обязан своему немалому мужскому либидо. Правление Бахрама V прославилось также расцветом литературы и музыки; широкое распространение среди благородного сословия получила игра в поло, просочившаяся впоследствии в другие страны.

Сведения о смерти Бахрама Гура тоже из области легенд. Как повествует одна из них, шах исчез на охоте: провалился в глубокую яму вместе со своим конем. Историки же полагают, что Бахрам, подобно Йездегерду, был убит придворными¹⁴⁵.

Йездегерд II

Следующим шахиншахом стал сын Бахрама Гура — Йездегерд. Это был вполне умеренный правитель, если не считать, конечно, что религиозной толерантностью Йездегерд II не отличался. Он сурово преследовал христиан, что ярко отражено в армянской литературе: «В нем дьявол нашел себе приспешника и излил [в него] накопленный яд и наполнил его, как колчан, отравленными стрелами. И стал он неистовствовать в своей нечестивости, исполнился чванства и, буйствуя, рассылал бурю на все четыре стороны света. И представлял нас, верующих во Христа, как своих врагов и противников, и, притесняя, устрашал своим мятежным нравом»¹⁴⁶.

В начале своего правления, в 440–441 годах, Йездегерд воевал в римской Армении. Пока Византия была занята борьбой с гуннами Аттилы и вандалами Гейзериха, шахиншах, собрав большую разноязычную армию, включавшую даже контингенты индийских сателлитов, обрушился на ее восточные владения. Впрочем, никакого успеха он не добился, и после незначительных боевых действий был заключен мир, по которому обе стороны обязались не возводить новых крепостей вдоль совместной границы.

При Йездегерде II персы — дабы преградить путь прикаспийским гуннам — приступают к сооружению системы внушительных фортификационных сооружений, перегораживавших Дербентский проход. Дербентской стеной Сасаниды не только защищали покоренные территории от набегов кочевников, но и изолировали народы Закавказья от возможных союзов с кочевниками в их борьбе с персами¹⁴⁷.

Урегулировав дела на западе, шахиншах переключается на тревожный восток; столица из стратегических соображений была перенесена из Ктесифона в Нишапур: «И построил там же город для своего проживания, начав в четвертый год своего правления и до одиннадцатого года своего царствования»¹⁴⁸. В 442 году Йездегерд собрал свою армию в Нишапуре и устремился на восток в Тохаристан — против кидаритов, которые, объединив силы с хионитами, принялись отнимать кушанские территории у сасанидских ставленников. Йездегерд стремительно прошел через теснины Верхнего Мургаба и развязал военные действия на кушанской территории. Один из участников восточных войн Йездегерда, армянский историк Егише Вардапет, сообщает, что в течение 442–449 годов сасанидские войска активно опустошали вражескую территорию и брали крепости противника.

В 450 году Йездегерд продвинулся еще восточнее и захватил область Талакан со многими ее городами и крепостями: «Итак, к началу двенадцатого года своего царствования собрал он рать в неисчислимом множестве и, отправив ее, достиг страны Талакан. Когда увидел это царь Кушанов, не решился выступить войною навстречу ему, а, обратившись в бегство в сторону неприступной пустыни, укрывшись, спасся вместе со всем своим войском. А этот совер-

шал набеги на области, места и местности, захватывал много замков и городов, накапливал пленных, награбленную добычу и доставлял [все это] на землю своего господства». Это был крупный успех, ведь под властью Сасанидов оказалась практически вся Южная Бактрия.

В 454 году дела пошли не так удачно — противник разбил арьергард персов и произвел успешные рейды на сасанидскую территорию. Как пишет Егише, «царь Кушанов... слышал... что [Йездегерд] идет на страну Кушанов, поспешил немедленно собрать войско, составил рать, чтобы выступить навстречу ему с мощной рукой, ибо хотя и не мог встречно дать сражение против него, но, напав на прикрытие флангов, много ударов нанес войскам царским. И так теснил его, что нанес поражение с помощью [даже] небольшого отряда, заставил повернуть обратно и сам, наездами пустившись по пятам, разорял многие области царские и тотчас невредимо возвращался в свою страну»¹⁴⁹. Впрочем, ни к каким территориальным потерям со стороны шахиншаха это не привело.

В результате военных действий 443—449 годов, а также походов 450 и 454 годов кидариты в целом были разбиты и отброшены за реку Окс (Амударью). Отвоевав западнокушанские земли, Йездегерд возобновил традицию назначения кушаншахами царевичей Сасанидов. Кушаншахом он поставил сначала Хормизда, а затем Пероза.

Нужного замирения, однако, так и не произошло — согласно сообщению византийца Приска Панийского, в 456 году Йездегерд снова вступил в военный конфликт с кидаритами, отказавшимися выплачивать дань.

Во время восточной кампании шах, обуреваемый подозрительностью в отношении христиан, убрал из армии и правительства многих их представителей.

Армянское восстание

В конце 40-х годов V века ужесточается персидский режим в Армении, что спровоцировало в конечном итоге полномасштабную войну. Участником и летописцем развернувшихся событий был знатный армянин — воин, а затем

священник — Егише Вардапет, чьи свидетельства послужат надежным первоисточником для дальнейшего повествования¹⁵⁰.

Сначала под предлогом войны с кочевниками лучшие армянские воины были отправлены на восточную границу, затем была проведена перепись населения и ужесточение налогового гнета. Высшие административный и судебный посты в стране заняли персы. В довершение всего было выдвинуто требование к местному населению перейти в зороастризм, что означало бы окончательную ассимиляцию армянского народа. Естественно, что в стране назревал взрыв, и он последовал в 450–451 годах.

Пока шахиншах, вызвавший ко двору основных армянских нахараров, склонял их отказаться от веры Христа, в самой Персармении народ, наставляемый священниками, стал активно вооружаться: «В это время рассеялись епископы каждый в свое княжество и послали хорепископов в деревни и агараки и во многие крепости горных гаваров. Подняли и собрали множество мужей и жен, шинаканов и азатов, священников и монахов. Они наставили их, укрепили и обратили всех в воинов Христовых. И как первое решение утверждено было следующее: “Да будет рука родного брата против его близкого, если тот преступит обет заповеди Божьей. И пусть не пощадит отец сына своего и пусть не держится сын за почтительность к отцу. Жена пусть сражается с мужем-супругом, и раб пусть обратится против своего господина. Пусть над всеми царят божеские законы, и пусть преступники получают наказание осуждения по единому закону!” И когда это было так установлено и устроено, явились все с вооружением и в шлемах, с мечами у поясиц и со щитами в руках, — не только доблестные мужи, но и мужние жены»¹⁵¹.

Занятый очередным витком напряженности на востоке своей державы, Йездегерд отпускает армянских нахараров на родину. «Царь царей» дает время, чтоб они одумались и наконец приняли зороастрийскую веру. Для верности дела в Персидскую Армению вместе с нахарарами направляются зороастрийские священники во главе с магупатом. При попытке последних навести свои порядки пролилась первая кровь: «...Сам могпет вместе с могами подоспел с боль-

шим войском, чтобы взломать двери церкви в день воскресный. Он хотел попробовать свои силы в предстоящем деле. Но святой иерей Левонд в согласии с участниками первого совещания и с многочисленной братией оказался там наготове... Он не дал ни малейшей передышки, но учинил вокруг воинов и могов большую свалку. Так, схватив в руки дубины, пробили головы могам и могпету и вынудили их разбежаться по своим пристанищам»¹⁵². И такую ожесточенную отповедь персам оказали не воины, а обычная местная христианская паства!

Возмущенные христиане выбрали своим предводителем спарапета армянского войска, нахарара Вардана Мамиконяна. Что касается марзбана Персармении, нахарара Васака Сюни, то он был изначально на стороне Йездегерда: «И тотчас вызвав конный отряд из страны Сюнийской, пополнил свои войска [для] помощи могам и могпету. И потом стал говорить [магупату]: “Пошли-ка грамоту ко двору относительно конницы, которой в Алвании десять тысяч, чтобы на зимовку пришла она сюда, в Армению. И когда мы будем иметь ее под рукой, никто не сможет отвергнуть царский приказ!”...Сердцем и разумом принял он веру персидскую. Стал он после этого прельщать: кого богатством, кого увещательными речами... воздавал великие восхваления законам царя. Он вывез из дворца множество богатств и каждому тайно всучал взятку под видом награды и почести. И многими коварствами соблазнил простодушных людей и перетянул на свою сторону»¹⁵³.

Поддержанный марзбаном Армении, магупат продолжил насаждать персидские порядки, прикрепляя священников-зороастрийцев к каждому нахарарскому дому и обязывая вольготно содержать их, заставляя армян есть жертвенное мясо скота и поклоняться солнцу. Эти действия привели к открытому выступлению армянской элиты против проперсидских сил: «...И они пренебрегли царскими наградами и попрали ногой грозные повеления. Кинулись тотчас к своему оружию, всю ночь готовились и снаряжались, а когда забрезжил рассвет, разделив полк на три части, ударили по стану. Первый отряд с восточной стороны, и второй отряд с западной стороны, и третий отряд с северной стороны, взяв

в окружение, обложили весь многолюдный лагерь и многих перебили и еще больше из видных людей связали и кинули за подвластные им могучие замки»¹⁵⁴. Васака Сюни захватили и хотели было убить, но тот смог вымолить прощение.

Восстание меж тем продолжало расширяться, и вскоре им была охвачена большая часть Персармении: «В это время вновь напали на замки и аваны¹⁵⁵, которые занимали персы в различных укрепленных местах страны, разрушали и сокрушали их жилища. Первым был великий Арташат вместе с его аванами. Взяли неприступные крепости: город Гарни, Ани, Артагерс и их аваны, Еркайнордк и Архни и их аваны, Бардзрабол, Хоранист, Цаханист, надежный Олакан и с ними их аваны, Арпанеал, аван Ван и с ним его аваны, Греал и Капойт, Оротн и Вашакашат. Все это, с относящимися к ним деревнями и агараками, военными отрядами и военачальниками, захватили в том же году и разорили, мужей и жен с их имуществом и добром, вместе с драгоценными сокровищами и утварью увели в плен. Разоряли и разрушали их строения, поджигали и сжигали дома служения огню. Вычищали мерзость идолопоклонства и забирали утварь и оборудование атрушанов, приносили и складывали в святых церквах и через святых иереев отдавали на служение святому Престолу»¹⁵⁶.

Йездегерд вынужден был свернуть активные действия на востоке и переправить действовавший там контингент («полк персидский, который был в стране хонов») на кавказский фронт; в соседнюю с армянами Албанию подтягивались и прочие войска персов. Тем временем совет армянского восстания решил обратиться за помощью к Византии. Было договорено в крайнем случае даже пойти во служение императору¹⁵⁷. Император Феодосий принял посольство благосклонно, но, пока тянулась процедура одобрения поддержки сенатом, он умер. Взошедший на престол Маркиан предпочел мир с Сасанидами и армянам отказал.

Посоветовавшись, нахарары решили разделить свои силы и действовать по трем направлениям. Одна часть направилась на юг, «близ границ страны Атрпатакан». Вторая, возглавляемая Варданом Мамиконяном, должна была, пройдя через Иверию, нанести удар марзбану города-крепости Чора (то есть Дербента). Теоретически это был хороший вариант:

разбив персидского наместника в поле, Вардан становился хозяином Дербента и, пропустив через него прикавказских кочевников, мог объединить с ними свои усилия. Оставалось только воплотить идею на практике. Третью часть сил отдали все тому же Васаку Сюни. Егише, описывающий все происходившие события и сам являвшийся их участником, утверждает, что распыление военных сил армян — результат происков и подрывной деятельности Васака¹⁵⁸. Кроме того, Васак сообщил о планах восставших Себухту Нихоракану — сасанидскому марзбану Дербента. В городе тогда располагался значительный персидский контингент — десять тысяч конницы. Приблизительно такое же число воинов располагалось в Партаве.

Наместник, оперативно собрав войско (около 18 000 человек)¹⁵⁹, двинулся на силы восставших. Он встретился с десяти тысячным войском Вардана Мамиконяна у города Халхала. В результате упорного сражения большая часть войска марзбана была разбита¹⁶⁰, а чуть позже были рассеяны проперсидские силы у Дербента. Во главе города армяне поставили своего человека; кроме того, им удалось заручиться поддержкой «гуннов». Пока происходили все эти события, Васак Сюни попытался вернуть Армению под свою руку, но победное возвращение Вардана заставило его удалиться в неприступные пределы своей отчины Сюни.

Озабоченный успехом восстания, Йездегерд послал против армян хазарапета Михр-Нарсе во главе со значительными силами. Помощь сасанидскому полководцу стал оказывать Васак Сюни, сумевший своими интригами и дезинформацией не только внести раскол среди армян, но и изолировать их от потенциальных союзников. Кроме того, марзбан вернул под свой контроль Дербент. 26 мая 451 года на равнине Аварайр произошло решающее — упорное и весьма кровопролитное — сражение между персами, чья армия включала верных им армян, и войском Вардана Мамиконяна. Сам Вардан погиб, но и персы недосчитались многих известных представителей знатных родов, не говоря уже о тысячах рядовых воинов. На исходе битвы сказался общий перевес сасанидских сил, и армяне, несмотря на мужественное сопротивление, были разгромлены. Тяжелое по-

ражение подорвало силы восстания, и вскоре Албания и Армения были усмирены.

В завершение своего правления Йездегерд II ввязался в новую войну с кидаритами, но, не завершив ее, в 457 году отошел в мир иной, завещав престол своему младшему сыну Хормизду. Произошедшие далее события были вполне закономерны:

Когда же Хормоз на отцовский престол
В венце золотом шахиншахском взошел,
Пируз не от скорби, от гнева скорей,
От зависти слезы пролил из очей.
С казной и дружиной внезапно в Хайтал,
Вождей ему преданных взяв, ускакал¹⁶¹.

Итак, другой сын Йездегерда, обиженный Пероз, вместе с частью знати, с дружиной и немалыми деньгами удалился в восточные пределы Сасанидов, Тохаристан и Балх, твердо вознамерясь сменить Хормизда на троне.

В течение своего эфемерного правления Хормизд III не был обделен поддержкой знати, но пребывал в постоянном конфликте с Перозом. В конце концов тот, заручившись помощью восточных провинций царства, а также кидаритов и набрав значительное войско (по Фирдоуси, 30 тысяч человек), устремился на Хормизда. Шахиншах также смог выставить войска, но проиграл последовавшее сражение¹⁶². Итогом этой борьбы стало пленение и убийство Хормизда в 459 году.

В благодарность за военную помощь новый шахиншах отдал кидаритам Талакан.

Пероз и эфталитский разгром

По-пехлевийски имя Пероз означает «победоносный». Стало ли оно путеводным в судьбе этого шаха? Пожалуй, нет. Поначалу, может, так и было, но затем, в силу ряда причин, все пошло наперекосяк.

Уже в начале правления молодой Пероз и его администрация столкнулись с грандиозной засухой, повлекшей за собой голод. Но благодаря энергичным мерам (раздачи продовольствия нуждающимся, налоговые льготы, строгий контроль за распределением хлеба) эта напасть не успела подкосить жизненные силы государства. Опустевшие было города и селения вновь обрели жизнь.

В 463 году, когда чуть ли не все силы и ресурсы Сасанидов были брошены на борьбу с последствиями засухи, в Закавказье через Дербентский проход попытались пробиться орды кочевников сарагуров, но их попытка разбилась о могучие стены Дербента. Как пишет Приск Панийский, номады «приблизились к Каспийским воротам, но, найдя их занятыми персидской охраной, перешли на другую дорогу, по которой пришли к иверам»¹⁶³.

Примерно в 468 году персы одержали крупную победу над недавними союзниками кидаритами, захватив их город Ваалам. Успехи Пероза были настолько велики, что кидариты вынуждены были уйти в Северную Индию. Однако спокойствия персидской державе это не принесло, поскольку место кидаритов заняли окрепшие за этот период эфталиты.

В 483—484 годах в Армении произошло очередное антиперсидское восстание, довольно мощное. Его поддержали грузинский царь Вахтанг Горгасали (Волчья голова) и албаны. В борьбу включились кочевники Северного Кавказа, которые на сей раз прорвались-таки через Дербентские ворота. Персам в этом конфликте пришлось проявить все навыки дипломатии. Они перво-наперво пошли на уступки армянской знати, чем привлекли ее на свою сторону. Это обезглавило и серьезно ослабило восстание. Оставшиеся недовольные были подавлены силовыми методами. Правда, на какое-то время Сасанидам пришлось смириться с потерей дербентских укреплений, которые перешли во владение вождя гуннов Амвазука.

Правление Пероза знаменательно еще и усилением позиций несторианства в иранской державе. Несторианский исход из Византии имел место уже после Эфесского (431 год) и Халкидонского (451 год) соборов. И он все усиливался. Так как несториане были гонимы византийскими властями, Са-

саниды относились к ним как к союзникам в борьбе с Константинополем. Кроме того, поддержка несториан для персов была удачным политико-идеологическим ходом — таким образом сводилась на нет претензия византийского императора на право быть единственным законным представителем христианской церкви. В 484 году, при поддержке самого Пероза, несторианство (так называемая «Ассирийская церковь Востока») распространяется на все христианские общины Сасанидской державы.

Однако главным, и как окажется — фатальным, направлением для Пероза станет восточное. В 470-х годах он проводит кампанию на востоке, где имеет дело «с кионайе, то есть с гуннами». Чтобы разбить гуннов-эфталитов, требовались людские и денежные ресурсы. Последние (в количестве 9000 статиров) он получал даже от римского императора Зенона — согласно статьям договора 363 года о взаимопомощи. Какое-то время в борьбе с гуннами удача была к Перозу благосклонна, но в третьем крупном сражении победа оказалась за противником. Впрочем, в первый раз шахиншах отделался крупным выкупом.

Последствия второй попытки оказались куда плачевней. Эфталитский правитель Ахшунвар (Хашнуваз) разбил Пероза и захватил его в плен вместе со свитой и гаремом. За освобождение пришлось заплатить дорогую цену — выкуп лег тяжким бременем на всю страну, ведь «вся казна предшествовавших ему царей была истощена прежними войнами»¹⁶⁴. Кроме того, много денег прежде ушло на преодоление засухи. И в этот раз ромейский император Зенон помог Сасанидам, значительной суммой внеся свою лепту в выкуп царя. Царевич Кавад и дочь персидского царя остались при дворе Ахшунвара в качестве заложников. Помимо того Пероз должен был отдать эфталитам обширные территории по левобережью Амударьи и дал обет никогда впредь не воевать с ними. После второго подряд военного разгрома имя гуннов-эфталитов наводило ужас на жителей Сасанидской державы в такой же степени, что и упоминание гуннов Аттилы в Европе: «В мирное даже время никто не мог мужественно и без страха смотреть на эфталита или даже слышать о нем, не то что идти на него войной открыто, когда все живо пом-

нили бедствия и поражения, нанесенные ими царю Ариев и персам»¹⁶⁵.

Клятвы своей о мире шахиншах не сдержал. Испытав поражение, Пероз в 484 году снова, уже в третий раз, попытался вытеснить эфталитов силой. Однако настроения в войске были мрачные: «Собрав всех Ариев и Анариев (не-ариев), Пероз выступил в поход; но войско его шло скорее подобно приговоренному к смерти, чем как воины на войну». И предчувствия не обманули. По дороге в Герат, в пустыне, войско Пероза попало в ловушку, устроенную «белыми гуннами». Армия была начисто уничтожена, шах тоже сложил тут свою голову, «его самого искали и не нашли, и до сего дня не известно, что с ним»¹⁶⁶. В кровавой сече помимо царя погибли и семь его сыновей!

Что же привело Пероза к такому фиаско и гибели? Может быть, не надо было преступать клятву и идти на эфталитов? Но эфталиты были серьезной угрозой для государства — с этой угрозой надо было покончить. Здесь шахиншах все делал правильно. Но пострадало само выполнение этой задачи. Пероз слишком торопился, не слушал советов вельмож и мобедов и совсем не подготовился к опасной экспедиции. Кроме того, очевидно, что не сработала разведка; можно предположить, что организация ее была не на лучшем уровне.

Уничтожив Пероза и его войско, эфталиты подошли к Герату и посеяли хаос и панику в империи. Дальнейшее их продвижение удалось остановить марзбану Суфраю (Сохру). Произошло это в битве у Пайкенда, к юго-западу от Бухары¹⁶⁷. Тем не менее Сасанидский Иран еще несколько лет после этого платил эфталитам дань. Серебряные драхмы Пероза настолько насытили эфталитские владения, что добрались до Северной Индии и были там образцом для местных монет вплоть до XIII века!¹⁶⁸

«Белые гунны» стали, таким образом, почти единоличными хозяевами богатых кушанских земель. Впрочем, Сасанидам пока принадлежала часть Бактрии. Чаганиан плюс дорогу в Согдиану эфталиты получают от Кавада за помощь против Замаспа еще через четырнадцать лет, в 498 году.

О победителях-эфталитах стоит сказать, что они продолжили свою экспансию на все соседние страны, включая гуптскую Индию, но единого централизованного государства им, в отличие от персов, построить так и не удалось.

Персидскими бедами могли бы в этот момент воспользоваться византийцы, но у их императора Зенона Исавра в те годы хватало других проблем.

Балаш (Валахш)

Усилиями знатных родов в стране после гибели шахиншаха удалось организовать хоть какое-то подобие порядка. С их одобрения на трон взошел Балаш — один из братьев Пероза. Новый правитель показал себя умеренным монархом. Он пошел навстречу христианам-несторианам, наладил мирные отношения с Византией, платил дань эфталитам. Вообще Балаш пытался проводить миролюбивую политику, но его проблемой было то, что он не пользовался поддержкой практически никаких влиятельных слоев населения.

Эфталитская угроза тем временем продолжала существовать, как и другие проблемы с внешними врагами. Балаш же ничего не предпринимал, чтобы ее устранить. Вероятно, причина его бездействия объясняется полным отсутствием средств в казне. «Он не нашел ничего в сокровищнице персидской, а землю нашел опустошенной из-за нападений гуннов». Новый шах попросил было денег у Зенона, но тот ничего не дал да еще напомнил, что неплохо бы наконец вернуть римлянам Нисибис — ведь 120-летний срок его пребывания в руках персов истек. Не имея денег на содержание войска, Балаш «был ничтожен» в глазах военных.

Жреческая верхушка его также невзлюбила. Якобы потому, что Балаш «пренебрегал их законами и желал построить бани в городах для омовений»¹⁶⁹. Бани, конечно, были только предлогом — годами позже ничто не помешает Каваду понастроить бань в Иране. Но легче Балашу от этого не стало — жрецы свергли его с престола и ослепили.

Кавад. Первое правление

Новым главой Сасанидов стал племянник Балаша — уцелевший сын Пероза Кавад. С первых дней правления перед ним возникла та же проблема, что и перед несчастным Балашем, — безденежье. Кавад I оказался энергичным правителем. Впрочем, сначала он тоже не нашел ничего лучшего, как попросить денег у Зенона. Если бы сработал этот вариант, он смог бы заручиться поддержкой армейских кругов. В качестве альтернативного варианта рассматривалось объявление ультиматума ромеям, который они, конечно же, откажутся принять, и затем — война. Отправив армию в поход, Кавад хотя бы ненадолго прекратил в ней брожение, а там, в случае военных успехов, можно было бы разжиться за счет своего западного соседа.

Итак, шах «отправил послов и одного большого слона в дар императору, чтобы тот послал ему золото»¹⁷⁰. Но едва послы вступили в Антиохию, как узнали, что Зенон умер. Когда новость дошла до Кавада, он велел послам предъявить ультиматум, сводимый к следующему: либо деньги, либо война, — новому византийскому императору Анастасию, но «словами угрозы раздражил сознание благочестивого Анастасия»¹⁷¹. Тот ответил, что не даст денег, пока персы не вернут Нисибис. Таким образом, кампанию против римлян можно было начинать, однако войска понадобились на армянском, а вскоре и на других фронтах... В общем, Каваду оказалось не до войны с Византией.

Не будем забывать, что всемогущие маги и нобилитет никуда не делись и дамоклов меч бунта продолжал висеть над шахиншахом. Тут, однако, он проявил изрядную изобретательность и, пока решался вопрос об отношениях с Византией, затеял еще одну авантюру. Кавад I стал оказывать все более явную поддержку движению пророка Маздака.

Маздакиты

В учении Маздака весьма серьезную роль играли социальные мотивы. В этой части проповеди Маздака и его последователей, маздакитов, были радикальны: богатые должны были делиться с нуждающимся своими женами и имуществом.

Понятно, что такие требования нашли горячий отклик полутора тысячелетиями позже: частью в советской исторической литературе¹⁷², частью в современной сексуально раскрепощенной Европе. Но тогда в Иране, в начале VI века, они были прямой угрозой персидской знати. «Увидав, что государь принял веру Маздака, люди вдали и вблизи откликнулись на призыв и разделили имущество. Маздак говорил: “Имущество есть розданное среди людей, а эти все — рабы всевышнего и дети Адама. Те, кто чувствуют нужду, пусть тратят имущество друг друга, чтобы никто не испытывал лишения и нищеты, все были бы равными по положению”. Когда же Кубад (Кавад) пошел дальше, согласился на общность имущества, Маздак начал заявлять: “Ваши жены — ваше имущество. Следует вам считать жен как имущество друг друга, чтобы никто не оставался без участия в наслаждениях и вожделениях мира, чтобы двери желания были открыты перед всеми людьми”. Многие люди все больше увлекались его учением по причине общности имущества и женщин, в особенности простонародье. Установился такой обычай: если какой-нибудь мужчина приводил в свой дом двадцать мужчин-гостей и угощал хлебом, мясом, вином, закусками и музыкой, под конец все по одному соединялись с его женой, и это не ставили в грех»¹⁷³.

Через поддержку и распространение маздакитской доктрины, близкой широким социальным слоям, шах планировал нанести удар по всесильным магнатам и аристократии. Маздак получил назначение на один из высших постов в государстве, да и прочие важные административные посты были розданы маздакитам, которые без тени сомнений стали захватывать имущество знати и распределять его между бедняками. Те, кто не желал расставаться со своим до-

бром и впускать на свое супружеское ложе чужаков, объявлялись приверженцами зла со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Знать спохватилась слишком поздно, но действовала решительно. Те аристократы, кого бойкие маздакиты еще не успели известить, устроили против шахиншаха заговор, который привел к его отстранению от власти. Существует легенда о заточении Кавада I в «Башне забвения» в древней Сузе, откуда ему удалось бежать, переодевшись в женское одеяние¹⁷⁴. Но на деле все было иначе. Конечно же, Кавад понимал, что, попади он в руки своих врагов, его предали бы смерти. Поэтому, вовремя узнав об опасности, он поспешил скрыться.

Замасп

В 496 году сасанидский нобилитет посадил на трон Замаспа — младшего брата Кавада I. Замасп был в целом добрым правителем, даже уменьшил налоги, чтоб облегчить жизнь крестьянам и бедноте. В религии он, в отличие от старшего брата, предпочитал придерживаться традиционного, официально поддерживаемого зороастризма.

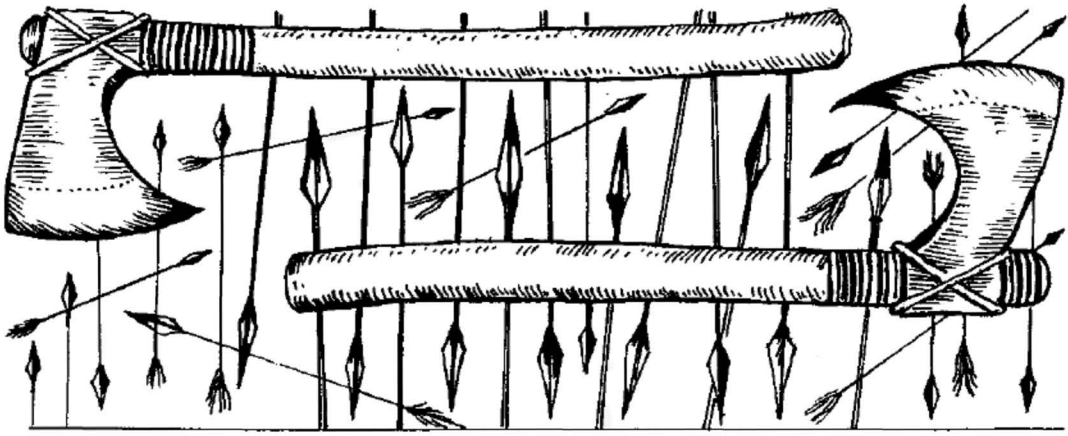
Тем временем Кавад нашел прибежище у эфталитов. Прежде он не один год прожил среди них заложником — выучил их язык, знал их обычаи, обзавелся связями. Теперь все это пригодилось. Явившись к эфталитам, Кавад принялся уговаривать их правителя помочь вернуть ему престол. Тот и сам был не против, чтобы во главе соседнего Ирана был «свой человек». Союз закрепили браком Кавада и дочери эфталитского царя.

Во главе огромной армии «белых гуннов» Кавад возвратился в отчизну и вошел в столицу Сасанидов, которая сдалась ему без боя. Замасп добровольно освободил новому шахиншаху престол, и больше имя его в источниках не встречается. Предполагают, что он без особых проблем и, возможно, даже с почетом продолжал пребывать при дворе своего старшего брата.

Как и было заранее оговорено, в благодарность за помощь Кавад отдал эфталитам Чаганиан и дорогу на Согд.

Золотая эпоха

Второе правление Кавада I (498—531).
Хосров I Ануширван (531—579). Хормизд IV (579—590).
Бахрам VI Чубин (590). Хосров II Парвиз (590—628)



Второе правление Кавада

Второе правление Кавада открывает поистине золотую эпоху сасанидской истории. После своего повторного воцарения шах, используя эфталитские войска, усмирил восстания в различных частях государства, а также провел репрессии против оппозиционной аристократии. Что характерно, с маздакитами шах порвал; их лидеры, нужда в которых теперь отпала, были обвинены в заговоре и казнены.

Внутренние разборки не мешали активной внешней политике. Потеряв контроль над Дербентом в правление Пероза, персы отошли южнее и закрепились неподалеку от современного Баку. Теперь, при Каваде, они строят здесь новые защитные стены — так называемую Бешбармакскую, а севернее — Ширванскую¹⁷⁵. Позже, в 507—508 годах, воспользовавшись смертью Амвазука, Сасаниды вернули себе Дербент

и со временем с помощью лучших архитекторов и строителей всего Ирана превратили его в неприступную цитадель.

Опираясь на военную поддержку эфталитов, Кавад начинает очередную антивизантийскую кампанию. Формальным поводом для ее начала стал как раз вопрос о кавказских проходах. Ромеям, по соглашениям, вменялось платить деньги за их защиту (они оплачивали постройку укреплений). Кавад заявил, что византийцы уже давно не платили и это грубое нарушение договоренностей, достигнутых ранее. Реальной же причиной стало то, что союз с эфталитами требовал немало денег и их алчные желания и завоевательный пыл нужно было утолить, пока они в очередной раз не выплеснулись на сам Иран. Нельзя было забывать и про поддержку своих, иранских, военных кругов. А казна вновь была пуста (к эфталитскому погрому добавились неурожай и наводнение), и пополнить ее можно было лишь с помощью успешной войны.

В августе 502 года персы, собрав под свои знамена эфталитов, некоторые арабские племена и подконтрольных армян, приступили к решительным действиям. Благодаря измене префекта Константина они захватили Феодосиополь в ромейской Армении. Город был разрушен, а жители угнаны в плен¹⁷⁶. В августе—сентябре персидские войска и эфталиты опустошили области, ведущие к Амиде и Эдессе.

Византийцы, которым воевать с персами не хотелось, попытались договориться и предложили в качестве отступного большую сумму, но Кавад отверг это предложение, возможно рассчитывая войной получить больше, а возможно, припомнив старую обиду — когда ромеи не дали денег в начале его правления.

После этого персы двинулись к находившейся на границе Армении и Месопотамии Амиде. Осада этой крепости, начавшаяся 5 октября 502 года, продолжалась три месяца, при этом на значимых прилегающих направлениях персы осуществляли вспомогательные рейды. Один из высланных отрядов 2 ноября разбил войска дукса Олимпия. Другой, во главе с лахмидским царем Нааманом, захватил 26 ноября Харран. Здесь взяли в плен 18 500 человек. Однако византийцы все же подпортили персам картину. Дукс Мелитены

Евгений после поражения своего коллеги Олимпия посчитал резонным не вставать на пути всей персидской армии, а попытать удачи у Феодосиополя. И удача дуксу Евгению сопутствовала.

Между тем осада Амиды продолжалась. Как и полтора столетия назад, в 359 году, крепость проявила характер. Персы пытались насыпать вал напротив стены, но под него был сделан подкоп, и затея провалилась. Действие стенобитных машин смягчалось бычьими кожами, которыми защитники города обильно увешали стены. Осажденные постоянно осыпали персов градом снарядов из различных метательных машин, и те терпели большие потери. В довершение всех бед наступила сильная стужа. Все это пахло серьезными проблемами для Кавада. Он даже предложил свернуть осаду за небольшой выкуп, но защитники города, уверенные в его неприступности, отказались. Однако они не учли возможности предательства. Персы пробрались в город ночью через подземный ход, неожиданно появились в тылу у воинов гарнизона, и Амида пала. Персы перебили около 80 000 человек. Город был отдан армии на трехдневное разграбление, после чего в нем был оставлен гарнизон в 3000 человек.

В 503 году император Анастасий отправил против персов три армии под командованием главнокомандующего восточными войсками гота Ариобинда, военачальника Патрикия и своего племянника Ипатия. Первая армия двигалась к Нисибису, остальные две — к Амиде. У Ариобинда было 12 000 воинов, у двух других полководцев — всего около 40 000. Раздробленность византийских войск и дразги между их начальниками были на руку Каваду I, и он решил бить врага поодиночке. Сначала, правда, ромеи имели успех. Ариобинд дважды разбил превосходящие войска персов, 20 000 человек, и вынудил их запереться в Нисибисе. Но затем к ним подошло подкрепление — и византийцам пришлось отойти к Эдессе. В это же время Патрикий и Ипатий нерешительно топтались у Амиды. Кончилось дело тем, что войско Патрикия было окружено, а сам он бежал в Самосату. Ипатия отозвали в Константинополь. Кавад тем временем осадил Эдессу, но взять хорошо укрепленный город не смог. В крепости находились многочисленный гарнизон ро-

мейских войск во главе с Ариобиндом и значительные запасы продовольствия. Потерпев относительную неудачу, персы отошли на зимовку к Апамее.

Новым византийским главнокомандующим Анастасий назначил своего земляка Целера. Согласно плану ведения боевых действий, который тот разработал, Патрикий теперь пошел к Амиде и разгромил пришедший на помощь городу персидский отряд. Ариобинд вторгся в Армению, а сам Целер двинул войска в Месопотамию.

Тут внезапно в дела на Кавказе вмешивается третья сторона — «гунны» (вероятно, сабиры). В 504 году их орды наводняют многострадальные земли Армении. Оказавшись лицом к лицу с этой проблемой, Константинополь и Ктесифон заключили перемирие, причем ромеи за крупную сумму выкупили у персов Амиду, а в 506 году был подписан мирный договор, зафиксировавший довоенный статус-кво.

В последующие два десятилетия отношения между Византией и Ираном стабилизировались. Но в начале 520-х годов Кавад, занятый многими прочими проблемами, упустил из своего контроля кавказскую страну Лазику, чьи правители переметнулись под крыло Византии. Так, новый лазский царь Цатэ решил за подтверждением своего титула обратиться не к шахиншаху, а к императору Юстину I (518—527 годы), который сменил на византийском престоле Анастасия. Протесты Кавада не возымели никакого действия. Обе стороны опять стали готовиться к войне и искать союзников.

И персы, и ромеи обратились за помощью к Зилгиби, вождю прикавказских гуннов. Тот, приняв подарки, обнадеежил и Константинополь, и Ктесифон. Что конкретно хотел выгадать из этой ситуации хитрый гунн, останется вечной тайной, так как вскоре о его двойной игре стало известно Юстину и он сделал политический «реверанс»: раскрыл все Каваду. Последний, выманив Зилгиби к себе, уничтожил и самого предводителя, и якобы 20 000 сопровождавших его кочевников.

Это событие вроде бы сблизило противоборствующие государства, и Кавад даже предложил Юстину усыновить своего младшего сына Хосрова. Этот шаг был в немалой степени продиктован тем, чтобы обеспечить последнему безопас-

ность и гарантировать его вступление на престол после смерти отца. Однако Юстин отказал, поскольку опасался, что таким образом царевич Хосров получит права на византийский престол. Данный отказ, безусловно, не укрепил ромейско-персидскую дружбу.

Иберийская война

После решения «гуннской проблемы» Кавад снова вернулся к плану захвата Лазики. Оттуда он в перспективе мог выйти на византийские Галатию, Вифинию, а уж с этих земель и до Константинополя было рукой подать! Но начинать нужно было с Иберии. Спусковым крючком для эскалации военных действий и введения войск персы избрали уже испытанное прежде насаждение зороастризма. Грузинам среди прочего было велено не предавать тела умерших земле, а оставлять их на съедение собакам и птицам. Естественно, те возмутились, и персы, сравнительно легко подавив их сопротивление, оккупировали Иберию. Иберийский царь Гурген, до этого обратившийся за помощью к византийскому императору, бежал с семьей в Константинополь.

В 526 году тогда еще молодые полководцы Велизарий и Ситта предприняли поход в Персармению, против тамошних нахараров, но кампания эта оказалась неудачной. Основной театр военных действий сместился южнее, к месопотамскому пограничью.

В 527 году очередной византийский натиск на Нисибис был отбит персами. Новый византийский император Юстиниан (527–565 годы), однако, не собирался отказываться от начатого его предшественником. Ромеи построили в порубежье новую крепость — Миндон, которая должна была стать их основным опорным пунктом. Этот шаг, естественно, не прошел незамеченным для персов. Они собрали войско и выдвинули его навстречу византийцам. Недалеко от Миндона состоялось сражение, в котором персы одержали победу, и ромейская крепость была разрушена¹⁷⁷.

После этого в борьбе двух держав наступила небольшая передышка. Правда, в это время они обратили свой взор на

кочевников-сабир, в среде которых полыхала междоусобная борьба. Византийцы поддержали царевну Боарикс, а персы — царей Стиракса и Глониса. Победу в этой междоусобице одержала Боарикс. В результате сабиры стали союзниками византийцев.

В 530 году Кавад послал армию во главе с Фиррузом Мирраном с целью захвата Дары (Анастасиополя) — ключевого византийского города на пограничье. Дорогу персам преградили войска под командованием Велизария и Гермогена. В состоявшейся битве сасанидские войска, несмотря на значительное численное преимущество (50 тысяч против 25), были разбиты.

Перед боем ромеи заняли оборонительную позицию, укрывшись за специально вырытым рвом. В центре у византийцев встала пехота, по флангам — конница. Оба рода войск были и у Сасанидов. Персы подошли к укреплениям и попытались их атаковать, но не достигли успеха. Весь следующий день противники простояли в боевой готовности друг против друга, и лишь вечером конный отряд, занимавший правое крыло персов, атаковал левое крыло ромеев. Те слегка отступили, и сасанидские воины погнались за ними. В этот момент византийцы неожиданно повернули обратно и нанесли персам контрудар. Теперь уже стороны поменялись ролями, и воины Фирруза вынуждены были отойти к своим основным силам.

Решающие события развернулись на третий день. Персы, построившись в две линии, одна позади другой, после полудня начали мощный натиск на ромейское войско. Подойдя на расстояние выстрела из лука, они осыпали его тучами стрел (ромеи ответили тем же), а затем пошли врукопашную. Сначала сильное правое крыло персов смяло левое крыло противника, но затем византийские военачальники реализовали подготовленный ими план: резервный ромейский отряд ударил наседавшим персам во фланг, и те, обескураженные, отступили к своим построениям. Отошли назад и византийцы. Наступивший перерыв Фирруз использовал, чтобы усилить значительным числом воинов левое крыло. Велизарий и Гермоген, заметив это, усилили войска на своем правом фланге. Последовавшая персидская атака, каза-

лось бы, получилась, и ромеи побежали. Но, как и в прошлый раз, ликующие персы получили неожиданный удар из засады сбоку. Одновременно остановились отступавшие ромеи, и персы оказались зажаты меж молотом и наковальней. Началась форменная бойня, в которой войско персов перестало существовать.

Впоследствии Велизарий был отозван. Гермоген пытался начать переговоры о мире с Кавадом, но жаждавшие реванша персы не были настроены мириться. В том же году вторая сасанидская армия под предводительством Михр-Михрова потерпела поражение у Саталы.

Впрочем, вскоре шахиншах поквитался с византийским императором. 19 апреля 531 года его войска, при поддержке лахмидских контингентов Аль-Мундира IV, разбили Велизария у Каллиника. И персы, и ромеи понесли в этой битве значительные потери.

В этом же, 531 году умер Кавад, бывший уже в весьма преклонном возрасте; его жизнь была полна взлетов и падений, крутых перемен, походов и странствий. Ему наследовал сын Хосров, после чего между Ираном и Византией был заключен «вечный» мир. По его условиям византийцы получали Лазику, но отдавали золотые копи в Фарангии и крепость Болоно, выплачивали денежную сумму в размере 11 000 фунтов золота и не должны были иметь военачальника в Даре. Персы обязывались защищать кавказские проходы от гуннов, за что ромеи должны были заплатить им 100 кентинариев золота.

От эфталитской зависимости Каваду, к сожалению, избавиться так и не удалось. Денежные выплаты эфталитам продолжались до середины столетия. Зато, как мы увидели, шах сравнительно успешно противостоял Византии.

Кавад навел порядок внутри своей огромной страны, основал несколько городов (часть из них — своего имени), приступил к упорядочиванию налогообложения. Считается, что именно он — автор позднесасанидской военно-административной реформы¹⁷⁸. Прежде всей военной мощью Иранского государства заведовал один-единственный человек — эран-спахбед. Однако события V века — вторжение эфталитов с востока, продолжавшаяся война с Византией на

западе, вторжение номадов с севера — показали, что в одиночку с одновременными угрозами на всех границах империи уже не справиться. Теперь Эран Шахр был разделен на четыре части — северо-восточную, юго-западную, юго-восточную и северо-западную. Каждую часть, военный округ (куст), возглавил генерал-спахбед, который и отвечал впредь за ее обороноспособность.

Хосров Ануширван

Сын Кавада — Хосров известен в мировой истории как Хосров I Ануширван. Ануширван обычно переводят как «бессмертная душа». Не знаем, как уж там с душой, но имя этого сасанидского шаха действительно стало бессмертным и фигурирует во многих всемирно признанных памятниках литературы (вспомнить хотя бы «Шахнаме» Фирдоуси или Прокопия Кесарийского).

Базой для внешних успехов Хосрова стали его внутренние преобразования, которым необходимо уделить хотя бы несколько строк. Пойдя по стопам своего отца и расширив его начинания, Хосров осуществил упорядочение налоговой системы, базировавшееся практически на кадастре — тщательной переписи всех земельных владений. Такой подход позволил значительно пополнить казну. К сожалению, точных данных о приходной части сасанидского бюджета того времени не сохранилось. Но можно воспользоваться информацией мусульманских авторов, ведь во многом фискальная система в халифате являлась наследницей сасанидской. Так вот, ал-Йакуби сообщает, что только «харадж Хорасана со всех его округов достигал в год сорока тысяч дирхемов, не считая пятины, которую взимали с порубежных крепостей»¹⁷⁹. Ибн Хордадбех говорит о харадже в 44 846 600 дирхемов¹⁸⁰.

Прежде крупные иранские феодальные властители выступали в военную кампанию со своим вооружением и обмундированием, а также слугами. Теперь же Хосров принялся формировать новую военную прослойку — из мелких землевладельцев-дежкан. Жалованье и военное снаряжение

они получали централизованно, от шахиншахского правительства. В результате реформы как бюрократия, так и армейские служащие стали зависеть непосредственно на шаха, а не от провинциальных элит.

Не отказался Хосров и от военно-административных начинаний своего отца: при нем окончательно сложилась система четырех военных округов, показавшая себя вполне эффективной. Это «позволяло более оперативно реагировать на изменения в военно-политической обстановке» на границах Персии «и быстро мобилизовывать наличные вооруженные силы для отпора врагу, не дожидаясь указаний из столицы»; кроме того, одновременно с децентрализацией военного руководства (четыре военачальника вместо одного) имело место военно-политическое усиление фигуры шаха, ведь «теперь под его властью находились не многочисленные местные властители, зачастую лишь номинально подчинявшиеся центральной власти, а четыре спахбеда, назначавшихся самим шахиншахом и, соответственно, находившихся под его полным контролем»¹⁸¹. Что интересно, модель самодостаточных военных округов исторически показала себя вполне жизнеспособной, более того — она востребована в нашем беспокойном мире и поныне (например, в США шесть военных командований — с 2002 года, в России четыре военных округа — с 2010 года).

Методично разрешая внутренние проблемы, Хосров не забывал и о внешних. Несмотря на 440 тысяч сестерциев, заплаченных императором Юстинианом в подтверждение «вечного мира» 532 года, шахиншах Хосров I в 540 году нарушил это соглашение и вторгся в Сирию. Одной из главных причин конфликта была так называемая «война за страту». Страта представляла собой мощную римскую дорогу, соединявшую ряд важных пунктов и пролежавшую через пастбищную местность к югу от Пальмиры. Дорога имела важное экономическое и политическое значение. Именно из-за нее произошел конфликт в конце 30-х годов VI века между провизантийскими арабами — Гассанидами и проперсидскими арабами — Лахмидами. В ходе этого конфликта Юстиниан попытался перетянуть на свою сторону Лахмидов. О этом стало известно Хосрову¹⁸².

Еще одним фактором, подталкивавшим стороны к войне, стало посольство остготского короля Витигиса. Остготы, теснимые Юстинианом, в числе своих союзников вполне логично видели персов. Действительно, успешная экспансия и усиление Юстиниана на Западе и в Африке представляли угрозу как для готов (для них угроза была непосредственной), так и для Сасанидов. Посольство, прибывшее ко двору шахиншаха в 539 году, смогло донести ему опасения готов: «...Пока у тебя есть надежда на спасение, не делай нам более зла своим бездействием, дабы ты сам не претерпел того же. В наших бедствиях предусматривай те, которые вскоре постигнут Персию. Помни, что римляне никогда не будут доброжелательны твоей державе».

Наконец, Сасаниды все еще вынуждены были выплачивать немалую дань своим восточным соседям эфталитам, что требовало нахождения дополнительных финансов. Взыскание их со своих подданных было чревато социально-политическими последствиями и даже опасно для самого шаха, тогда как успешная война на чужой территории решила бы проблему. К тому же новому царю традиционно необходимо было показать себя умелым полководцем.

Сиро-месопотамская война

Весной 540 года Хосров во главе своей армии двинулся в Месопотамию. Он взял Суру (в «Шахнаме» — Шураб), а ее жителей предложил выкупить епископу Сергиополя Кандиду за два кентенария золота, на что тот и согласился. Иераполь откупился за две тысячи либр серебром, а с Берои потребовали в два раза больше. Она отказалась, но сопротивлялась слабо и была захвачена. С Антиохии Хосров потребовал десять кентенариев. Город отказался, но и обороняться не смог, так как очень плохи были укрепления. Византийский гарнизон организованно отступил из Антиохии, а ее жителей Хосров угнал в Месопотамию, где поселил в новом, специально построенном вблизи Ктесифона городе. Далее персидское войско обманом заняло Апамею и Халкиду. Впрочем, эти города отделались выкупом. Эдесса откупилась двумя кентина-

риями золота. Следующей целью стала Дара. Но ее укрепления были настолько мощны, а гарнизон так силен, что персы не отважились на штурм и довольствовались выкупом в тысячу либр серебра. Таким образом, кампания 540 года полностью оправдала себя и принесла немало финансов.

Удача не покидала Хосрова и далее: в 541 году на сторону персов перешла Лазика. Точнее говоря, лазы, страдавшие от притеснений со стороны византийцев, позвали персов на помощь. Местный царь Губаз выразил покорность Хосрову. Главной твердыней ромеев здесь была крепость Петра на берегу Черного моря. С помощью подкопа она была взята. После этого ромеи оставили и другие свои опорные пункты — Севастополь и Пицунду. Персы, в свою очередь, повсюду поставили гарнизоны. У Хосрова насчет Черного моря были далеко идущие планы — он хотел создать здесь флот и таким образом перерезать торговые пути в Индию, идущие в обход его державы.

Тем временем византийцы попытались организовать контрнаступление в Месопотамии. Велизарий занял Сисавраны, хотя и потерпел неудачу у Нисибиса. Однако затем ухудшились погодные условия, наступила сильная жара, в войске начались болезни, и ромеи отошли на исходные позиции.

В 542 году Хосров I пошел к Сергиополю, поскольку тамошний епископ Кандид так и не выплатил ему оговоренную сумму за 12 тысяч пленных византийцев, захваченных в Суре. Кандид отправился к Хосрову с просьбой о прощении. Его избили и обязали уплатить вдвое больше, после чего он вместе с несколькими людьми Хосрова вернулся в Сергиополь. Там он отдал персам церковную утварь, но этого Хосрову показалось мало. Он потребовал, чтобы в город впустили его людей, дабы они осмотрели имеющееся там имущество. Скорее всего, он таким образом хотел захватить Сергиополь. Но эта хитрость персов была раскрыта. Тогда они осадили город, но попытка приступа провалилась. В это время к Дура-Европос выдвинулся с войсками Велизарий. Это создавало определенную угрозу персам, и, разгромив Каллиник, Хосров ушел на восток. Еще одной причиной его ухода стала начавшаяся в округе эпидемия чумы.

В 543 году в Персидской Армении, при Англоне, сасанидские войска остановили наступление превосходящих их количеством, но плохо организованных сил ромеев. Византийцы вообще действовали на Кавказе без общего плана. Может быть, именно поэтому персы, даже теснимые чумой, сумели достичь успехов в Азербайджане.

В 544 году персидское войско осадило Эдессу. Однако взять город было очень непросто. Персы пытались сделать подкоп, сооружали искусственный холм, штурмовали, но все неудачно. В конце концов они ушли, взяв в качестве отступных 5 кентенариев золота.

Обе стороны уже явно тяготились войной, и в 545 году было заключено перемирие, по которому византийцы уплачивали 20 кентенариев золотом и присылали Хосрову врача Трибуна, хорошо зарекомендовавшего себя в Персии. При этом, несмотря на мир между главными фигурантами, война между союзными им арабскими племенами продолжилась¹⁸³.

Лазская война

Перемирие было нарушено, когда своего покровителя снова поменяла Лазика, — персидские гарнизоны здесь были убраны с помощью византийских контингентов. Началось все с того, что персы решили окончательно подчинить страну своему влиянию и насадить маздаянийские порядки, а это невозможно было без устранения царя Губаза. Но тот своевременно узнало персидских планах, вступил в коалицию с аланами и сабирами и обратился за помощью к ромеям.

В 549 году в Лазику прибыло 8-тысячное византийское войско во главе с Дагисфеем; объединенная византийско-лазская армия осадила Петру. Хосров послал на выручку своим воинам 30-тысячное войско во главе с Мермером. Крайне неудачно действовал в данной ситуации Дагисфей — он вяло вел осаду, а оставленный им заслон против Мермероя оказался слаб и не смог сдержать натиск персов. В результате ромеи вынуждены были снять осаду и уйти на север. Мермерой, однако, также не мог оставаться в Лазике надолго, так как для его большой армии там просто не хватало про-

довольствия. Он ушел из страны, оставив 5-тысячное войско во главе с Фабризом. На этот раз уже персы проявили беспечность. Они разбили лагерь у реки Фасис, не разведав как следует обстановку. Рядом с персами находился брод, о существовании которого они не подозревали. Лазы и ромеи перешли по нему реку, внезапно атаковали лагерь Фабриза, и мало кому из персов удалось спасти свою жизнь.

Персы поспешили отправить в Лазику новое войско во главе с Хорианом. Навстречу им выступили Дагисфей и Губаз. У реки Гиппис состоялось крупное сражение, исход которого решила гибель Хориана — персы смешались и отступили. Впрочем, Юстиниан не придал этим успехам особого значения, поскольку главный персидский оплот в регионе — крепость Петра — так и не был взят. Дагисфей вскоре был обвинен в сговоре с Сасанидами и посажен в тюрьму, а новым командующим стал Бесс. Персам тем временем удалось привлечь на свою сторону абазгов (предков современных абхазов). Но ромеи подавили мятеж абазгов и снова осадили Петру. На этот раз у них было 6000 воинов против 2300 человек персидского гарнизона. Решительным штурмом византийцы овладели крепостью. Выступивший на выручку гарнизону Мермерой помочь ему не успел и вместо этого принялся осаждать Археополь. Но и тут персов ждала неудача — в битве у Археополя они потерпели поражение. Некоторой компенсацией для сасанидских войск стало взятие Кутаиси и крепости Ухимерион.

В 551 году между Византией и Персией начались переговоры о перемирии. Персидский посланник Иедигуснасп вел себя крайне надменно, высказывал огромное количество претензий к Константинополю. Но Юстиниан, которому мир нужен был, пожалуй, больше, чем Хосрову, сумел задобрить его щедрыми подарками, и в 552 году перемирие было заключено. Полностью военные действия, правда, не прекратились, но теперь они были привязаны в основном к землям Лазики.

В 554 году в Лазику вторглась персидская армия Мермероя. Его целью была опора ромеев в регионе — неприступная крепость Телефис. Мермерой решил действовать хитростью. Он распространил слухи о своей смерти и усыпил

бдительность врага, а затем внезапным ударом заставил византийцев оставить Телефис и бежать¹⁸⁴. После этого в течение короткого времени ромеи оставили практически все свои опорные пункты в регионе. Добиться окончательного успеха персам помешала смерть Мермероя, теперь уже действительная — персидский полководец ложным известием словно накликал на себя беду. Новым командующим был назначен Нахогаран. Пока он принимал дела, византийцы осадили крепость Оногурис, где засел сильный персидский гарнизон. Нахогаран отправил на помощь осажденным отряд, который смелой атакой отбросил ромеев от стен города. Затем персидский военачальник отогнал от Археополя византийцев. Неудачи привели к обострению отношений между Губазом и ромеями, что, в свою очередь, вызвало перемены в византийском военном руководстве. Это благотворно сказалось на ведении боевых действий, и в 556 году византийско-лазская коалиция вернула Археополь.

В дальнейшем события разыгрались у Фасиса, где персы осадили византийский гарнизон. Положение ромеев было сложным, однако их начальник Мартин тоже применил хитрость, показав, что в этом византийцы ничуть не уступают персам. На виду у многих людей к нему подошел усталый человек, покрытый пылью и грязью, и вручил послание — как тут же объявил во всеуслышание Мартин, от императора. Прочитав его, Мартин сообщил, что на подходе находится большое византийское войско, посланное императором на выручку гарнизону. Это известие через разведчиков незамедлительно проникло в лагерь персов и заставило их поторопиться со штурмом. Готовые к такому обороту событий, византийцы накануне тайно отправили за пределы города конный отряд. Во время решающего штурма этот отряд появился в тылу у персов. Какое-то время воины Нахогарана еще сопротивлялись, но окончательно их погубили собственные боевые слоны. Осыпаемые стрелами и дротиками, они взбесились, сломали строй и принялись топтать персидских воинов. Битва закончилась тяжелым поражением персов, которые потеряли около 10 000 человек. Этот разгром стоил Нахогарану жизни — он был казнен по приказу шахиншаха.

К этому моменту обе стороны устали от изнурительной войны. Стычки следовали одна за другой, но в них принимало участие все меньше людей. В 557 году по инициативе персов были возобновлены мирные переговоры. Окончательно мир сроком на семь лет был заключен в 563 году. Согласно условиям договора, в Лазике и Передней Азии державы оставляли за собой то, что на данный момент контролировали. Персы обязались защищать горные проходы на Кавказе от кочевников, за что византийцы должны были платить ежегодно золотом.

Давая оценку персидской политики Юстиниана, стоит отметить ее оборонную направленность. Это в принципе понятно, учитывая постоянные западные войны знаменитого императора, его строительные проекты, народные волнения в самом Константинополе. Тем не менее нельзя не признать, что в финансовом плане такая позиция Юстиниану обошлась очень дорого. Во-первых, понизился престиж империи. Во-вторых, по некоторым оценкам, в результате нежелания вести активные действия на сасанидской территории и постоянных дипломатических уступок византийцы только в качестве прямых расходов потеряли более 30 тысяч фунтов золота¹⁸⁵. Гораздо большую сумму составили косвенные расходы — чего стоят только последствия разорения византийских территорий персами и их союзниками-варварами...

Напоследок все же заметим, что византийцы смогли в экономическую «бочку меда» для Хосрова подкинуть «ложку дегтя». Во времена Юстиниана Византия обзавелась собственным производством шелка путем контрабандного завоза из Китая гусеницы-шелкопряда. Вскоре это серьезно снизило зависимость империи от поставок шелка с Востока и имело серьезные экономические последствия.

Восток: смена противника

На восточных рубежах основной проблемой персов оставались эфталиты. Постепенно эфталитская держава стала гегемоном Центральной Азии. К началу VI века она

присоединила к себе северо-запад Индии, отвоевав его у династии Гуптов. Эфталиты поддерживали оживленные торговые и дипломатические связи с Китаем (сначала с династией Вэй, потом — с Лянь). Они были в союзе с воинственными жуань-жуанями (жужанями). Их государство не только получало дань от Сасанидов, но и контролировало важные развязки Шелкового пути, частью которых прежде владел Иран. Впрочем, воинственный пыл «белых гуннов» со временем поостыл, и победы их остались в прошлом. Уже около 530 года коалиции индийских правителей во главе с дашапурским царем Яшодхарманом из династии Ауликаров в ряде боев удалось одержать верх над эфталитами и оттеснить их в Кашмир¹⁸⁶.

С северо-востока к государству эфталитов примыкали бескрайние владения тюрков. Китайцы называли тюрков «тукю», что в переводе означает «сильный, крепкий». От этого китайского слова и произошло название народа. Тюрки были кочевниками, основным их занятием было скотоводство, особенно было развито овцеводство. Они были отличными металлургами, хорошо знали кузнечное дело. Не случайно основу тюркской армии составляла тяжелая латная конница. Именно этот факт стал залогом их стремительных побед над врагами. В религиозном плане тюрки были язычниками, поклонявшимися Небу и предкам.

Тюрки входили в состав державы жужаней, но зависимостью от них тяготились. Конфликт назрел в середине VI века. Вождь тюрков Бумын попросил руки дочери кагана жужаней Анагуя, что выглядело большой наглостью, поскольку с точки зрения жужаней такой брак явно не был равным. Жужани ответили отказом, и тюрки объявили им войну. В нескольких сражениях они разгромили и уничтожили своих недавних хозяев. Эфталиты, таким образом, лишились важного союзника в степях.

После этого тюрки вели успешные боевые действия в Китае, а кроме того, организовали и поход на запад, который возглавил младший брат Бумына — Истеми. Особого сопротивления они не встретили и уже в 555 году вышли к Аральскому морю. Впрочем, здесь воины Истеми встретили хио-

нитов, победить которых удалось только к 558 году. После этого грозные завоеватели вышли к Волге.

Хосров I понимал изменившийся расклад сил. Поэтому, проведя анализ обстановки на востоке, он перестал платить дань эфталитам и заключил против них союз с тюрками. С целью укрепления союзнических отношений был даже заключен брак между Хосровом и дочерью кагана Истеми. От этого брака родился будущий шах Хормизд (Ормузд).

В 563 году тюрки вторглись на территорию эфталитского государства с северо-востока, а персы двинулись на Балх. К эфталитскому правителю Гатифару тем временем стягивались войска подчиненных земель:

Казну и оружие, и рати ему
Балх выслал и Зем, и Шугнан, и Аму.
Прислали Хатлан, Висегерд и Термез
Войска, поднимающие пыль до небес.
...Нет счета мечам в Бухаре, булавам, —
Владыки Хайтала стан воинский там.

В тяжелом сражении у Бухары эфталиты были разгромлены войсками кагана (возможно, с участием каких-то персидских контингентов), и некогда грозная эфталитская держава перестала существовать:

Семь дней против рати сражается рать,
Воинственной схватке конца не видать.
...В Гатфарову сторону на день восьмой
Вдруг ветер подул. Мир окутался тьмой.
Такое понес поражение Хайтал,
От коего долгие годы не встал¹⁸⁷.

Какое-то еще время продержалось небольшое государство эфталитов в Тохаристане, но и его вскоре подчинил Хосров.

Правда, с течением времени отношения персов с тюрками обострились. Непосредственной причиной этого стали торговые вопросы, а точнее, торговля шелком, которая являлась одной из главных статей дохода для Ирана. Согдийцы, вассалы кагана, не имели возможности торговать через

территорию Ирана шелком-сырцом. Получив поддержку тюрок, они отправили посольство к персам с предложением открыть торговые пути. Это было крайне невыгодно последним, так как разрушало их торговую монополию. Но и ссориться с тюрками было не с руки. Выход Хосрову подсказал его советник эфталит Катульф. Шелк был куплен у согдов и на их глазах полностью сожжен. Впрочем, это не остановило согдийских купцов. Отстаивая их (и собственные!) интересы, каган Истеми снарядил новое посольство, на этот раз состоявшее из тюрок. Но тут, видимо, все эти игры надоели, наскучили Хосрову, и он тюркских послов без всяких затей отравил¹⁸⁸.

Это стало поводом для войны между тюрками и персами. Однако велась она обеими сторонами весьма осторожно, и в 571 году был заключен мир. Тюрки получили Согдиану, а персы взяли себе все остальное эфталистское наследство — Синд, Бост, Арахосию, Забулистан, Тохаристан, Дардистан, Кабулистан и Чаганиан. В условиях надвигающейся войны с ромеями это был колоссальный успех Ирана.

Предваряя рассказ об очередной войне между персами и византийцами, необходимо отметить новых союзников Ирана — авар. В истории этого народа много белых пятен. Даже само происхождение его неясно. Обычно авар считают потомками хионитов, разбитых тюрками и изгнанных на запад, за Волгу. Но это далеко не бесспорный факт.

Как бы то ни было, но в Восточную Европу авары прибыли в середине VI века изрядно потрепанными. В поисках покровителей эти кочевники заключили в 558 году союз с Византией. Затем, однако, набравшись сил, они стали громить союзников империи — сабиров и утургуров. Авары настолько укрепились, что византийцы стали платить им дань, дабы они не тревожили их своими набегами, что, впрочем, далеко не всегда уберегало византийские рубежи. Вскоре этот беспокойный народ продвинулся дальше в глубь Европы, на запад, подчинив по пути антов. В 567 году был образован Аварский каганат, во главе которого стал каган Баян. С какого-то момента авары вели практически непрерывные войны с ромеями и потому были естественными союзниками персов.

Эти выходцы из степей были сравнительно немногочисленны, однако слыли отличными бойцами¹⁸⁹. У них была первоклассная конница. Тысячи опытных всадников, надежно прикрытых доспехами, обрушив тучи стрел на неприятеля и упершись в надежные стремяна, срывались затем в галоп с длинными копьями и пиками наперевес. В противника, разжиженного стрелами из «гуннских» луков, такая конница входила как нагретый нож в масло. Дело доканчивали удары аварских палашей. Пехоту в армию кагана составляли зависимые славяне.

Новая война с Византией

В 565 году, после смерти Юстиниана, на византийский престол взошел император Юстин II (565—578). В наследство ему достались, во-первых, оскудевшая казна, грозившая подорвать боеспособность армии, а во-вторых — тяжелые обязательства по выплатам союзным народам. Эти проблемы нужно было срочно решать. Юстин прекратил выплаты аварам, а также арабским вождям Лахмидам, осмелившимся совершать рейды на земли византийской Сирии. В это же время турки, у которых наметились серьезные трения с персами, вознамерились вступить в союзные отношения с Константинополем. Юстину явно повезло.

Дела в Армении также были ему на руку. Тамошний сасанидский губернатор, происходивший из семьи Суренов, проводил жесткую линию на укрепление зороастризма. Мало того что он построил храм огня в городе Двине — сасанидский сатрап казнил одного из членов влиятельной армянской семьи Мамиконян. Все это вызвало в 571 году восстание и последующую расправу над губернатором и его охраной. Параллельно этим событиям взбунтовалась Иберия.

Сославшись на беспорядки, Юстин II прервал ежегодные выплаты, причитавшиеся персам за защиту «Кавказских ворот». Понимая, что дело идет к полномасштабной войне, Хосров все же попытался ее отложить и в начале 572 года направил к Юстину посольство с напоминанием о выплатах

и требованием подтверждения мирного договора. Ни платить, ни подтверждать мирный договор император не стал. Напротив: он вступил в союзные отношения с восставшими армянами, а кроме того, послал на восток армию под командованием своего родственника Маркиана.

Если верить ряду источников, первая персидская карательная экспедиция (20 тысяч человек) во главе с Михраном Михревандаком потерпела поражение от армян на поле Халамахеац. Вторая, уже возглавлявшаяся самим Хосровом, была разбита под Мелитеной¹⁹⁰.

В то же время у ромеев в Месопотамии дела шли не блестяще, если не считать несколько успешных рейдов грабительского характера, совершенных из Дары, которую Маркиан избрал своей базой. Но вслед за этим Юстин отдал приказ осадить Нисибис. Этот город оказывался крепким орешком для многих армий, а теперь он был особенно хорошо укреплен, теперь уже Сасанидами, и имел сильный гарнизон. У Маркиана не хватало сил даже для того, чтобы хотя бы его просто блокировать. Персы, зная о близком подходе своих крупных сил и издеваясь над врагом, демонстративно не заперли городские ворота.

Шах действительно шел Нисибису на выручку: «Хосров старший, двинувшись из Вавилона вместе с мидийским войском, перешел через Тигр и, углубившись в пустынные земли, шел по ним со своим войском, чтобы скрыть от ромеев предпринятый им поход»¹⁹¹. У местечка Аббарон, неподалеку от впадения Хабура в Евфрат, решено было разделиться на два войска. Первое, во главе которого был сам Хосров, пошло к Нисибису. Второе — шесть тысяч во главе с полководцем Адорманом — совершило рейд в Сирию. Персы разорили окрестности Антиохии, но сам город взять не сумели. Далее Адорман подошел к Апамее и потребовал выкуп. Апамейцы стали собирать средства, но тут неожиданно персы их атаковали и заняли город. После этого Адорман двинулся назад, на соединение с основными силами Хосрова.

А у византийцев дела под Нисибисом совсем разладились. Юстин, разочарованный нерешительными действиями Маркиана, отстранил его от командования. Однако это вызвало открытое недовольство среди солдат и офицеров.

Раздоры в войске происходили на фоне сведений о приближении персов, и в этой ситуации было сочтено за лучшее осаду свернуть.

Вскоре византийцы были и сами осаждены в Даре объединенной персидской армией. Несмотря на мощные укрепления и сильный гарнизон, Дару персы взяли. Потрясенный этим, Юстин назначил себе в соправители командира императорской гвардии Тиберия, так как был не в силах более единолично нести тяготы управления государством.

Положение Византии было очень печальным — по сути, рухнул весь ее восточный фронт. В новом, 574 году Хосров двинулся в Каппадокию. Навстречу ему выступила армия во главе с Юстинианом, племянником покойного императора. Внезапной атакой он смял левый фланг персов и отбросил основные силы Хосрова. Впрочем, довершить разгром не удалось, так как византийские воины вместо того, чтобы добить противника, бросились грабить обоз, где находились царские сокровища. Воспользовавшись передышкой, Хосров сумел перегруппировать свои войска. Ночью персы зажгли в своем лагере костры, создав у противника иллюзию своей неподвижности, а сами атаковали ромейский лагерь, в котором беспечные византийцы уже готовились праздновать свой успех. Победа была безоговорочной. Сразу после нее Хосров занял стоявший неподалеку город Мелитену, а затем двинулся назад отягощенный добычей. Но он явно недооценил Юстиниана. Тот сумел за короткое время сплотить свою разбитую армию и атаковал персов во время их переправы через Евфрат. Атака была неожиданной, и персы понесли тяжелые потери. Сам Хосров с трудом спасся, переплыв реку на спине слона. Развивая успех, византийцы также переправились через реку, заняли ряд населенных пунктов, где их войско провело зиму 574—575 годов.

В 575 году было заключено перемирие на год, в ходе которого обе стороны наращивали силы, готовясь к продолжению борьбы. В 576 году персы снова вторглись на византийскую территорию в районе Дары, но не сумели добиться решающего успеха. В итоге между державами был подписан договор, по которому боевые действия в Месопотамии пре-

кратились. Однако это вовсе не означало окончание войны — она просто переместилась в Закавказье.

В 576—578 годах борьба велась с переменным успехом, пока персы не совершили неожиданный рейд в Месопотамию, где у ромеев в тот момент не было войск. В ответ на это византийцы во главе с Маврикием совершили набег на персидскую территорию.

Решающим событием в этой войне стала смена главных действующих лиц. В 578 году больной Юстин окончательно передал бразды правления Тиберию, а в 579 году скончался Хосров, и шахиншахом стал Хормизд IV. Новые правители обнаружили, что ресурсы их государств полностью истощены, и это стало для обоих хорошим стимулом к скорейшему заключению мира.

События в Йемене

На юге Хосров I Ануширван тоже преуспел. Примерно в 570 году у него попросил поддержки Маад-Кариб, единокровный брат правителя Йемена. Это отвечало интересам Хосрова, поскольку находившееся там княжество химьяритов было сферой влияния противника персов — Эфиопии. За спиной Эфиопии стояла Византия, стремившаяся к контролю над торговыми путями через Красное море и Индийский океан. По этому пути из Индии и Китая в Европу шли пряности, краски, драгоценные камни, шелк. Эфиопы всеми доступными путями наращивали свое присутствие в Аравии, а в 570 году даже предприняли поход на Мекку, однако он оказался неудачным. Кстати сказать, в этом же году, «через пятьдесят дней после прихода в Мекку “людей со слонем”, а именно в понедельник 17 деймаха в сорок втором году царствования Ануширвана» родился основатель ислама Мухаммед¹⁹².

Хосров выслал на территорию современного Адена флот и небольшой сухопутный контингент под руководством военачальника Вахриза. Отряд был укомплектован преступниками, общей численностью в 800 человек. Их погрузили на

восемь кораблей, два из которых затонули во время плаванья.

Достигнув пункта назначения, сасанидские войска двинулись на йеменскую столицу Санаа. Навстречу им выступило войско Масрука — правителя местного княжества Химьяр. Химьяриты имели большой численный перевес, но в ходе сражения были разгромлены, а сам Масрук погиб¹⁹³. После этого персы заняли Санаа. Находившийся в составе экспедиции араб Саиф, сын Маад-Кариба, стал царем Йемена. Правление его продолжалось с 575 по 577 год. Теперь у Сасанидов появилась база на юге Аравии, через которую они могли контролировать морскую торговлю с Востоком. Саиф проводил жесткие репрессии против эфиопов, но при этом его личная охрана состояла как раз из них. Спустя два года после начала его правления созрел заговор, и Саифа убили. В 598 году персы отправили новую экспедицию, дабы вернуть Йемен в лоно Сасанидской империи, что и было сделано.

Правление Хосрова ознаменовалось возвышением дехкан — тех самых мелкопоместных землевладельцев, что составили основу сасанидской провинциальной администрации и фискальной системы. Великий шахиншах преображал старые города и возводил новые. Он восстанавливал и расширял ирригационную систему империи, ее сельское хозяйство, подкошенные прежними войнами. Возводились и укреплялись фортификационные сооружения на проблемных направлениях. Расположенные в них персидские гарнизоны и жившие вдоль границ вассальные племена охраняли спокойствие сасанидских земель.

Положительные качества Хосрова признавали даже его противники. «Как свидетельствуют его дела, он был осторожным и мудрым и усердно в течение всей своей жизни изучал философию»¹⁹⁴, — пишет современный исследователь. Очевидно, перечисленные качества, а также воля и авторитет сильного государя определяли сбалансированную конфессиональную политику шаха. Как следует из «Церковной истории» Иоанна Эфесского, в религиозном отношении Хосров был вполне толерантен: «...У него была забота собрать все книги всех религий. Он их читал и все обдумы-

вал, чтобы знать, которые из них истинные и мудрые и которые безрассудны, полны вздора и пустых басен... Если маги и натравляли его на христиан, то он не поддавался этому так, чтобы отдать приказание о гонении против христиан»¹⁹⁵. Надо понимать, в библиотеке Хосрова, помимо религиозно-философских, не менее достойное место занимали и сочинения военно-политического толка — купленные, подаренные, вывезенные из завоеванных земель и городов.

Хормизд IV и продолжение войны с Византией

После Хосрова Ануширвана на сасанидский престол вошел его сын, Хормизд IV, «мать которого была Факим, дочь хакана, царя тюрков».

Этот шах известен своим крутым нравом. Стремясь к абсолютной власти, Хормизд IV вступил в конфликт с представителями высшей аристократии и серьезно ограничил права мобедов. Параллельно с этим, правда, усиливались позиции некоторых спахбедов и марзбанов.

В борьбе со знатью шахиншах нередко прибегал к информации доносчиков и ложным обвинениям. По некоторым данным, Хормизд жестоко расправился с одним или даже несколькими своими братьями. Если верить арабским источникам, число казненных по приказу Хормизда жрецов, высших военных и писцов составило более 13 000 человек¹⁹⁶. При этом шахиншаха поддерживали дехкане, ремесленники и купцы.

Хормизд IV прославился своей веротерпимостью, он пытался найти опору не только в зороастрийцах, но также и в представителях других конфессий, населявших его государство.

При нем продолжился, но при ином раскладе сил военный конфликт с Византией. У ромеев, как мы видели, появился новый могучий союзник — Тюркский каганат. Греки и степняки установили дипломатические отношения еще в 569 году. Византийцы прибыли в ставку кагана тюрков с большими дарами, которые очень ему приглянулись. Пря-

мо при степном владыке произошла словесная перепалка между ромейскими и персидскими послами, закончившаяся в пользу первых, что еще более укрепило авторитет Византии в глазах кагана. Таким образом, военная опасность для Ирана теперь исходила и с запада, и с востока.

В 579 году, после неудачной попытки провести переговоры с Хормиздом, Тиберий отправил в Мидию армию под командованием полководца Маврикия. Византийцы учинили в стране жесточайший разгром, после чего ушли восвояси.

В следующем году ромеи решили нанести удар через Аравийскую пустыню, но здесь их предал союзный арабский вождь Аль-Мундир. Он предупредил персов о планах врага, и те сожгли мосты через Тигр, а затем осадили византийскую крепость Каллиник, чем вынудили Маврикия оставить все планы и поспешить ей на помощь.

В июле 581 года персидская и византийская армии встретились в сражении у стен города Теллы (Констанции). В самом начале некоему стратилату Константину удалось сразить копьем командующего сасанидской армией марзбана Армении Тамхосрова. Лишенные руководства, персы были наголову разбиты. Маврикий отпраздновал по случаю этой победы триумф, а затем, после смерти Тиберия, стал императором, поскольку тот утвердил его своим наследником.

Маврикий назначил нового командующего войсками на востоке — Иоанна Мистакона. Как выяснилось, выбор был не слишком удачным — Мистакон потерпел несколько поражений подряд (в 582 году на римско-сасанидской границе на реке Тигр, весной 583 года у персидской крепости Акбас). Тогда на его место Маврикий поставил мужа своей сестры Филиппика. Тот быстро навел порядок в армии, а также увеличил ее численность. В 583 и 584 годах Филиппик совершал успешные рейды на территорию, подконтрольную Сасанидам. Причиной его успехов была внезапность — персы не ожидали нападений. Правда, в это же время византийцы потерпели жестокое поражение на западе от авар, которые огнем и мечом прошли по Иллирии.

Вскоре Филиппик оставил армию из-за болезни. Этим незамедлительно воспользовались персы — они осадили Мо-

нокарт, главную базу византийцев в регионе. Впрочем, взять хорошо укрепленный город так и не удалось.

Весной 585 года Филиппик вернулся, и персы отправили к нему посольство. Задачей персидских послов, среди которых даже присутствовал зороастрийский маг, было отвести угрозу новых рейдов византийцев, но вели они себя крайне вызывающе, и их предложение о мире прозвучало скорее как ультиматум. Стоит ли удивляться тому, что переговоры провалились? Вскоре после этого византийцы вторглись на территорию Персии и у города Мардиса, неподалеку от Дары, сразились с войском Сасанидов. Перед сражением Филиппик обошел войско с нерукотворным образом. Поначалу персы потеснили противника, но затем ромеи контратаковали и одержали полную победу.

Почти не встречая сопротивления, византийцы вторглись в персидскую область Арзанену и принялись ее разорять. Филиппик осадил город Хломарон. Здесь навстречу ромеям выступило наспех собранное новое персидское войско под началом командира хломаронского гарнизона Заберта. Основу его составила пехота, набранная из сельского ополчения.

Персы действовали исключительно гибко. Совершив скрытный маневр, они заняли выгодную позицию, и теперь две армии разделял овраг, который позволял персам отбивать все атаки византийцев. Пока ромеи решали, как им сподручнее атаковать, Заберт под покровом ночи обошел их порядки и ударил с тыла. И тут дело приняло вовсе неожиданный поворот — у Филиппика случился необъяснимый нервный срыв, и он покинул лагерь. Когда об этом узнали воины, началась паника, и византийская армия начала разбегаться. С наступлением утра персы обнаружили разрозненные, не имеющие общего командования группы людей и довершили разгром.

Несмотря на крупную неудачу, византийцы продолжали владеть инициативой — в 586—587 годах армии под командованием Ираклия, Феодора и Андрея совершали успешные вторжения в персидскую Месопотамию.

В 588 году на место Филиппика командующим был назначен Приск. Перед отъездом Филиппик обнародовал приказ

императора о сокращении жалованья солдатам на четверть (указ вышел несколько ранее, но полководец его скрыл, боясь обратить на себя возмущение войска). Таким образом, прибывший на смену Филиппику Приск сразу оказался во враждебной обстановке. В армии разразился настоящий бунт, и Приск вынужден был бежать. В конце концов армию все же удалось умиротворить, но было потеряно много времени.

Персы не замедлили воспользоваться раздорами в стане врага, перешли в наступление и принялись разорять византийские территории. Последовали два сражения у Мартирополя — в 588 и 589 годах. В первом победа была на стороне ромеев: пал персидский военачальник Марузас, взяты в плен три тысячи воинов, включая нескольких сасанидских командиров¹⁹⁷. Во втором сражении все переменялось. Против византийских войск, которыми командовал возвращенный на место стратига Филиппик, Хормизд отправил значительные силы под командой «Мебода, сына Сурена», а затем на подмогу им послал войска под началом полководца Аффраата, которые первоначально предназначались для ведения боевых действий в Армении. Соединенными силами сасанидские военачальники разгромили Филиппика¹⁹⁸. Победу омрачила гибель одного из военачальников: «Мебод... был убит ромейской стрелой»¹⁹⁹.

Персам так и не удалось добиться решающего успеха, поскольку византийцы сумели разгромить их в сражении «у так называемого Сисарбанона»²⁰⁰, неподалеку от Феодосиополя. Сасанидские воины лихо начали, и византийский стратиг Коментиол «показал тыл», но ход боя переломил Ираклий — отец знаменитого императора Ираклия, о котором речь впереди. Во время жестокой сечи пал и командовавший персидским войском Аффраат.

Тем временем усилиями дипломатии Византия смогла организовать против Сасанидов серьезную коалицию, куда входили тюрки, хазары, арабы, картлийские грузины и аланы. Главными фигурантами союза, естественно, выступили ромеи и тюрки. Их сближало стремление поставить под свой контроль Великий шелковый путь, чтобы получить гранди-

озные прибыли от него самим и лишить их Ирана, что для персов было смерти подобно.

Тюрки организовали грандиозный военный поход против персов в 589 году. Вторгнувшееся войско было огромным. Источники называют цифру в 300 (Ат-Табари) и даже 400 (Фирдоуси) тысяч воинов и 200 боевых слонов. Во главе всей этой армады стоял каган Савэ.

Шахиншах Хормизд начал срочную мобилизацию; кроме того, стояла задача подыскать эффективного военачальника, с чем возникали серьезные трудности. Дело в том, что к описываемому времени шах успел настроить против себя значительную часть военной знати, а именно выходцы из нее возглавляли войска в походах. Отметая одну кандидатуру за другой, не доверяя никому, Хормизд зашел в тупик. Но вот во время одного из совещаний вдруг заговорили о Бахраме Чубине. Хормизд вспомнил этого марзбана — высокого роста, сухощавого (отсюда прозвище «Чубин» — деревянный). Говорили, что он был силен физически, да к тому же прекрасный стрелок из лука²⁰¹. Этот человек, как мы увидим, оставит яркий след в сасанидской истории. Кто же он?

Бахрам, сын марзбана Рея Бахрама Гушнаспа, происходил из знатного рода Михран. В правление Хосрова I Ануширвана он был зачислен в царские телохранители, позднее отличился в кампаниях против Византии, в частности, с отрядом всадников участвовал в осаде и взятии Дары (Анастасиополя). Личная воинская доблесть вкупе с полководческим талантом и семейными связями позволили ему продвинуться по карьерной лестнице — Бахрам Чубин, как и его отец, пребывал в должности марзбана Рея и имел авторитет среди военных.

Итак, удовлетворенный послужной Бахрама Чубины (и, очевидно, не будучи с ним в каких-либо конфликтных отношениях), шах назначил его военачальником. Против неприятеля Бахрам выставил 70 000 воинов: 12 000 конницы, остальное — пехота.

Скорее всего, цифры, характеризующие численность армий, в источниках сильно завышены, особенно в части тюрок, но ясно, что степняки имели серьезный перевес в живой силе.

Для мнимых переговоров Сасаниды выслали к тюркам Хуррада Бурзина (Ормузда Джурабзина), «человека из марзбанов... который был из числа самых хитрых иранцев, достигших совершенства в делах обмана и козней»²⁰². Тот вел себя в беседах с Савэ очень робко, соглашался на все их условия и сумел создать у тюрков иллюзию того, что персы слабы и боятся войны. На подходе к городу Герату «посол» под покровом ночи покинул вражеский стан и вскоре уже докладывал Бахраму сведения, которые удалось добыть о тюркском войске. Продвигаясь вслед за Бахрамом, тюрки оказались в узкой долине реки Герируд. Справа от них была река, слева — горы. Обойти персов было невозможно, оставалась лишь фронтальная атака. Возможно, что Савэ в последний момент заподозрил неладное, — во всяком случае, он отправил к Бахраму посольство и предложил заключить мир и союз, естественно выгодный для тюрков. Лично Бахраму были обещаны деньги, дочь степного владыки в жены и даже власть над Ираном. Но это предложение не было принято. Битва стала неминуемой.

Тюрки атаквали по всему фронту, но потеснить врага сумели лишь на левом фланге. Однако и здесь персы выстояли. Тогда Савэ бросил в бой слоновую армаду. Персы осыпали их тучей стрел, а также струями горящей нефти из своеобразных огнеметных машин. Слоны не выдержали, смешались и стали топтать своих. Это привело к панике среди тюрков. Тюркские воины метались в тесном ущелье, не находя выхода. Погибли многие, нашел смерть и сам Савэ. По легенде, его убила стрела, выпущенная лично Бахрамом. Победа персов была полной и безоговорочной.

Впрочем, оставался еще сын Савэ, который в глазах Бахрама представлял определенную опасность. Звали царевича Пармудэ (ад-Динавари называет его Йелтегином). В отношении его судьбы сведения древних источников расходятся. Одни утверждают, что персы перешли Амударью и двинулись к городу-крепости Пайкенду, где им после непродолжительной осады удалось захватить принца в плен; по другой версии, после гератской битвы обе стороны, будучи обескровлены, наращивали силы, не переходя к боевым действиям. Через некоторое время с севера подошло

новое тюркское войско, но до сражения дело так и не дошло²⁰³. Так или иначе, но достоверно известно, что тяжелая война с тюрками благополучно завершилась мирным договором.

Не успел Бахрам в полной мере насладиться победой, как был переброшен на западный фронт, в Закавказье. Согласно некоторым источникам, навстречу ему выступила армия ромеев. В Кавказской Албании, где-то у Ганзака, сначала сошлись войсковые авангарды, а затем состоялось генеральное сражение, победу в котором одержали византийцы²⁰⁴.

Тем не менее Бахрам Чубин оставался одним из лучших персидских полководцев. Однако Хормизд, подозревавший крамолу во всех, кто обретал популярность в войске, уже испытывал к нему неприязнь. Еще одним поводом недолюбливать Бахрама было то, что, отразив нападение тюрков и овладев большой добычей, он не захотел в полной мере поделиться ею с «царем царей». Об этом Хормизду поспешили донести придворные завистники. Так что поражение Бахрама от греков у Ганзака пришлось как нельзя кстати. Вот он — конкретный повод выместить зло! Бахрам был смещен с должности и вызван в столицу. Нетрудно было догадаться, что его там ожидало. Военачальник решил не идти покорно на заклание и вышел из повиновения. У Бахрама возникла идея сместить Хормизда с престола и посадить на него его юного сына Хосрова, чтобы от его имени повелевать державой.

Добравшись до родного Рея, Бахрам решил внести разлад в ряды правящего семейства и начал чеканить дирхемы с изображением Хосрова. Деньги в большом количестве были выданы купцам, отправившимся торговать в Ктесифон. Уловка сработала — шах, увидев новые дирхемы, велел схватить сына, но тот успел бежать в Азербайджан. Тем временем в стольном Ктесифоне зрел очередной заговор знати, который вскоре вылился в свержение и заточение под стражу Хормизда братьями Биндоем и Бистамом — дядьями царевича Хосрова по материнской линии.

На престол возвели Хосрова. Новый царь Хосров II был очень молод, так что важную роль при нем стали играть двое уже упомянутых вельмож — Биндой и Бистам. Они даже не

позволили новоиспеченному «царю царей» освободить своего горемычного отца Хормизда. Хосров пытался, как мог, урегулировать конфликт с Бахрамом и недовольной аристократией, но безрезультатно. В итоге он выступил против Чубины, однако сражение на реке Нахраван так и не состоялось — войска просто перешли на сторону Бахрама. Хосров в очередной раз вынужден был бежать — теперь к ромеям. За ним последовали Биндой и Бистам. Перед бегством из столицы они собственноручно умертвили Хормизда, чтобы он не достался в руки Бахраму: «Бахрам завтра вступит в Мадан и поставит Хормуза царем, и тот будет править, как будто и не был низложен. Затем Хормуз напишет кесарю, и тот возвратит нас к нему»²⁰⁵.

9 марта 590 года, в начале иранского нового года, Бахрам Чубин узурпировал престол Ктесифона и стал очередным шахиншахом — Бахрамом VI. В некоторых областях Сасанидской державы начался чекан монеты его имени. Впрочем, продолжалось это недолго.

Новоявленному шаху Бахраму необходима была поддержка ромеев либо, как минимум, их нейтралитет. Он и направил императору Маврикию письмо с предложением о мире, предлагая взамен Нисибис и области вплоть до Тигра. Беглый Хосров со своими соратниками в это время уже обретался при константинопольском дворе и тоже искал поддержки со стороны Маврикия. Ради нее он готов был перебить ставку уступок, предложенную Бахрамом, обещая уступить значительные западнокавказские территории. Ромеи, подумав немного, решили помочь Хосрову. Во-первых, его предложения были более выгодными для них, и, во-вторых, им не улыбалось иметь своим соседом грозного Бахрама. Хосров в этом смысле казался Маврикию куда более подходящим. К тому же всегда полезно, когда на престоле соседнего государства сидит обязанный тебе человек. Чтоб скрепить ожидаемый альянс, за Хосрова выдали дочь Маврикия — Марию (Мириам).

В итоге Хосров во главе ромейского войска, которым на деле, однако, командовали византийские полководцы Иоанн Мистакон и Нарсес, и при поддержке пятнадцатитысячного войска марзбана Персармении Мушела Мамиконя-

на выступил против Бахрама. Правда, Бахрам сделал попытку переманить Мушела на свою сторону, но тот, взвесив все обстоятельства, отказался. Поступи он по-другому — силы противников были бы равны, и Хосрову при таком раскладе, возможно, не удалось бы вернуться на трон...

Армии противников встретились в сентябре 591 года неподалеку от Ганзака, в долине речки Бларат (Бларафон), вблизи озера Урмия. Хосров имел в наличии 60—70 тысяч воинов, Бахрам — 40 тысяч. Битва, длившаяся четыре дня, не принесла никому победы. Но потери с обеих сторон были тяжелые. Видимо, тяжелее они были у Бахрама, поскольку его войско, вняв обещаниям Биндоя об амнистии, перешло ночью на сторону Хосрова. Бахрам с верными ему бойцами (4000 человек) вынужден был бежать к своим старым знакомцам тюркам. Каган «построил ему город, в середине его возвел замок и поселил в нем его и его сторонников. Занес он их в реестр и назначил жалованье»²⁰⁶.

Хосров II на троне

Вступив на сасанидский престол, Хосров сдержал обещание и передал ромеям контроль над большей частью Армении и Кавказской Иберии, а также отказался от требований денежных выплат. Заключенный мир позволил ему направить войска для решения проблем на восточных границах и внутри страны. Прежде всего нужно было избавиться от соратников Бахрама Чубины и тех, кто им сочувствовал, как при дворе, так и на местах. Опорой шаха в этом деле стал гвардейский контингент в 1000 воинов-ромеев, переданный Маврикием. Все важные государственные должности Хосров заполнил близкими людьми — родственниками и тем, кто оставался верен ему после распада его армии у реки Нахраван. Это привело к новому возвышению Бистама и Биндоя.

С востока Хосрову угрожал неутомимый Бахрам Чубин, который набрал новую армию и собирался выступить в поход, дабы вернуть себе трон «царя царей». Однако перед самым выступлением Бахрам был убит. По одной из вер-

сий, гибель его стала результатом происков Хосрова. Однако смерть выдающегося полководца не привела к забвению его имени. Сложение разных обстоятельств привело к формированию вокруг его имени легенды. «Могуущественные Саманиды возводили свою генеалогию к Бахраму Чубине, а народные массы Восточного Ирана в тяжелый период арабского владычества создали легенду, что Бахрам Чубина воскреснет, вернется на землю и, изгнав арабов, победит ислам»²⁰⁷.

Внутриполитические проблемы со смертью Бахрама для Хосрова II не закончились. Постепенно обострились его отношения с дядьями-советниками — Биндоем и Бистамом. Шахиншах тяготился их опекой и постоянными упреками в неумении вести государственные дела. Воспользовавшись тем, что Бистам уехал на тюркскую границу, Хосров приказал казнить Биндою, что и было исполнено, причем весьма жестоким образом — сначала ему отрубили руки и ноги, а затем добили камнями. Узнав об этом, Бистам поднял восстание, которое продолжалось долгих пять лет — с 591 по 596 год, причем военные силы шахиншаха и Бистама были примерно равны. Кровопролитное сражение между правительственными войсками и восставшими, состоявшееся в окрестностях Хамадана, не дало никому перевеса. Несмотря на тяжелые потери, ни одна из сторон не сумела добиться решающего успеха. Вскоре, однако, Бистам был предательски убит. Но и после этого вооруженная борьба продолжилась. Лишь с большим трудом, по частям, Хосрову II удалось разгромить бунтовщиков.

Последняя война на западе

Пока был жив Маврикий, Хосров считал долгом чести соблюдать условия тяжелого для Персии мира. Но в 602 году Маврикий был свергнут и убит Фокой (602–610 годы). Это событие было использовано персидским шахом как повод для разрыва мирных отношений и развязывания новой войны с Византией.

Момент для персов подвернулся как нельзя удачный. По всем сведениям, с востока, от тюрок, удара ждать не следовало, так как воинственные степняки погрязли в своих внутренних дразгах. В Византии, объекте агрессии, дела шли схожим образом. Император Фока оказался кровожадным маньяком, одним из наихудших владык за всю историю Восточной Римской империи. Казни следовали одна за другой. Константинопольская знать жила в постоянном страхе, возмущение нарастало уже и в провинциях. Не удивительно, что в 604 году прославленный полководец Нарсес, командовавший евфратской армией, отложился от нового императора и пошел на сговор с персами. Хосров II тут же стал подтягивать свои контингенты ему навстречу. Ввиду возникшей угрозы Фока вынужден был заключить мир с аварами и перебросить войска с Балкан. Первое крупное сражение новой войны состоялось у Арзамона. Победу праздновали персы. Развивая успех и пользуясь византийской нестабильностью, сасанидские военачальники Фаррухан Шахрвараз и Шахин покоряли одну византийскую твердыню за другой. В 604 году они обрушились на Дару, в 607 году были взяты Амида и Эдесса. В 609 году они завершили завоевание Месопотамии. Шахин занял Кесарию Каппадокийскую и вступил в Каппадокию, а оттуда совершил рейд на Халкедон, в самое сердце Византийской империи.

В 610 году в Византии императором стал Ираклий, свергнувший узурпатора Фоку. Новый император направил Хосрову предложение о мире, но тот даже не ответил. У «царя царей» были свои далеко идущие планы. Хосров уже не думал о рейдах на византийские территории с целью захвата добычи и пленных — он поменял стратегию, решив заняться освоением захваченных земель, дабы навсегда закрепить их за Персией.

В 611 году персы опустошили Сирию и захватили Антиохию. Византийские войска, выступившие против них под руководством самого императора Ираклия, были в 612—613 годах наголову разбиты Шахрваразом и Шахином²⁰⁸. После этого экспансия Сасанидов проходила практически беспрепятственно. Были взяты Дамаск и Кесария Сирийская, за-

тем персы двинулись к Иерусалиму. В землях, прилегающих к священному для христиан городу, сасанидские войска не встретили никакого сопротивления; византийские войска поблизости отсутствовали, иудеи же приветствовали персов.

Иерусалимский патриарх Захария, понимая безвыходность ситуации, решил вступить в переговоры с персами, но горожане, в массе своей христиане, восприняли этот шаг как предательство и перебили вступивший в город персидский отряд, а затем принялись побивать иудеев.

15 апреля 614 года персы начали осаду Иерусалима, которая продлилась двадцать дней. 22 мая 614 года воины Шахрвараза, применив осадные башни, пробили бреши в стенах и ворвались в город. В захвате Иерусалима и избиении ромеев им активно помогли местные иудеи. Грабеж города продолжался три дня, было убито 57 тысяч человек, и еще 35 тысяч во главе с патриархом Захарией победители угнали в плен. Была захвачена и увезена в Персию христианская святыня — Животворящий Крест.

Лишь небольшое количество иерусалимцев смогло бежать в Египет.

Завоевание Египта

Следующей целью Хосрова II стал Египет — житница Византии. До Сасанидов эта древняя земля последовательно побывала под пятой ассирийцев, персов Ахеменидов, эллинов Александра Македонского и Птолемеев, наконец, римлян, от которых и была унаследована византийцами.

В 615 или 617 году войска Шахрвараза пошли на юг. Была занята Газа, подвергнута осаде и захвачена крепость Пелусий, прикрывавшая вход в дельту Нила. Пал Мемфис. Вскоре после 21 июля 618 года персы заняли Арсиной. Подверглись разгрому монастыри в Нижнем Египте. В общем, лишенный военной поддержки, Египет оказался довольно легкой жертвой.

В июне 619 года Шахрвараз подошел к стенам Александрии. Еще до этого александрийский патриарх Иоанн и брат императора экзарх Никита бежали морем в Константино-

поль, оставив город на произвол судьбы. Византийцы погрузили все сокровища своего города на корабли и попытались их эвакуировать, но из-за сильного шторма флот прибило к побережью, и огромные богатства попали в руки персов. Оставшиеся без военного руководства, горожане все же не пустили персов в город и занялись организацией обороны. Шахрваразу пришлось решать непростую задачу — крупнейший город Египта был защищен инженерными сооружениями и прикрыт затейливым ландшафтом, его не так-то легко было взять. Но ему улыбнулась удача: в Александрии выискался предатель — араб, выходец из персидской Аравии, который подсказал, где и как лучше проникнуть в город. Александрия пала и оставалась в руках Сасанидов до июня 629 года.

Сасанидское войско после взятия города продолжило методично оккупировать оставшиеся незанятыми области. Население их при этом подвергалось грабежу и насилию. Греческие и коптские источники сохранили свидетельства бесчинств персов²⁰⁹. Автор одного из папирусных документов пишет своему господину, что его угнали из родного дома, пытали и разлучили с детьми и он вынужден бежать от персов в Файюм. В другом папирусе некая вдова из Джеме просит о помощи Писенция, епископа Гермонтиса, сообщая, что персы убили ее сына и взяли все ее имущество. И так далее, и тому подобное...

Весь Египет покорился персам к 621 году. Отсюда персы совершили походы в Ливийскую пустыню и Эфиопию и даже попытались дойти до Карфагена. Хосров принялся внедрять в плодородной долине Нила свою администрацию и налаживать фискальную систему. Так, коптский папирус из Гермополийского нома, датируемый 625 годом, содержит обращение четырнадцати селян к своему господину Перезу Хозрою. Они «именем Бога и благополучия царя царей» обещают доставить установленное количество льна в течение 14 дней²¹⁰. На александрийском монетном дворе Хосров инициировал чеканку медной монеты по византийскому образцу, но со своим портретом²¹¹.

Еще за несколько лет до событий в Египте, в 615 году, Шахин совершил второй поход на Халкедон, а затем занял

Галатию. Персы взяли Анкиру и даже заняли остров Родос. Как раз в это время шахиншах Хосров, чьи военные успехи и в самом деле впечатляют, получил в народе прозвище «Парвиз», то есть «победоносный».

Итак, Сасанидская империя достигла почти тех же территориальных пределов, что и Ахемениды. Византия же была охвачена внутренним разбродом и испытывала политический коллапс. Казалось бы, что для Эран Шахра все идет как нельзя лучше...

Между тем на первый взгляд успешная военная кампания Хосрова истощала ряды персидской армии и государственную казну Сасанидов. Чтобы пополнить казну, Хосров обложил своих подданных дополнительными налогами. Это привело к социально-экономическому напряжению и открытым волнениям, в том числе на недавно оккупированных территориях.

Все это усугубилось внешней угрозой — с севера и северо-востока на Иран наседали тюрки, сумевшие преодолеть свои внутренние раздоры. Западнотюркский каганат навязал Сасанидской державе войну аж на трех фронтах: в Гиндукуше, Гургане и Восточном Закавказье.

Город Гурган был важной военно-стратегической базой, отправной точкой для походов персов на восток²¹². В свое время шахиншах Пероз именно отсюда, из Гургана, объявил войну эфталитам и выступил против них. В начале VII века наместником здесь был армянский нахарар Смбат Багратуни, который верно служил Хосрову и совершил поход в Среднюю Азию, где, согласно Себеосу, разбил эфталитов (хотя это скорее могли быть согдийцы)²¹³. Однако после смерти Смбата в 618 году армянские контингенты, составлявшие львиную часть гурганской армии, восстали и переметнулись к тюркам. Гурган был захвачен, а тюрки с армянским пополнением обогнули Каспий и в 628 году совершили поход через Дербент.

Осведомленный об этих проблемах Хосрова II, император Ираклий, тоже стесненный в средствах, решил все же нанести ответный удар. Собрав воедино все имеющиеся ресурсы и реорганизовав войско, он лично во главе своей ар-

мии 5 апреля 622 года отправился в поход на Персию. Покидая Константинополь, он распорядился зачитать с амвона в Святой Софии оскорбительное для ромеев письмо Хосрова II. Войну с персами Ираклий представил в виде крестового похода.

В 622—627 годах византийские войска, заручившись поддержкой хазар и Западнотюркского каганата, смогли одержать целую череду побед как над самим Хосровом, так и над его военачальниками Шахрваразом, Шахином и Шахраплаканом.

После стычек с персами в Малой Азии Ираклий стремительным ударом отбросил их к Евфрату и двинулся на Кавказ. В 623 году он занял Двин, а затем в Ганзаке разрушил знаменитый зороастрийский храм Адур Гушнасп — отсюда прежде не раз персидские войска выступали на римлян. Это действие было представлено как месть за разгром Иерусалима. Зиму 623—624 годов Ираклий провел в Кавказской Албании. Подтянув контингенты из Сирии и других мест, персы двинули против него три армии. Но из этого ничего не получилось — в битвах при Тигранакерте и Сарване они были разбиты.

В следующем, 625 году византийцы захватили Амиду и Мартирополь. Шахрвараз выдвинулся им навстречу, но был разбит в сражении у Евфрата.

В 626 году удача, казалось бы, улыбнулась персам — Константинополь был осажден объединенными славяно-аварскими силами, и персидское войско Шахрвараза, подтянувшееся к Босфорскому проливу, готово было присоединиться к ним. Возможно, персидские воины даже видели вдали славянские челны, заполонившие Босфор. Но попытка перекинуть сасанидскую армию через пролив была пресечена византийским флотом. В конечном итоге осада провалилась. В этом же году очередное поражение персам нанес византийский полководец Феодор, брат Ираклия.

Тем временем западные тюрки взяли штурмом Дербент, а затем огнем и мечом прошли по Кавказской Албании, разгромив войско местных жителей в сражении у Каганкатуика. Совершив бросок через Грузию, они вышли под стены Тбилиси. Здесь каган Тон-ябгу встретился с Ираклием, ко-

торый возложил на его голову свою корону и обещал в жены дочь Евдокию²¹⁴. Однако союзники не сумели взять Тбилиси, обороняемый царем Стефанозом I, и тюрки двинулись грабить другие кавказские страны. Правда, вскоре степняки вернулись и взяли-таки Тбилиси. Здесь против них выступило персидское войско, но тюрки, заманив противника притворным бегством, неожиданно контратаковали и одержали победу. После этого они заняли Албанию, а в 630 году — Армению, где сразились с еще одним войском персов и полностью его уничтожили.

В 627—628 годах Ираклий предпринял зимнюю кампанию в сасанидскую Месопотамию. Здесь ему противостояло персидское войско под командованием Рехзада. Это был единственный заслон на пути 70-тысячной византийской армии в сердце страны. 12 декабря 627 года в сражении у развалин Ниневии персы были наголову разбиты, три их военачальника погибли, византийцы захватили 28 знамен. Затем Ираклий спустился вниз по Тигру, опустошая все вокруг, в том числе был разрушен дворец Хосрова в Дагестане.

Чтобы спастись от неминуемого разгрома, персы вынуждены были прибегнуть к крайним мерам — разрушить мосты на Нахраване. И это действительно спасло Ктесифон — разорив окружающие территории, византийский император повернул на северо-запад. Своеобразным напоминанием об этой войне являются и поныне существующие православные праздники: акафист Богородице «Взбранной воеводе» и Воздвижение Креста Господня²¹⁵.

Что касается Хосрова II, то беды его на этом не закончились. Неудачи в войне с Ираклием, опустошение византийцами богатейших сасанидских владений, разрушение величественных Ганзака и Дагестана резко подорвали авторитет его власти и лишили его поддержки в среде аристократии. Не осознавая всей глубины опасности, шах в очередной раз решил прибегнуть к репрессиям. Хосров «разгневался на “великих” своего войска, на своих марзбанов и распорядился относительно их; их заточили в тюрьму, чтобы казнить»²¹⁶. Этот поступок переполнил чашу терпения персидского нобилитета и запустил процесс свержения «царя

царей»: «Когда люди государства увидели такое, они списались между собой и вознамерились низложить Кисру (Хосрова) и поставить царем его сына Шируйе. Они свергли его, провозгласили Шируйе царем, а Кисру заточили в одном из помещений дворца, приставив к нему Хилоса, начальника гвардии»²¹⁷.

Так бесславно закончилось блистательное правление Хосрова II Парвиза, еще совсем недавно наводившего ужас на Византию. Этот человек не щадил окружающих, но и перед лицом своей собственной гибели повел себя вполне достойно, однако об этом речь впереди.

Упадок и гибель Сасанидского Ирана

Кавад II (628). Ардашир III (628—629). Шахрвараз (629).

Порандохт (629—630). Хормизд V (630—632).

Йездегерд III (632—651) — последний шахиншах



Итак, в результате дворцового переворота в 628 году на царственный престол был посажен сын Хосрова — Кавад II Шируйе. Придя к власти, он (а вернее, его окружение) счел за лучшее подписать мир, согласившись отдать ромеям все прежде занятые Сасанидами территории. Оставаясь, по сути, заложником в руках всесильной аристократии, Кавад пошел на постыдное убийство своего знаменитого отца. Как сообщает ад-Динавари, «“великие” из людей страны прибыли к Шируйе и сказали: “Нехорошо, если у нас будут два царя. Или ты прикажешь казнить своего отца и станешь править один, или мы тебя свергнем и передадим власть ему, как и было раньше”. Эти речи сломили Шируйе, и он сказал: “Дайте мне для этого отсрочку на один день!”». После этого вместо слов о прощении за предстоящий свой грех он шлет отцу во многом надуманное обличение в разных неподобающих делах. Хосров дает на это достойный ответ-

отповедь. Впрочем, судьба экс-шаха уже всем ясна: «Когда на следующий день собрались “великие” из людей державы и пришли к Шируйе те, которые угрожали ему вчера, он испугался за свою жизнь и стал посылать одного за другим своих марзбанов, чтобы они убили его отца. Никто не отважился поднять на царя руку, пока не дошла очередь до самого молодого из них, которого звали Йездак сын Марданшаха, марзбана Вавилонии и Хутарнийе... Кисра сказал ему: “Ты над моей жизнью господин, ибо я несправедливо казнил твоего отца”. Юноша нанес узнику несколько ударов, пока не убил».

Так закончилась жизнь Хосрова Парвиза. Помимо этого, пытаясь оградить свою власть от посягательств многочисленной родни, Кавад Шируйе казнил восемнадцать своих братьев. Но это не спасло Иран от очередного политического кризиса. Через несколько месяцев шахиншах умер, и огромная держава вновь погрузилась в пучину хаоса.

За четыре года у кормила власти побывали пять царствующих особ, в их число входят даже две дочери Хосрова II и широко известный спахбед Шахрвараз. Шахиншахская власть, потерявшая свою силу и независимость, находилась теперь в руках всесильных военачальников. Пройдут годы, прежде чем в стране начнет кристаллизоваться крепкая центральная власть во главе с более-менее дееспособным царем. Но процесс этот оборвется под натиском новой, прежде невиданной силы...

Сразу после Кавада на престол взошел его малолетний сын — Ардашир. При нем был регент — Мех Азергуинасп. Против нового шаха вспыхнуло восстание, и трон узурпировал полководец Шахрабараз. Ардашир был убит. Он процарствовал 40 дней, при его правлении был заключен мир с Византией.

Шахрабараза также убили — по приказу дочери Хосрова II Бурандухт (Порандохт). Эта особа правила год и четыре месяца и зарекомендовала себя очень способной правительницей; она провела успешные переговоры с византийцами. Однако уже в 631 году ее сменил знатный перс, дальний родственник Хосрова — Пероз Гушнаспех, но он продержался у власти лишь месяц. Далее полгода правила дочь Хосрова

II — Азермидухт. После нее несколько дней царствовал дальний потомок Ардашира I — Хосров. Его сменил Фаррухзад, которого вскоре также свергли²¹⁸.

Йездегерд III — последний шахиншах

Весной 632 года на престол Эран Шахра вступил правнук Хосрова I — Йездегерд. И в этом же году границы Сасанидской державы взрезали молниеносными рейдами арабы, объединенные под знаменем ислама. Для них Персидская империя оказалась вполне приемлемой мишенью. Мусульмане довольно быстро поняли это. Сасаниды и Византия, поглощенные многолетней беспрестанной борьбой друг с другом, постепенно довели друг друга до истощения. Сасанидская империя переживала экономический упадок, в управлении государством царила чехарда, жители, разделенные чуть ли не на касты, были отягощены непомерными налогами; кроме того, вспыхивали религиозные недовольства. Йездегерд III, неопытный юноша, которым манипулировали советники, не был в состоянии дать отпор арабам — даже несмотря на то, что Византия, тоже вынужденная бороться с арабами, больше не отвлекала силы Сасанидов.

Арабы издавна занимали территорию Аравийского полуострова. Они занимались земледелием и скотоводством, разводили лошадей, верблюдов и овец. В VI веке у них происходило разложение первобытно-общинного строя, выделялась родовая знать — шейхи и сеиды. Арабы издавна участвовали в войнах соседей, в том числе персов и византийцев. В их войске были как пехота, так и кавалерия, в качестве средства доставки войск использовались верблюды. Отличительной особенностью арабского войска была высокая подвижность. Благодаря этому арабы были настоящими мастерами «малой войны».

В начале VII века активность арабов значительно возросла. Это было связано с экономическим кризисом, который охватил Аравийский полуостров. Кризис разразился по причине перемещения торговых путей севернее, на территорию

Ирака. Транзитная торговля, прежде приносившая здесь значительную выгоду, пришла в упадок.

Важным моментом стало зарождение новой религии — ислама.

Персы долгое время пренебрежительно относились к арабам и решительно отказывались считать их себе равней. Да и у арабов, пожалуй, был в отношении с персами комплекс «младшего брата». Но к началу арабо-персидских войн они его удачно изжили.

Впрочем, еще до этих войн на протяжении десятилетий на арабско-персидском пограничье было очень неспокойно. В 602 году персы ликвидировали Лахмидское государство и превратили в обычную провинцию Хиру. При этом по приказу Хосрова II был убит местный правитель Нуман, пытавшийся проводить самостоятельную политику и тем заслуживший гнев персидского владыки. Однако это не только не успокоило обстановку, но, наоборот, обострило ее.

Арабы не желали мириться с владычеством персов в Ираке. Сюда постоянно проникали арабские отряды и возвращались назад со значительной добычей. В конце концов персы организовали ответный поход в глубь Аравии. В 604 или 605 году у источника Зу-Кар произошло столкновение между персо-арабским войском, с одной стороны, и арабами-бедуинами из племенного объединения бакритов — с другой. Подробностей этого сражения сохранилось мало. Известно, что персидский отряд насчитывал 2000 персов и 3000 союзных им арабов, многие из которых в решающий момент переметнулись на сторону противника. Это в конечном счете определило победу бедуинов.

Именно бакриты стали главными инициаторами того, чтобы острие арабской агрессии было направлено на территорию державы Сасанидов. На протяжении первой трети VII века они продолжали совершать набеги на пограничные персидские территории, разоряли их, но дальше разбойничьих рейдов дело не шло. При этом вождь бакритов Мусанна ибн Хариса не раз сообщал халифу арабов Абу Бакру о слабости персов и призывал разгромить их.

Наконец призывы эти были услышаны. В начале 633 года халиф Абу Бакр послал самого способного из своих вое-

начальников Халида ибн Валида во главе десятитысячного отряда к устью Евфрата и Тигра²¹⁹. К нему присоединился восьмитысячный отряд Мусанны, который прежде отбил у Сасанидов Бахрейн. Направлением главного удара была избрана пограничная территория с Оболлой, главным в регионе персидским портом, через который персы вели дела с Индией. Эти земли были богаты, а кроме того, хорошо знакомы арабам. Перед вторжением на персидскую территорию Халид послал местному персидскому начальнику Ормузду ультиматум с требованием принять ислам и покориться. Тот ультиматум отверг и довольно легкомысленно отнесся к вторжению врага — он еще жил старыми представлениями об арабах.

В марте неподалеку от Персидского залива (видимо, у Казимы, в двух днях расстояния от позднейшей Басры) арабы сошлись с войском Ормузда. Завязалось сражение, вошедшее в историю как «битва цепей», — персидские воины, согласно преданию (имеющему арабское происхождение и, судя по всему, недостоверному), были связаны между собой цепями, дабы никто из них не испытал соблазна отступить. Персы заняли выгодное положение у воды, в авангарде встали потомки Ардашира — Кавад и Анушаджан. Состояние армий было различным — арабы перед битвой хорошо отдохнули, а персы были измотаны длительным переходом.

Перед началом сражения в поединке сошлись командующие армиями — Ормузд и Халид. Персидский военачальник был убит. Халид одержал победу и в самом сражении. Арабы захватили солидные трофеи, в том числе боевого слона, которого затем отправили в Медину на радость изумленной публике. Кроме того, Халид захватил драгоценную корону Ормузда стоимостью в 100 тысяч драхм. Такие короны были у представителей семи знатных персидских родов²²⁰.

Рядовые же мусульманские воины, переправившись через Евфрат, принялись грабить юг Междуречья, сконцентрировавшись в основном на поместьях крупных персидских землевладельцев. Убивали мужчин, уводили в рабство их жен и детей. Однако местных крестьян семитско-арамейского происхождения, по распоряжению халифа Абу Бакра, оставляли в покое.

Следующее наступление арабов на Ирак было спланировано более тщательно. Две армии двигались с юга (Халид ибн Валид) и запада (Ийад ибн Ганм) и должны были встретиться у Хиры. Халид осадил Оболлу и применил военную хитрость. Арабы притворно ушли ночью от стен города, оставив лишь небольшой отряд. Утром персы, видя малочисленность врага, вышли из-за стен и тут же были атакованы всем арабским войском. Много персов погибло, но арабы тем не менее войти в город не сумели.

Спустя несколько дней на помощь Оболле подошло персидское войско во главе с полководцем Кареном, который начал движение на юг еще до «битвы цепей». По пути к Карену присоединились остатки войска Ормузда.

Персы заняли удобную позицию — их невозможно было атаковать с флангов, а тыл защищала река. Построение обеих армий было традиционным — центр и фланги.

Судьба битвы, однако, решилась еще до ее начала. В трех поединках погибли все три персидских полководца, верховный и командиры флангов, — Карен, Кавад и Анушаджан. После этого последовала атака арабов на деморализованных и лишенных командования персов, которые не выдержали натиска и побежали. Но тут выяснилось, что как раз бежать особенно некуда — река, прежде бывшая защитным рубежом, теперь превратилась в преграду, а лодок оказалось очень мало. Возникли паника и давка, усугубившие разгром. Общие потери персов составили 30 000 человек²²¹. Скорее всего, цифра мусульманскими источниками завышена, но очевидно, что урон был серьезный.

После этого арабы заняли Зендавард, Дурну и Хормугерд.

Для отпора врагу персы сформировали еще две армии. Во главе первой встал бывший наместник Хорасана Андарзгар. Он хорошо знал Ирак, долго жил среди иракских арабов, и по его призыву многие из них влились в его войско. Вторую армию возглавил Бахман Джадуйе; он, как и Ормузд и Карен, был обладателем короны, символизирующей знатность рода. Можно предположить, что войско Андарзгара должно было лишь прикрывать Ирак и дожидаться подхода Бахмана.

Задачей Халида в такой ситуации было разгромить персидских военачальников по одному и, следовательно, вызвать Андарзгара на битву прежде, чем появится со своими воинами Бахман. И надо сказать, это ему блестяще удалось.

Армии Халида и Андарзгара встретились у ал-Валаджи. Арабов было около 15 000, а персов, судя по всему, больше. Андарзгар был уверен в победе и жаждал получить лавры победителя один, не делясь ими с Бахманом. На этом и сыграл Халид.

Сражение началось с атаки арабов, которая, впрочем, была отбита, и в наступление, пользуясь численным перевесом, перешли уже персы. Андарзгар ввел в дело резервы, и его воины стали теснить противника, но тут в тыл им ударила находившаяся до поры в засаде арабская конница. Ситуация переменялась мгновенно, персидская армия запаниковала, начала беспорядочно отступать и была почти вся уничтожена. Самому Андарзгару удалось спастись и бежать в пустыню, где он и умер.

Бесславная участь постигла и 40-тысячное войско Бахмана Джадуйе. Арабы, чья численность была вдвое меньше, ударили внезапно, когда персы беспечно обедали, уверенные, что враг не решится их атаковать. Тем сильнее была охватившая их паника. Несколько тысяч персов погибло, а их предводитель едва унес ноги.

Затем арабы разбили отряд наместника Хиры Азадбе-ха, и тот ретировался в Ктесифон. Оставленной на произвол судьбы Хире ничего не оставалось, как капитулировать. Арабы грабить город не стали, но обложили его ежегодной данью в 190 тысяч дирхемов.

Все эти успехи были достигнуты Халидом. Тогда как мусульмане под начальством Ийада, действовавшие против союзных персам арабов-кельбитов, особых успехов не добились.

В сентябре 633 года Халид двинулся к важному стратегическому пункту — городу Анбару. Здесь находились царские житницы персов, отсюда они начинали свои походы на Византию. Гарнизон Анбара включал, кроме персов, арабов-христиан. Халид атаковал город, но, по всей видимости, штурмом взять его не сумел; во всяком случае, вошел он

в Анбар лишь после того, как персы выговорили себе право уйти на почетных условиях.

Далее Халид осадил крепость Айн ат-Тамру («финиковый источник»). Вышедший из города отряд арабов-христиан попал в ловушку, был окружен и почти целиком сдался в плен. Узнав об этом, глава гарнизона Михран (сын Бахрама Чубины) покинул крепость. Лишившись командира, ее гарнизон продержался всего несколько дней.

Таким образом, воины ислама брали одну сасанидскую твердыню за другой. Йездегерд тем временем с большим трудом собирал под знамена своенравную иранскую элиту. Наконец персы, урегулировав, казалось бы, местнические споры, собрали достаточное количество войск, чтобы нанести контрудар. Персидские полководцы Зармихр и Рузбех двинулись к Анбару, но в сражении у Хусайда их армия была разбита, а сами они погибли.

Поняв, что дело совсем плохо, шахиншах обратился за военной помощью к недавнему своему противнику Византии. Император Ираклий, надеясь извлечь из союза с Сасанидами свою выгоду, ответил согласием, но и это персам не помогло. В январе 634 года у Аль-Фирада арабы-мусульмане встретились с объединенным арабо-византийско-персидским войском — и опять победа была на их стороне. Согласно арабским данным, которые, правда, считаются сильно завышенными, в сражении пало 100 тысяч неверных.

В мае 634 года в Ктесифоне к радости своей узнали, что непобедимый Халид с 3000 всадников отправился в Сирию, к византийским рубежам. Воспрянувшая духом персидская военно-политическая элита решила не терять момент и нанести удар по оставшемуся в Ираке войску мусульман, которым командовал Мусанна. Против арабов выступила новая, спешно набранная десятитысячная армия. Особую надежду персы возлагали на боевых слонов, противостоять которым арабы еще не умели.

Персы рассчитывали застать арабов врасплох, но арабские лазутчики своевременно сообщили о военных приготовлениях врага. Персидская же разведка оплошала, и, когда армия мусульман встретила персов у развалин древнего Вавилона, это оказалось для них полной неожиданностью.

В ходе ожесточенного сражения сасанидская армия потеряла еще одно поражение. Не помогли даже слоны. Мусанна, как утверждают арабские источники, якобы даже собственноручно заколол одного из них.

В Ктесифоне болезненно восприняли очередной провал. На горизонте маячила катастрофа. Новым командующим персидскими войсками на месопотамском фронте назначили опытного полководца спахбеда Рустама, сына Ферруха-Хормизда. Именно Рустам в свое время помог завладеть трон юному Йездегерду III. Получив неограниченные полномочия, Рустам, во-первых, ускорил сбор новых войск к театру военных действий. Во-вторых, он решил действовать более искусственными методами и стал подогревать недовольство иракских арабов в надежде поднять восстание против мусульман. И в этом ему удалось добиться серьезного успеха — во многих местах власть мусульман была свергнута.

Мусанна тем временем в сражении у Намарика разгромил очередной персидский отряд под началом Джабана. Персидский полководец попал в плен, но сумел откупиться и был отпущен на свободу²²². Затем последовал ряд стычек, которые не дали перевеса ни одной из сторон. И арабы, и персы копили силы. Дело шло к еще одному крупному сражению.

Противоборствующие армии встретились на Евфрате, у местечка Кус Ан-Натиф, тоже неподалеку от Вавилона, поблизости от моста через Евфрат на большой царской дороге из Ктесифона в Хиру. Командующий персидским войском Бахрам предложил арабам выбрать берег реки, на котором произойдет сражение. Это показывает, что, несмотря на череду тяжелых поражений от арабских военачальников, персы по-прежнему недооценивали их и относились к ним свысока. В данном случае, впрочем, персы были уверены в победе, поскольку, как уже было не раз, имели численное превосходство.

Незадолго до битвы новый халиф Омар назначил главнокомандующим не проверенного в боях Мусанну, а сподвижника Мухаммеда Абу Убайда, который при всех своих прочих достоинствах военачальником был заурядным. Вспыльчивый и самоуверенный Абу Убайд решил биться на «персидском» берегу, демонстрируя тем самым презрение

к противнику. 26 ноября 634 года мусульмане переправились через Евфрат. Персы встретили их, построившись традиционным порядком: в центре находилась пехота, справа — лучники, слева — конница; перед пехотой поставили закованных в броню слонов (правда, в некоторых источниках говорится, что у персов был только один слон). Арабы в центре поставили пехоту, конница под началом Мусанны расположилась справа.

Битва началась с атаки персов по всем направлениям. Арабы оказались прижаты к реке. Однако они держались стойко. Горячий Абу Убайд бросился на слона и убил его, но сам был раздавлен слоновьей тушей. Командование арабским войском принял Хакам, брат Абу Убайда, но он также был убит. Арабы стали отходить к понтонному мосту через Евфрат, но кто-то из них перерубил канаты, связывающие понтоны, и мост вмиг развалился. Причины, побудившие разрушить мост, неясны — может быть, таким образом хотели остановить отступление; как бы то ни было, арабское войско тут же впало в панику. Четыре тысячи мусульман были убиты в бою или утонули в Евфрате, причем если бы не Мусанна, сумевший упорядочить отход и сдержать, пока восстанавливали переправу, со своим отрядом натиск персов, потери могли быть и больше. Персов погибло — если верить арабским источникам, всегда склонным преувеличивать численность и урон противника, — около 6000 человек.

Но развить успех Бахраму не удалось — в тылу у него началось восстание крестьян, которых во время военных приготовлений обложили непосильными налогами, и ему пришлось повернуть основную часть армии назад. Вдогонку арабам был послан отряд во главе с Джабаном. Но Мусанна, вновь оказавшийся во главе арабского войска, разгромил преследователей и опять взял неудачливого Джабана в плен. На этот раз персидскому военачальнику откупиться не удалось, и арабы его обезглавили²²³.

После поражения в «сражении у моста» (под этим названием оно вошло в историю) арабы оказались перед необходимостью набора нового войска, поскольку добровольцев, шедших в мусульманскую армию исключительно в надежде на легкую добычу, у них поубавилось. Лишь спустя год, по-

сулив щедрое вознаграждение, им удалось собрать новую армию в 30 тысяч воинов.

Осенью 635 года арабское войско выступило в Ирак. На встречу ему выдвинулись персы во главе с Михраном Хамадани. Две армии встретились у Евфрата, близ местечка Бувайба. Михран, следуя установившейся традиции, предложил арабам на выбор любой берег для сражения. Наученные горьким опытом, арабы предпочли остаться на месте, и переправляться на их берег пришлось персам.

Битва началась с атаки арабов, но персы перехватили инициативу и сами потеснили противника. Они двигались тремя колоннами, перед каждой шел слон. Вдобавок ко всему подул сильный ветер, несший в глаза арабам тучи песка и пыли. Ситуацию опять спас командующий арабским войском Мусанна — он сплотил вокруг себя воинов и увлек их вперед. Михран погиб, и во главе персов встал Пероз. Пока шла схватка в центре, отряд арабов, высланный Мусанной во вражеский тыл, пробился к переправе и разрушил мост. Персы оказались в западне, они попытались прорубиться через арабские порядки, но это удалось не всем. Еще меньшему числу персидских воинов посчастливилось переправиться через Евфрат.

В последующие несколько месяцев война шла с переменным успехом: арабы заняли Оболлу, Порат и Мазар, но вынуждены были оставить персам Анбар и Хиру²²⁴.

Весной 636 года арабы отправили к Йездегерду посольство с предложением поделить Ирак и предоставить их караванам проход для торговли в Месопотамии. Однако персы отказались, поскольку, во-первых, не горели желанием открывать арабам торговые пути, а во-вторых не верили в долгий мир с арабами и хотели сокрушить их сейчас, пока ощущали перевес на своей стороне. После этого кровавая развязка стала неизбежной.

Обеим сторонам не терпелось покончить с противником. Арабы собрали новую большую армию в 30 000 человек (по некоторым данным, 38 000 человек) во главе с Саадом ибн Абу Ваккасом и в который уже раз двинулись в Ирак. Их целью был окончательный разгром заклятого врага. Персы же намеревались раз и навсегда отвести от себя арабскую угро-

зу: для этого необходимо было не просто выдавить армию Саада из Ирака, но и полностью ее уничтожить, а затем идти дальше, в земли арабов, чтобы извести самые корни опасности, нависающей над державой Сасанидов. Во главе персидских войск шахиншах поставил спахбеда Рустама.

В стане персов не было единого мнения по вопросу стратегии. Йездегерд III выступал за то, чтобы поскорее дать арабам сражение. Рустам же предлагал изматывать врага и понемногу накапливать собственные силы — словом, затягивать войну. Для этого он затеял переговоры. По одним данным, два месяца, по другим — четыре стояли персы и арабы друг против друга. Но трудно сказать, оказались ли эти проволочки на руку персам, чья армия с каждым днем все больше была подвержена разложению. Среди подчиненных Рустаму военачальников происходили раздоры, которые отражались на войске и, подобно ржавчине, разъедали дисциплину.

Решающее сражение состоялось в декабре 636 года у города Кадисия. Арабов было 30 тысяч, персов (по арабским данным) — 100—120 тысяч²²⁵. Возможно, соотношение было несколько иным, но очевидно, что персов было больше, чем арабов.

Сасаниды разделили свое войско на пять больших отрядов. Один встал в центре, где на троне восседал Рустам, по два расположились на флангах. Кроме того, у персов было 30 слонов. Половина их поставили перед центром, остальных — по краям боевого построения. Арабы, судя по всему, выстроились традиционным порядком: центр, крылья, авангард и арьергард.

Перед началом боя по традиции произошел поединок арабского и персидского витязей. От персов дрался воин из рода Сасанидов Ормузд; араб, чье имя история не сохранила, сумел обезоружить его и взять в плен. Это было сочтено персами дурным знаком. Тем не менее они пошли в атаку — вперед двинулись слоны, за ними конница. Закованные в броню слоны с закрепленными на спинах башнями потеснили арабов, но те, несмотря на тяжелые потери, все-таки выстояли. Бой длился до ночи и закончился тем, что обе армии отошли на исходные позиции. На следующий день к ара-

бам подошло подкрепление из Сирии — по одним данным, 6000, по другим — 10 000 человек. Снова состоялись поединки, в которых пали знатные персы Бахман Джадуйе и брат Рустама — Биндуван. Слоны в битве уже не участвовали, поскольку были изранены в первый день. Арабы ввели в действие воинов на верблюдах. Лошади персидских всадников испугались верблюдов, и это сорвало конную атаку персов. Бой снова продолжался до ночи и победы никому не принес.

После этого арабы решили прибегнуть к хитрости. Под покровом ночи их лагерь покинул отряд, который утром вернулся как якобы свежее подкрепление. Это вызвало упадок духа у измотанных персов. Бой снова длился весь день, всю ночь и продолжился утром четвертого дня. На рассвете вдруг подул сильный ветер, который понес тучи пыли и песка прямо в лицо персидским воинам. Словно поддаваясь этому ветру, персы начали отступать. Их центр был смят, и вскоре они обратились в бегство. Рустам, пытавшийся остановить своих воинов, а затем побежавший сам, был убит. Почти полностью погибли те отряды персов, шеренги в которых — об этом говорят арабские источники — были скованы цепями.

Триумф арабов был полным. Они захватили государственное знамя Ирана. Но главное — персам было нанесено решающее поражение.

Остатки персидских войск собрались у Вавилона. Арабы настигли их, и у Суры произошла новая битва, в которой пали два персидских военачальника — Фаррухан и Файюман, а армия шахиншаха окончательно была уничтожена. Затем арабы заняли Кус и Сабат, Вех-Ардашир и Ктесифон. Йездегерд III успел бежать на восток своей империи, оставив победителям большую часть своей сокровищницы. Таким образом, шахиншах лишился едва ли не последнего источника финансирования армии; арабы же, наоборот, могли теперь без проблем продолжать экспансию.

Они стремительно ворвались во внутренние области Ирана. В Хузистане навстречу им вышел марзбан Хормузан, набравший войско в основном из местных арабов. Именно они и решили судьбу сражения, перейдя на сторону соплеменников. После этого персам еще удавалось в течение длительного времени удерживать крепость Шуштар, но и она пала.

В Мидии арабы заняли Хулван и Кармасен.

А что же Йездегерд III? Он, пока арабы отламывали от державы Сасанидов кусок за куском, собрал большое войско из мидийцев, исфаханцев; к нему также подошли отряды из Хорасана, Систана, Парса, прикаспийских земель. Всего в этой разношерстной армии, согласно источникам, было в общей сложности 60—150 тысяч человек. Но качество ее уже было далеко не таким, что раньше. Если еще при Кадисии в персидской армии были в основной своей массе профессиональные солдаты, то теперь она состояла из едва обученных ополченцев. Низок был и ее моральный дух. Сам Йездегерд и его окружение, судя по всему, тоже не верили в победу.

Персы занимали позицию у Нехавенда. В 642 году сюда подошли арабы во главе со сподвижником пророка Мухаммеда — Нуманом ибн Муккарином. Персидские военачальники попытались начать переговоры, но арабы не были расположены о чем-либо договариваться. При этом, однако, они не собирались атаковать персидские позиции, которые были окружены укреплениями, а земля подле них усеяна железными шипами, дабы помешать действиям арабской конницы. Поняв, что взять персидские укрепления прямым ударом не удастся, арабы пошли на хитрость: сделали вид, что отходят. Но когда персы, возомнившие себя победителями, вышли в открытое поле, собираясь преследовать отступающего противника, арабы тут же перегруппировались и нанесли неожиданный удар. Разгром сасанидской армии был полным. Единственное, что могло огорчить арабов, — это гибель Нумана ибн Муккарина²²⁶.

Это был конец не только персидского могущества, но и самого государства Сасанидов. Война продолжалась еще много лет, но со стороны персов, по сути, это уже была агония. После разгрома у Нехавенда Йездегерд и основная часть персидского нобилитета бежали в Хорасан. У персов не было ни денег на содержание армии, ни самой армии: военное руководство частью полегло в боях, частью разбежалось, то же произошло и с военно-рыцарской прослойкой асаваранов, количество рядовых служащих также сократилось до мизерных цифр.

Некоторые сасанидские провинциальные правители попытались объединиться, чтобы совместными усилиями дать отпор захватчикам, но им не удалось добиться строгой централизации военного управления, и в конце концов они были разбиты поодиночке.

Арабы вторглись в Спахан, где одолели войско, собранное Шахрабаром Джадуйе. Затем у Ваджруда в ожесточенном сражении они разбили объединенные отряды из Дейлема, Азербайджана и Рея. После этого на сторону арабов перешел персидский военачальник Фаррухан со своим отрядом. Он проник в Рей и открыл его ворота перед мусульманским войском. Город был разграблен и разрушен.

Еще прежде этого, в 638 году, арабы вторглись в сердце державы Сасанидов — Парс. Отряд арабов во главе с наместником Бахрейна, который, очевидно, действовал по собственной инициативе, атаковал со стороны моря, но понес тяжелые потери и вынужден был отступить. После этого на помощь бахрейнцам пришел сам халиф. Арабское регулярное войско разбило персидское ополчение в ожесточенном сражении у Рев-Ардашира. Но и после этого персы оказывали упорное сопротивление по меньшей мере до 656 года²²⁷.

В 644 году две арабские армии во главе с Сухайлом ибн Али и Абдаллахом ибн Итаном вошли в Керман и, разгромив вышедшее против них ополчение, захватили эту персидскую провинцию. Затем был подчинен Сакастан.

Арабы также сделали попытку завоевать Табаристан, но здесь война приняла затяжной характер, и окончательно эта область была покорена ими лишь в IX веке.

Справедливости ради надо сказать, что далеко не всегда присоединение иранских земель шло военным путем. Нередко заключались договоры между арабами и местным населением. Главным условием было политическое подчинение завоевателям. Но при этом бывшие сасанидские территории сохраняли свободу вероисповедания и независимость во внутренних делах. Тексты договоров варьировались в зависимости от обстоятельств, в которых они заключались²²⁸.

Договорная система позволяла местным жителям не ломать привычный уклад жизни и не подвергаться ужасам вой-

ны. В свою очередь, арабам не приходилось вести боевые действия, чреватые серьезными потерями.

Йездегерд III, обосновавшись после Нехавенда в хорасанском Мерве, обратился отсюда с воззванием к вассалам с требованием помощи и денег. Также он просил помочь тюрок, согдов и даже китайцев. Из Мерва при приближении арабов Йездегерд ушел сначала в Балх, а затем и вовсе за Амударью. Здесь ему удалось сколотить некое подобие войска, в котором не последнюю роль играли тюрки и согды. Кроме того, шаха поддержало ополчение Тохаристана и Балха.

Впрочем, тюркские воины покинули Йездегерда прежде, чем начались боевые действия. Шах вернулся к Мерву, взял остатки своей казны, скрытые в тайнике, и собрался уйти с ними то ли к тюркам, то ли еще дальше — в Китай...

Дальнейшая судьба последнего «царя царей» достоверно не известна²²⁹. По одной версии, узнав, что он готовится бежать, войско восстало, и монарх был убит. По другой — он благополучно ушел к тюркам или в Фергану. По третьей — правители Мерва и Самарканда Махой Сури и Бижан-хан составили заговор против шаха. Однако, несмотря на то, что в результате нападения охрана Йездегерда III была перебита, сам он сумел бежать и укрылся от погони на мельнице. Впрочем, телохранителей своих последний «царь царей» пережил всего на несколько дней — он погиб от руки мельника-христианина, прельстившегося шахской шкатулкой с драгоценностями.

Корона и сокровища шаха достались Махой Сури, но счастья ему это не принесло. Против него выступил правитель Западнотюркского каганата Ышбара-хан. Махой попал в плен и был казнен.

Заключение

Война продолжалась и после смерти последнего царствующего Сасанида. В 652 году объединенное ополчение Тохаристана, Джузджана, Талакана и Фарийаба (30 000 воинов) встретилось в сражении с арабами. Бой происходил ночью, и к утру персы были разбиты наголову. Вскоре после этого пал Балх, последняя твердыня Тохаристана.

Дети Йездегерда (Пероз, Бахрам и три их сестры), некоторые его родственники и часть персидской знати нашли убежище в Китае, к которому взывал о помощи и сам шахиншах. Пероз, в 660-е годы удерживавший Систан, даже получил признание со стороны китайского императора как законный правитель Сасанидской державы. Однако на просьбы о военной помощи Танская империя не откликнулась, и, выбитый из Систана арабами халифа Муавии Пероз в 673 году бежал в Поднебесную. Прибыв в Чанъань, он был любезно встречен императором и получил солидный военный чин в гвардейских войсках. Умер Пероз в 679 году.

Взять реванш у арабов пытался его сын Нарсе. Согласно китайским источникам, в том же 679 году он вместе с китайским войском выдвинулся на запад, через территории тюрков²³⁰. Китайцы убедили кочевников, что идут против арабов. Но когда тюрки пустили их на свои земли, китайцы передумали идти далее и закрепились на месте. Сасанидский царевич, не рассчитывая впредь на воинов Поднебесной, нашел союзников в лице тюрков Тохаристана. С их поддержкой он еще два десятилетия противостоял арабам, но в итоге был вытеснен из региона и вернулся в Китай, где умер от болезни около 710 года.

Многие персы нашли тихую гавань южнее, в Индии, где сохранили свои зороастрийские традиции и продолжали вести торговую деятельность.

Кому-то из сасанидской аристократии удалось найти прибежище на окраине Средней Азии и сохранить там персидскую культурную традицию. Отсюда впоследствии распространился по Среднему Востоку «персидский ренессанс», здесь расцветет держава Саманидов — исламская наследница иранской традиции...

Государство Сасанидов оставило неизгладимый след в мировой истории. С самого своего рождения оно вело активную внешнюю политику, было одним из политических центров тогдашней ойкумены.

По большому счету Сасанидам долгое время везло с окружающими странами. Ни одна из них не покушалась на самое существование их государства. Ромеям достаточно было традиционного контроля над Закавказьем и Верхним Приевфратьем, рейды в Месопотамию они совершали скорее в превентивных целях. У них хватало проблем и со своими провинциями. Своя специфика была у эфталитов и Тюркского каганата, но и они не стремились к уничтожению Сасанидской державы.

Но все изменилось с приходом арабов-мусульман, которые стали могильщиком Сасанидов, слишком увлеченных борьбой с Византией и не заметивших вовремя страшной угрозы. Точно так же Сасаниды в свое время уничтожили парфянскую державу Аршакидов, увязшую в конфронтации все с теми же ромеями. Эти события разделили четыре столетия...

Нельзя не признать, что державу Сасанидов, как и многие государства до и после нее, погубило излишнее военное напряжение. Нескончаемые войны, порождавшие такие же нескончаемые поборы с населения, людские и материальные потери привели к истощению страны. И не случайно полный крах персидской державы последовал сразу же за ее взлетом. К моменту возникновения арабской угрозы персы, пребывавшие на первый взгляд на вершине могущества, уже надорвались в нескончаемых войнах с византийцами.

Полевые сражения с участием войск Сасанидов

Предлагаемая таблица в силу ряда обстоятельств (недостаточность и противоречивость источников, вытекающая отсюда сложность интерпретации разного рода баталий как полномасштабных сражений) служит не справочником, а скорее иллюстрацией военных возможностей сасанидской армии. По результатам сражений наглядно видно, например, что возможности эти не были совершенными: персы из 67 баталий оказались победителями лишь в 21, а это чуть более 30 процентов. Но так или иначе, Сасаниды умели компенсировать свои полевые поражения успешным ведением других видов военных действий и дипломатическими победами.

ШАХИНШАХ	МЕСТО СРАЖЕНИЯ	ДАТА	ПРОТИВНИК	ПОБЕДИТЕЛЬ
Ардашир I	Ормиздакан, в Мидии	224	Артабан V (Парфяне-Аршакиды)	персы
	Среднее Приевфратье (?)	232 (?)	Александр Север	персы
Шапур I	Мидия, прилегающие районы	240	хорезмийцы, горные мидийцы	персы
	г. Резайн	243	Гордиан III, Гай Фурий Тимеситий	римляне
	г. Массис (Мисих)	244	Гордиан III, Филипп Араб	персы
	г. Барбалиссос	252	Требониан Галл	персы

	г. Эдесса	260	Валериан	персы
	г. Помпейополь	260	префект претория Каллист	римляне
	р. Евфрат	260 (?)	правитель Пальмиры Публий Септимий Оденат	пальмирское войско
	г. Ктесифон	262	правитель Пальмиры Публий Септимий Оденат	пальмирское войско
Нарсе	р. Евфрат, между Каррами и Каллиником	296	римские войска Галерия	персы
	г. Саталы	298	римские войска Галерия, армяне Мамиконяна	римляне
Шапур II	Армения	337	армяне Хосрова II Котака	персы
	мест. Арест, на берегу Бзнуникского моря (оз. Ван)	337	армяне Хосрова II Котака	армяне
	г. Сингара	344 или 348	римские войска Констанция II	персы
	Средняя Азия	350-е	хиониты	хиониты
	г. Ктесифон	363	Юлиан Отступник	римляне
	мест. Маранга	363	Юлиан Отступник	римляне
	мест. Фригия	363	Юлиан Отступник	ничья
	под мест. Вагабантой	373	римские войска Валента	ничья
	обл. Атропатена	373	армянские и римские войска	римляне, армяне
Бахрам V	г. Мерв	427	эфталиты	персы
Йездегерд II	г. Халхал (в Албании)	451	армяне	армяне
	равн. Аварайр (в Армении)	451	армяне и албаны	персы (с большими потерями)

Пероз	?	?	эфталиты (=хиониты)	эфталиты
	г. Герат	484	эфталиты Ахшанвара	эфталиты
Регент Суфрай (Сохр)	г. Пайкенд	После 484	эфталиты Ахшанвара	персы
Кавад I	г. Нисибис	503	византийцы (Ариобинд)	византийцы
	г. Миндон	527 (?)	византийцы	персы
	г. Дара (Анастасиополь)	530	византийцы (Велизарий, Гермоген)	византийцы
	г. Сатала	530	византийцы (Ситтас, Дорофей)	византийцы
	г. Каллиник	531	византийцы (Велизарий)	персы, арабы- лахмиды
Хосров I Ануширван	р. Фасис (в Лазике)	549	византийские войска Юстиниана (командующий Дагисфей)	византийцы, лазы
	р. Гиппис (в Лазике)	549	византийские войска Юстиниана (командующий Дагисфей) и лазы Гумбаза	византийцы, лазы
	г. Археополь (в Лазике)	551	византийские войска Юстиниана (командующий Бесс)	византийцы
	р. Фасис	556	византийцы (Мартин)	византийцы
	поле Халамахеац	571	армянские повстанческие войска Вардана Мамиконяна	армяне
	г. Мелитена	571	армянские повстанческие войска Вардана Мамиконяна и, возможно, византийские войска	армяне
	г. Санаа, княжество Химьяр	575	Химьяриты князя Масрука	персы

	г. Мелитена	576	византийские войска Тиверия (командующий Юстиниан)	византийцы
Хормизд IV	г. Констанций (Телла)	581	византийские войска Юстина (командующий Маврикий)	византийцы
	г. Мардис (в Персии)	585	византийские войска Маврикия (командующий Филиппик)	византийцы
	г. Хломарон (в Арзанене, Персия)	585	византийские войска Маврикия (командующий Филиппик)	персы
	г. Мартирополь	588	византийские войска Маврикия	византийцы
	г. Мартирополь	589	византийские войска Маврикия (командующий Филиппик)	персы
	г. Феодосиополь	588	византийские войска Маврикия (командующий Ираклий)	византийцы
	р. Герируд	589	тюрки кагана Савэ	персы
	в Албании	589/590	византийские войска Маврикия (командующий Роман)	византийцы
Бахрам VI Чубин	р. Бларат	591	Иоанн Мистакон и Хосров	византийцы
Хосров II Парвиз	р. Арзамон	604	византийские войска Фоки	персы
	источник Зу-Кар	604—605	ополчение племенного союза бакритов	арабы
	г. Антиохия	612/613	Ираклий	персы
	г. Тигранакерт	624—625	Ираклий	византийцы
	г. Сарван	624—625	Ираклий	византийцы

	р. Евфрат	625	Ираклий	византийцы
	г. Ниневия	12 декабря 627	Ираклий	византийцы
	г. Тбилиси	Ок. 628	тюрки (каган Тон-Ябгу)	тюрки
Йездегерд III	мест. ал-Валаджа	633	Халид ибн Аль Валид	арабы
	г. Анбар	633	Халид ибн Аль Валид	арабы
	г. Аль-Фирад	634	Халид ибн Аль Валид	арабы
	г. Вавилон	634	Мусанна	арабы
	г. Намарик	634	Мусанна	арабы
	р. Евфрат	634	Абу Убайд	персы
	мест. Оллейса	634	Мусанна	арабы
	мест. Бувайба	634	Мусанна	арабы
	г. Кадисия	637	Саад ибн Абу Ваккас	арабы
	г. Нехавенд	642	Нуман ибн Муккарин	арабы

Полевые сражения персов в описании древних источников

Сражение персов с войском императора Юлиана
у стен Ктесифона (363 год)

Персы выставили против нас панцирных всадников в таком тесном строю, что при каждом движении тела тесно облегающие члены пластинки слепили глаза встречным; все лошади были также защищены кожаными покровами. В резерве были оставлены манипулы пехотинцев. Прикрываясь продолговатыми выпуклыми щитами, сплетенными из тростника и покрытыми сырой кожей, выступали они в тесном строю. Позади них слоны как перемещающиеся горы движением своих огромных туш грозили гибелью приближавшимся, наводя страх из-за воспоминаний о событиях прошлого.

Поэтому император, следуя гомеровской тактике, поставил между первым и третьим строем более слабые подразделения, чтобы, оказавшись впереди, они в беспорядочном отступлении не увлекли всех остальных, или, будучи помещены сзади всех центурий и не имея никакой поддержки, не обратились тем легче в бегство. Сам он с вспомогательным отрядом легковооруженных разъезжал по переднему и заднему фронту.

Оба войска могли уже видеть друг друга. Римляне с развевающимися султанами на своих блистающих шлемах, потрясая щитами, спокойно выступали под звуки военной музыки в анапестическом такте. Передовая линия начала битву метанием копий, и земля, превращавшаяся под ногами людей в пыль, уносилась быстрым вихрем.

С обеих сторон раздался обычный боевой клич, бодрое построение людей поддерживал звук труб, с той и другой стороны люди бились уже лицом к лицу копьями и мечами, и для каждого человека опасность быть пораженным стрелами миновала тем скорее, чем теснее он сходил с врагом. Подавшимся назад Юлиан спешил дать подкрепление, а отстававших старался подбодрить, как соратник и командир.

Первая линия персов подалась и стала отступать сначала медленным, а потом, когда бой разгорелся, быстрым шагом и спешила в близлежащий город. Наши солдаты, хотя они были также утомлены сражением, длившимся от восхода солнца и до конца дня под палящими лучами, настойчиво напирали на отступавших, рубили врага в тыл и гнали противника вместе с Пиграном, Суреной и Нарцеем, главными вождями персов, до самых стен Ктесифона, нанося удары в спину и пятки.

Смешавшись с рядами бегущих, наши солдаты могли бы пройти через вход в крепость, но командир Виктор удержал их, подняв руки и возвышая голос. Сам он был ранен стрелой в плечо и опасался, что если, вырвавшись вперед, наши люди в беспорядке ворвутся внутрь стен и окажутся отрезанными от своих, то множество неприятелей легко сможет их подавить.

Аммиан Марцеллин. Римская история. XXIV. 6.8—13

Битва персов с войском Юлиана при Маранге
(Месопотамия, 22 июня 363 года)

Когда, продвигаясь дальше, вся армия сошлась в области, именуемой Маранга, на рассвете показались огромные полчища персов, с которыми были Мерен, начальник конницы, с двумя сыновьями царя и множеством знати.

То были закованные в железо отряды; железные бляшки так тесно охватывали все члены, что связки совершенно соответствовали движениям тела, и прикрытие лица так хорошо прилегалo к голове, что все тело оказывалось закованным в железо, и попадавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, находившиеся против глаз, можно что-то видеть, или где через ноздри с трудом выходит дыхание.

Часть воинов, готовая сразиться копьями, стояла неподвижно, как будто люди были связаны медными цепями. Рядом с ними были расположены стрелки — этим искусством испокон веков сильны были персы. Широко разводя руки, они натягивали упругие луки, доводя тетиву до правого соска, и, зажимая в левой руке стрелу, ловким и умелым толчком пальцев выпускали звонко свистевшие стрелы, наносившие смертельные раны.

За ними стояли лоснящиеся слоны; страшный их вид и ужасный хобот внушали едва преодолеваемый ужас; их храп и запах и непривычный для глаз вид еще более пугали коней...

Несмотря на устрашающий вид всего этого, император, окруженный тесным строем вооруженных когорт и главных командиров, находился в самом бодром настроении. Превосходство сил неприятеля и опасность возбуждали его мужество, и он строил навстречу врагу манипулы полукругом с заходящими флангами.

Чтобы стрелки не могли разъединить отдельные части нашей боевой линии, он приказал наступать со всей возможной быстротой для скорейшего выхода из-под обстрела. Затем был дан обычный сигнал к битве, и в тесном строю римская пехота с величайшими усилиями пробила тесный фронт неприятеля.

Бой разгорался. Звон щитов, зловещий лязг оружия, грозные крики людей, все смешалось в одно; кровь и кучи трупов покрыли поле брани. Персов падало больше, так как они не обладали должной выдержкой и с трудом выносили бой лицом к лицу: им было более привычно сражаться на расстоянии и, увидев, что дрогнул их строй, отступать с быстротой несущихся по небу туч, и удерживать врагов от преследования, направляя назад залпы стрел. Итак, с величайшим напряжением сил персы были отбиты, и солдаты, утомленные долгими часами боя под палящими лучами солнца, вернулись, когда был дан отбой, в палатки с гордой готовностью отважиться и на большее.

В этой битве, как уже сказано, потери персов были очень велики, а наши — весьма незначительны. Из различных событий этой битвы наиболее заметными была смерть Ветраниона, заслуженного боевого человека, который состоял командиром легиона зианнов.

Аммиан Марцеллин. Римская история. XXV. 1.11—14, 16—19

Сражение при Фригии и смертельное ранение
Юлиана (Месопотамия, 26 июня 363 года)

... **Т**ак как уже занялся день, то армия тронулась в путь. При нашем выступлении отсюда персы сопровождали нас. После своих многократных поражений они боялись вступить в правильный бой с нашей пехотой и незаметно со-

проводжали нас, устраивая засады, и, наблюдая за движением наших войск, шли по холмам по обеим сторонам нашего пути...

Фланги были хорошо прикрыты, и армия передвигалась в соответствии условиям местности в виде четырехугольника, причем колонны довольно далеко находились одна от другой. Вдруг император, который в этот момент вышел немного вперед для осмотра местности и был без оружия, получил известие, что на наш арьергард неожиданно сделано нападение с тыла.

Взволнованный этим неприятным известием, он забыл о панцире, схватил в тревоге лишь щит и поспешил на помощь арьергарду, но его отвлекло назад другое грозное известие о том, что передовой отряд, который он только что оставил, находится в такой же опасности.

Пока он, забыв о личной опасности, спешил восстановить здесь порядок, персидский отряд катафрактов совершил нападение на находившиеся в центре наши центурии. Заставив податься левое крыло, неприятель стремительно стал нас окружать и повел бой копьями и всякими метательными снарядами, а наши едва выдерживали запах слонов и издаваемый ими страшный рев.

Император поспешил сюда и бросился в первые ряды сражавшихся, а наши легковооруженные устремились вперед и стали рубить поворачивавших персов и их зверей в спины и сухожилия.

Забывая о себе, Юлиан, подняв руки с криком, старался показать своим, что враг в страхе отступил, возбуждал ожесточение преследовавших и с безумной отвагой сам бросался в бой. Кандидаты, которых разогнала паника, кричали ему с разных сторон, чтобы он держался подальше от толпы бегущих, как от обвала готового рухнуть здания, и, неизвестно откуда, внезапно ударило его кавалерийское копье, рассекло кожу на руке, пробило ребра и застряло в нижней части печени.

Пытаясь вырвать его правой рукой, он почувствовал, что разрезал себе острым с обеих сторон лезвием жилы пальцев, и упал с лошади. Быстро бежали к нему видевшие это люди и отнесли его в лагерь, где ему была оказана медицинская помощь.

Вскоре, когда мало-помалу утихла боль и прошел ужас, он, борясь смелым духом со смертью, потребовал оружия и коня, чтобы, вернувшись в ряды сражающихся, поднять боевой дух своих и показать, что он, забыв о себе, озабочен лишь судьбой других...

Но так как силы Юлиана не соответствовали его стремлениям и продолжалось кровотечение, то он остался неподвижным и оставил всякую надежду на жизнь, когда на вопрос о названии места, где он был сражен, узнал, что называется оно Фригия; то, что он здесь умрет, открыл ему раньше письменный жребий.

Когда императора отнесли в палатку, солдат охватило невероятное воодушевление; ожесточение и горе побуждали их к мести, и они ринулись вперед, ударяя копьями о щиты, готовые умереть, если уж так суждено. Хотя густая пыль засыпала глаза и палящий зной ослаблял быстроту членов, но, чувствуя себя как бы лишенными военного звания от потери своего командира, они бросались на мечи, не щадя своей жизни.

А приободрившиеся, наоборот, персы пускали такие тучи стрел, что закрывали ими себя от неприятеля; перед ними медленно выступали слоны и пугали людей и лошадей величиной своего туловища и своим страшным ревом.

Далеко были слышны шум сходящихся лицом к лицу воинов, стоны падавших, ржание коней, лязг железа, пока, наконец, уже темная ночь не развела оба войска, вконец истомленные от ран.

Тут пало 50 вельмож и сатрапов персидских, помимо множества простых солдат, убиты были в этой свалке их главные командиры Мерена и Ногодар...

Во время жаркого боя после удаления императора правое крыло нашей армии ослабло, убит был Анатолий, бывший тогда магистром оффиций; только благодаря счастливой случайности спасся бегством префект Саллюстий: в крайней опасности его спас один подчиненный и при этом был убит состоявший при нем советник Фосфорий. Некоторые солдаты, овладев после разных опасностей расположенным поблизости укреплением, могли соединиться с армией только на третий день после этого.

Аммиан Марцеллин. Римская история. XXV. 2. 7—3. 14

Сражение Вардана Мамиконяна
с марзбаном Себухтом у Халхала (Албания, 450 год)

... Себухт... утвердился в мысли, что с малосильным полком идет на него спарапет Армении, не стал выжидать

в краях Чора, а собрал все множество своих войск и поспешно перешел большую реку, именуемую Кура. И встретился с [Варданом] близ границ Иверии против города Халхала, который был зимней ставкой царей Алвании (Албании). Прошел и сосредоточился со всем своим войском, построив боевые порядки, окружил он все пространство поля. Вооруженные и в доспехах [стояли они] во всей готовности для боя против полка Армянского.

А когда доблестный Вардан и все войско, которое было с ним, увидели могучую оснащенность полка язычников, осознали и собственную малочисленность. Но, хотя их было много меньше, чем тех, они нисколько не убоялись того великого множества, а все единодушно воздели руки свои к небу, восклицали и говорили:

«Покарай, Господи, тех, кто карает нас, сразись с теми, кто сражается с нами, оружием и щитом твоим помоги нам! Поколебли и приведи в дрожь полчища нечестивцев, рассей и разбросай злое единодушие врагов Твоих пред Твоим спасительным, великим знаменiem и подари через нас, немногих, доблесть для победы над несметным множеством... А мы готовы умереть ради любви Твоей, а если доведется и убивать их, то мы будем мстителями не за себя, а за истину!»

И, говоря это, сплотились, напали и сломили правое крыло и, отбросив его налево, предали всех мечу по [всему] пространству и обратили в бегство вплоть до недоступных мест в лесах, у глубоких обрывов реки Лопнас (река Акстафа?). Здесь противостали им некоторые из рода царя Баласакана, сбросили с коня одного из армянских нахараров и из полка Димаксеанов убили Муша и Газрика.

Тут Аршавир Аршаруни взглянул зорким оком, зарыкал как лев и напал как вепрь, поразил и сразил храброго Вурка, брата царя лпинов, и с ним прикончил многих его приспешников. И так каждый [из полка армянского] поверг на землю своего противника. И вследствие дерзкого наскока больше было тех, кого скинули в реку, чем павших на суше от меча. И от множества упавших тел прозрачные воды реки обратились в кровь. И никто из них не спасся и не скрылся в густых лесах равнины. Но кто-то из вражеской рати, став в доспехах на спину коня, переправился через большую реку, [будучи] на волосок от смерти покинул сражение, доставил печальную весть

оставшейся части основного войска, и они в бегстве бросились к шахастану.

Егише (Елише). О Вардане и войне армянской. III

Аварайрская битва (весна 451 года)

И когда он (Йездегерд II) понял: «Не могу я разрушить твердость пребывающих в согласии!», — он направил [в Армению] исполненного злобы старика, в котором поселился Сатана со своею силой, того, кто совершил многие злодеяния... Добавил царь к его злобности свое смертоносное повеление. Придал ему многие полки из всех стран, отправил с ним многочисленные стада слонов.

То был властитель и повелитель всего государства Персидского, и имя его было Михрнерсех, и не было никого вовсе, кто бы посмел ослушаться его. И не только вельможи и малые, но и сам царь считался с его повелениями. Он-то и предпринял это злобное дело...

Когда Михрнерсех увидел в нем (Васаке Сюни) все это зло, он на него стал возлагать больше надежды, чем на самого себя. Спрашивал и уточнял, сколько всего мужей в рати Вардана в Армянской стране. Когда услышал от него, что их больше шестидесяти тысяч, потребовал также сведений относительно доблести каждого, и сколько имеется таких, которые полностью вооружены, и сколько таких, которые, будучи лучниками, лишены [иного] вооружения, также и относительно пеших щитоносцев.

И когда проведал об общем числе этого множества, тем более попытался узнать, сколько имеется начальствующих над храбрыми героями, чтобы подготовить троих против одного на каждого из них, не говоря о всех прочих. И даже осведомлялся у него относительно каждого отряда, и на сколько полков делится войско, и кто из них является саларом, и какой начальник, с какой стороны будет вступать в боевое построение, и каково имя каждого из хамхарзов, и сколько трубачей будет играть в составе полка. Будут ли устраивать лакиш или свободно расположатся станом; будут ли выстраивать фронт против фронта или единой ратью атакуют в одном месте? Кто из них неустойчив и кто из них будет тверд, отдавая себя на смерть?

И когда обо всем этом осведомился у него, призвал всех военачальников и перед [Васаком] дал им всем строгий приказ, чтобы все они слушались его указаний. И все войска вместе с их военачальниками поручил некоему мужу из знати, имя которого было Мушкан Нюсалавурт.

...Когда великий Вардан увидел раскол в своей стране, он [сам] нисколько не поколебался от маловерия... Дав приказ своим войскам собраться в городе Арташате, он взамен отступников, которые ушли вслед за ишханом Сюника, поставил на их место их братьев, или сыновей, или племянников по брату и дал им отряд каждого [из ушедших]. Ибо он пока еще сохранял власть над всей страной...

Все они сплоченно прибывали на ратное дело, на равнину Артаза, и было всего, по подсчету, шестьдесят шесть тысяч мужей, [считая] с конницей и пехотой.

Пришли с ними святой Йовсэп и иерей Левонд и многие другие священники и в еще большем числе дьяконы. Потому что и они нисколько не убоялись пойти с ними на дело ратное, ибо почитали это сражение [проявлением] не мирской, а духовной добродетели и желали пасть одной смертью с храбрыми героями...

Он (Вардан Мамиконян) скрытно ободрял и укреплял сердца некоторых из них и восполнял нехватку [проистекавшую] от бедности. Воину, которому что-то не хватало, он предоставлял [помощь] от себя и от своих товарищей: у кого не было оружия, он снабжал оружием, кому нужна была одежда, того одевал, а кто был без коня, тому коня предоставлял. И обильной выдачей дневного пайка радовал всех и всем являл себя веселым. И, согласно военному обычаю, постоянно повторял перед ними памятные повествования о доблестных мужах, ибо сам он с детства был сведущ в святых заветах...

Это он говорил и там же, на поле, занял позицию, выстроил войско и на всех участках постепенно расположил конницу.

А спустя немного дней персидский военачальник двинулся со всей языческой толпой и, прибыв, достиг страны Армянской, гавара Хер-и-Зареванд. И там, в этом же гаваре, занял позицию, окружил [укреплениями] стан, выкопал ров, устроил вал, обвел палисадом, укрепил подобно городу всякими сооружениями...

Затем, когда зоравар персидского войска увидел, что не найти более посланцев, чтобы ввести [армян] в заблуждение, и отпала

надежда [на то, что удастся] рассеять их, [разорвав] нерушимое согласие, — он вызвал нечестивого Васака и всех шиханов — отступников из страны Армянской, которые были при нем. Расспрашивал он их и выпрашивал об ухищрениях [для достижения] победы. И когда он осведомился о доблестях каждого из мужей, то вызвал многих из военачальников, которые были у него в подчинении, и приказал привести стада слонов, распределив зверей по различным отрядам, при каждом слоне по три тысячи тяжеловооруженных, кроме всех других [родов] войск...

...Приводил в порядок и устраивал все войско, расширял и удлинял фронт вдоль большого поля. И справа и слева от каждого зверя снаряжал по три тысячи вооруженных воинов, а самых отборных витязей собрал вокруг себя. И укрепил полк Матеан (отборное соединение), как некую могучую башню или словно неприступный замок. Раздавал отличительные знаки, распускал знамена и приказывал быть готовыми к сигналу великой трубы. А отряд из Апарха, [отряды] катышей, хонов, гелов, а также людей из всех отборных войск сосредоточил в одном месте воедино и отдал приказ правому крылу своего войска быть наготове против армянского зоравара.

А отважный Вардан выступил вперед, расспрашивал знатных и в согласии с общим мнением так назначил военачальников: первый полк отдал под власть ишхана Арцруни и соратником ему [определил] великого шихана Мокского. А всех прочих нахараров [назначил] помощниками этих обоих и множество войска расположил на флангах с той и с другой стороны. А второй полк он вверил Хорэну Хорхоруну и соратниками ему [дал] Ынцайна и Нерсеха Каджберуни. А третий полк вверил Татулу Ванандеци и соратником его повелел быть Тачату Гнтуни. И многих из храбрых мужей [поставил] по крыльям, с той и с другой стороны. На себя он взял полк четвертый и [выбрал] себе соратниками храброго Аршавира и родного брата своего Хамазаспеана.

Располагал и устраивал он фронт, обращая его на все стороны поля, в точности против полка ариев, на берегу реки Тлмут (южный приток Аракса).

И когда они таким образом приготовились, обе стороны распалились и, полные решимости и великой ярости, со звериной силой бросились одна на другую, и шум криков обеих сторон создал гром, какой [рождается] меж сомкнувшимися

тучами, а гул голосов потряс утесы гор. От множества шлемов и от сверкающих доспехов [воинов] исходили солнечные блики. Также и от великого блеска мечей и от бряцания множества копий словно [падало] с небес огромное пламя. Кто в силах описать великое смятение от страшных звуков, когда сшибка щитоносцев и завывание лучных тетив оглушали всех вокруг!

Там можно было видеть и великое смятение, и потери при неизбывном замешательстве, когда обе стороны в стремительных атаках налетали друг на друга. Ибо сдержанные ошалевали, а робкие приходили в отчаяние, храбрецы упражнялись в доблести, а герои выпускали кличи. И когда все множество [сражающихся] сгрудилось вместе, они стиснули реку, и полк Персидский, испугавшись бурного течения реки, стал топтаться на месте, а полк армянский, подоспев, перешел [реку] и, вздыбив коней, атаковал их с великой силой. От ужасной их сшибки множество раненых обеих сторон повалились на землю и бились в агонии.

При этом великом смятении храбрый Вардан поднял глаза и увидел отборных храбрых удалцов персидского войска, как они потеснили левое крыло армянского полка. В грозном порыве бросился он туда и, прорвав правое крыло персидского полка, отшвырнул к [слонам], окружив кольцом, избивал их тут же на месте. И вызвал такое замешательство, что полк Матеан, утратив сплоченность, лишился своего крепчайшего построения, и воины даже обратились в поспешное бегство.

А затем поднял бдительный взгляд Мушкан Нисалавурт и увидел, что некоторые из армянского полка отделились и отстали в ущельях гор. И тогда, испустив громкий клич, он подбодрил находившееся вокруг войско ариев, которое, закрепившись, стало перед полком Вардана. Тут-то обе стороны признали свое поражение: великое нагромождение трупов казалось бесформенной грудой камней.

Когда Мушкан Нисалавурт увидел это, он стал поджидать [слонов] Арташира, который восседал на [одном из] них в высокой башенке, как в укрепленном городе. Громким звуком витых труб он поторопил свои полки, и его передовые отряды взяли [Вардана] в кольцо.

Тем не менее доблестный Вардан со своими храбрыми соратниками произвел там немалое побоище — в том месте, где и сам он удостоился принять совершенное мученичество.

Ратное дело затянулось, день кончался и близился к вечеру. Многих [из раненых] нашла смерть, а груды трупов, тесным-тесно наваленные, были как срубленные в лесу деревья.

Там можно было видеть переломленные копья и сокрушенные луки, поэтому нельзя было уверенно опознавать святые тела павших. И было великое смятение и паника среди поверженных обеих сторон. Те, что остались живы, в растерянности рассеялись по горной равнине [меж] неприступных ущелий. Но когда встречались, они вновь разили друг друга. И до самого захода солнца непрерывно продолжалось это горькое дело.

Цветущие поля — пора была весенняя — оказались залиты обильными потоками крови... Не было стороны, которая победила, и стороны, которая понесла поражение: доблестные выступили против доблестных, и потерпели поражение обе стороны.

Но так как в великом сражении пал спарапет Армении, то не оказалось там верховного вождя, вокруг которого собрались бы отряды уцелевших. Хотя оставшиеся в живых по сравнению с теми, кто погиб, составляли большинство, но они рассеялись и рассыпались в разные стороны.

...Двести восемьдесят семь мучеников с девятью великими нахарарами там же на месте скончались. И из царского дома, и дома Арцруни, и из каждого нахарарского дома, кроме этих двухсот восьмидесяти семи, [пали] еще семьсот сорок мужей, и в тот день в этом великом сражении каждый вписал свое имя в книгу жизни. А всех вместе будет тысяча тридцать шесть.

А на стороне отступников и язычников пало в тот день три тысячи пятьсот сорок четыре мужа. Из них девять мужей были из наиболее знатных, вследствие чего Мушкан Нисалавурт был чрезвычайно удручен. Когда же в особенности он увидел неслетные потери своего полка — втрое против войска армян, то рухнула мощь его и он не мог прийти в себя и собраться с мыслями. Ибо сражение кончилось не так, как он предполагал. Когда же он приглядывался и видел множество павших с его стороны, и подсчитывал их и находил такое превышение числа своих павших над [количеством павших] из полка армян, тем более когда это касалось замечательных мужей, которых самолично и поименно знал сам царь, — сей муж впадал в великую

тревогу за самого себя. Правдиво описать и показать положение дел [ему было страшно] — он боялся царя, с другой стороны, и скрыть не мог, ибо не смог бы промолчать о столь великой битве.

Егише (Елише). О Вардане и войне армянской. IV—V

Сражение войск Там-Хосрова с византийцами
у стен Теллы (июль 581 года)

Наконец осмелился один слепой марзбан персидский, который, надеясь на свое войско, гордый и славный своей храбростью, сказал царю: «Не уступай ромеям, не заключай с ними мира. Я тотчас отправлюсь, всех уничтожу, захвачу все их области и проведу в Антиохии зиму»... Этот марзбан, имя которого было Там-Хосров, собрал войска и выступил против Теллы-Маузалат, в которой были великие стратилаты и военачальники, достиг и осадил город. Стратилаты вышли ему навстречу, особенно же муж сильный и боеспособный, по имени Константин. За день до этого он схватил мужа, одного из их шпионов, и выпросил его: каков собой Там-Хосров, в каком именно месте войска он едет и находится. Когда он это узнал, он вышел на бой с той именно стороны и увидел марзбана среди войска. Он разогнался и с силой проник в середину персидского войска, направился против Там-Хосрова, поразил его копьем, свернул и сбросил его с лошади, повернул копье, ударил и проткнул его. Но персы окружили и убили там и самого Константина, мужа христиански верующего и боеспособного. Когда персы увидали, что убит тот, на которого они надеялись больше, чем на самого царя... и что их со всех сторон окружают ромейские войска, они начали отступать; их преследовали ромеи и арабы, уничтожили и поразили многих из них, как говорят, много тысяч человек. Так как мы не знаем этого достоверно и избегаем лжи, мы не можем указать этого с точностью. Все же известно, что многие из них пали. Также говорили, будто бы у них было убито трое других начальников и была посрамлена вся их гордость.

Иоанн Эфесский. Церковная история. III. 6.26

Персы побеждают войско Иоанна Мистакона
(582 год)

Кончился первый год правления императора Маврикия после той знаменитой и всюду воспеваемой войны с персами, во время которой во главе мидийских войск стоял Тамхосро, а Иоанна, которого ромеи называли и Мистаконом (ему было дано такое прозвище за длинные усы), император отозвал от командования армянскими войсками и поставил во главе всех ромейских сил на востоке.

Как только новый главнокомандующий возложил на себя бремя восточных забот, он тотчас же двинулся туда, где река Нимфий сливает свои воды с Тигром. В этом самом месте разыгралось сражение; со стороны ромеев предводителем войск был Иоанн, начальником же персидской армии был хардариган.

Это — парфянское наименование высокого звания, ибо для персов приятнее называться по занимаемой ими должности...

И вот Иоанн расположил все войско, разделив его на три части: сам он принял начальство над центром боевого строя, Курса, своего помощника, он поставил на правом фланге, Ариульфа — на левом. Вот как была разделена на три части вся боевая сила. Точно так же было построено и персидское войско.

Когда трубы запели свою военную песню и расстояние между боевыми рядами вражеских армий стало сокращаться, началось сражение. Ромеи повели наступление с двух сторон: в центре — Иоанн, с левого крыла — Ариульф, и они были уже победителями стоящих против них вражеских сил.

Курс же не вступил в бой: он завидовал Иоанну из-за его удач во всех предприятиях и полагал, что если сейчас тот проведет бой счастливо, то приобретет большую славу. И вот персы стали уже отступать, боясь, как бы враги не стали наступать на них с еще большей стремительностью.

Но ромеи, видя, что Курс и бывшее с ним войско уклоняются от сражения, показали тыл неприятелю и перешли в местность, расположенную более высоко.

Персы воспользовались их отступлением и, как только увидели, что конница ромеев попала в тяжелое положение вследствие бегства, а также из-за крутизны и трудности прохода к укрепленному лагерю, храбро нападали на ромеев и мно-

гих из них убили. С трудом ромеям удалось уйти от варваров к своим укреплениям. На этом закончилась война и наступила осенняя пора.

Феофилакт Симокатта. История. I. IX. 4–11

Персы побеждают ромеев у крепости Акбас
(весна 583 года)

Начальник мидийских сил, осадив крепость Афумон, пытался ее взять. Узнав об этом, ромейский таксиарх подошел близко к реке Нимфию, стремясь захватить крепость Акбас.

Но это укрепление было неприступным и непреодолимым для осады. Эта крепость была расположена на вершине горы, с обеих сторон которой были обрывистые спуски... так что оставался только один-единственный ход спереди, укрепленный сложенными в груды камнями.

Когда стратиг предпринял атаки на эту крепость, то осажденные зажгли по всему кругу стен огненные сигналы, давая знать тем, которые вместе с хардариганом осаждали Афумон, какой опасности они подвергаются...

Как только забелел день, на самом рассвете персидское войско, выстроив ряды, стало наступать на ромеев; бой начали те, которые соскочили с коней, и, непрерывно пуская стрелы, варвары одолели ромеев.

Тучею стрел они закрыли от противников свет Божий. Этот народ умеет обращаться с луками, и главная сила его заключается в оперенных стрелах.

Ромеи были оттеснены и заперты в одной части горы, так как враги, наступая, оттесняли их. Тут некоторые из ромейских воинов спрыгнули с кручи, которая обращена в сторону реки Нимфия... Иные из ромеев были взяты в плен варварами.

Те же, которые спустились к подошве горы, избегли опасности и сверх ожидания спаслись. Переправившись через реку Нимфий, они объединились в лагере с ромейским отрядом.

Феофилакт Симокатта. История. I. XII. 1–7

Поражение от Филиппика при Мардисе
(река Арзамон, лето 585 года)

Филиппик выстроил ромейское войско тремя боевыми отрядами. Командование левым крылом он поручил Илифреду (он был архонтом Эмесы); вместе с тем во главе тех же сил он поставил гунна Апсиха. На правом крыле он поставил таксиарха Виталия.

Командование центром взял на себя стратиг и в том же звании [привлек к себе] Ираклия, отца императора Ираклия.

Таким же образом было построено и персидское войско: правым крылом командовал перс Мебод, левым — Афраат, которого считали племянником сатрапа, командование же центральным отрядом взял на себя сам хардариган.

Когда неприятельское войско стало приближаться, поднимая целую тучу пыли, Филиппик велел вынести образ богочеловека, о котором издавна до настоящего времени идет молва, будто создан этот образ божественным промыслом, а не выткан руками ткача и не нарисован красками художника...

Сняв с него все священные покрывала, стратиг быстро нес его по рядам воинов и тем внушил всему войску еще большую и неотразимую смелость. Затем он остановился в центре... и обратился к войску со словами поощрения.

И сила проникновенных слов его была такова, что у смелых она увеличила решительность, а у вялых и медлительных возбуждала готовность к бою. Тотчас загревели трубы, и их призывная мелодия еще больше вдохновила войска к сражению...

Лохаги, командиры отрядов, и даже хилиархи, собравшись... убедили стратига переменить место и не стоять на передовой линии. Равнина, на которой развернулся бой, называлась Солахон, получив свое наименование от какого-то соседнего укрепления...

Когда фаланги персидского войска пришли в соприкосновение с ромеями, таксиарх Виталий быстро разгромил стоявший против него неприятельский отряд, выступив с большей смелостью, чем другие войска. Вместе с тем он произвел и огромное избиение врагов и завладел военным обозом персов, который ромеи обычно на местном языке называют тульдом.

Таким образом, победившая часть войска занялась добычей. Стратиг находился в затруднении и был охвачен гневом, видя такое нарушение военной дисциплины.

Но тотчас же он принял следующий разумный план: он снял со своей головы шлем (а он был особенный и всем известный) и надел его на Феодора Иливина — тот был из охраны стратига. Затем он приказал ему поражать мечом всех охотившихся за добычей. Это приказание, будучи выполнено, принесло очень большую пользу для водворения боевого порядка.

Воины подумали, что сам стратиг обходит ряды и тех, кто занят грабежом, наказывает за это нарушение дисциплины; поэтому они вновь обратились к военным действиям и принялись за боевые труды. Стоявший против них неприятельский отряд, будучи ими рассеян, устремился к своему центру; этой частью персидского войска командовал сам хардариган.

Вследствие присоединения бежавшего левого крыла персов их центральный строй стал глубже, и ромеям трудно было выдержать наступление неприятельских сил, если бы их всадники, соскочив с коней, не вступили в рукопашный бой с врагами.

Фаланги центра вели бой с равными силами, и сражение у них затягивалось, так что от стоящих друг против друга отрядов сохранились, можно сказать, одни только остатки, так как вся поверхность земли была покрыта телами павших воинов.

Не было видно конца этому бедствию, когда некое божественное провидение осудило [на гибель] иноземное войско и дало ромеям решительную победу; по рядам ромеев пролетел голос, громко приказывающий им разить неприятельскую конницу. Ромеи повиновались этому приказанию и победили стоящие против них в центре силы.

Ромейское войско считало, что этот голос исходил от лохага Стефана, и после сражения ромеи спрашивали, сам ли Стефан предпринял военную хитрость...

Наконец, третий отряд ромеев, то есть их левое крыло, привел в беспорядок стоящий против него неприятельский фланг и жестоко преследовал уцелевших вплоть до Дары, местечка, отстоящего от места сражения на расстоянии двенадцати миль.

После того как ромеи овладели столь блестящими военными трофеями, варварское войско, видя свое бессилие, об-

ратилось в бегство. Бежавшая армия со своим военачальником спаслась от опасности на каком-то холме в глубине персидских владений.

*Феофилакт Симокатта. История. II. III. 1—4, 6—7, 10, 12;
II. IV. 1—8, 10—11*

Персидское войско Бахрама IV Чубина
громит тюрок кагана Савэ

Когда же минуло одиннадцать лет его царствования, со всех сторон его обступили враги, окружили его, как концы тетивы обтягивают лук. Что касается восточных областей, то оттуда двинулся шахиншах тюрок, пока не достиг Херата и прогнал чиновников Хормуза...

Он (Хормизд IV) написал Бахраму сыну Бахрама Джушнаса, своему наместнику на границе Азербайджана и Армении, прозванному Бахрамом Чубином, повелевая ему прибыть... Хормуз повелел, чтобы Бахраму предоставили власть над казной и арсеналом и передали бы ему диван войска, чтобы он сам выбрал себе тех, кто ему подойдет...

Бахрам устроил диван, и собрались к нему марзбаны и благородные. Он выбрал двенадцать тысяч мужей из всадников, среди которых не было никого, кто был бы моложе сорока лет...

Бахрам тронулся в путь и направился по ахваской дороге...

Хакан выступил из города Херата навстречу Бахраму, имея в авангарде сорок тысяч воинов... царь тюрок отдал приказ — и заиграл боевой горн. Противники пошли в наступление. Царь тюрок, восседая на золотом троне, наблюдал с холма за обеими армиями. В разгаре боя Бахрам с сотней всадников из витязей своего войска бросился на холм. Свита, окружавшая царя тюрок, покинула его. Когда царь увидел такое, он потребовал своего коня и был замечен Бахрамом. Тот метнул в него стрелой, которая пронзила его, и он упал замертво. Тюрки обратились в бегство.

Абу Ханифа ад-Динавари. Книга длинных известий

Бахрам IV Чубин терпит поражение
от стратига Романа на реке Аракс

Услыхав о прибытии ромеев, Варам (Бахрам) очень обрадовался. Он хотел сражения с ними, полагая, что ему всегда будет улыбаться счастье.

Поэтому, перейдя соседнюю реку, он стал отступать к Канзаку, как будто увлекая за собой римлян в глубь Персии.

Роман, заметив это, очень хотел отступить назад, действуя в своей предусмотрительности так, как будет полезнее. Когда среди войска поднялся ропот недовольства и оно, негодуя, требовало дальнейшего наступления, стратиг разумными словами успокоил поднявшиеся волны солдатской дерзости...

Варам, перейдя через реку, вновь опустошил ромейскую землю, а предводитель ромеев вновь отступил.

Заметив это, варвары напали на ромейские войска. Стратиг Колхиды, собрав войско, стал допытываться, каково настроение у ромейских воинов и хватит ли у них мужества для сражения.

Так как ромейское войско было охвачено воодушевлением и решимостью к бою, ромейский стратиг отделил самых сильных воинов от ленивых и медлительных и боеспособных взял с собой, а остальным велел охранять лагерь.

Его боевая сила достигала десяти тысяч; двум тысячам из них полководец велел двинуться вперед. Они встретились с выступившей вперед персидской фалангой и, храбро сражаясь, всю ее истребили, так как там были отвесные кручи, которые сделали для варваров отступление безнадежным.

Началось настоящее преследование варваров, продолжавшееся вплоть до персидского лагеря, так что даже Варам был поражен исходом этого дела. Передовой отряд ромеев вернулся к своим главным силам.

Когда это стало известно ромейскому стратигу, то, хотя ромейское войско и стремилось скрестить свое оружие с мидийцами, Роман все же предпочитал спокойствие, не вступая в сражение из страха перед бесконечным множеством собранных здесь варваров. Но, не имея возможности сдерживать уздой повиновения подчиненное ему войско, воспламененное недавними подвигами, он велел войску вооружаться к бою. Одновременно против него выступило и варварское войско.

Оба войска остановились на равнине Албании; их боевые ряды разделял глубокий рукав реки Аракса. Отряды, стоящие по берегам на той и на другой стороне реки, протекавшей между ними, обменивались друг с другом [вызывающими] речами.

На третий день к Роману явился вестник от персидского войска, вызывая ромеев на сражение и предлагая им дать возможность персам перейти реку, иначе варвары предоставят такую же возможность ромеям.

Тогда Роман, облеченный всей полнотой власти над ромейским войском, созвав собрание всего войска, счел нужным спросить у воинов, что, по их мнению, будет полезно для битвы. Они посоветовали стратегу дать возможность врагам перейти через реку. На следующий день слова были претворены в дело.

Немного времени спустя оба войска приготовились к бою. Когда Варам попытался прибегнуть к военной хитрости, то против его ухищрений Роман пустил в ход свою прозорливость.

На пятый день и ромеи и мидийцы вооружились к бою. Их войска были расположены тремя отрядами. Ромейский отряд стал теснить находящийся против него центр варварского войска. Тогда, боясь, как бы ромеи не обрушились всеми своими силами, Варам перебросил сюда подкрепления с левого фланга.

Когда вследствие этого его левый фланг оказался слабее стоящих против него ромейских сил, волна жестокого избиения прошла по рядам персов и дела у Варама пришли в крайне тяжелое положение: все войско парфян обратилось в бегство, а ромеи с великою для себя славою далеко преследовали их. Так закатилось счастье Варама вместе с его самомнением.

Тогда в одних возобладало стремление к бегству, у других, так сказать, возросла смелость. С убитых персов ромеи сняли доспехи, а их тела, не удостоившиеся чести погребения, тут же стали добычей диких зверей.

Феофилакт Симокатта. История. III. VII. 1—3, 7—19

Восточная кампания Смбата Багратуни,
военачальника Хосрова II

Когда прошла зима и наступило весеннее время, пришли вестовые с царской грамотой и с большими почестями пригласили Смбата к царскому двору. Он пошел, представился ца-

рю в так называемом Великом Дастакерте и, войдя в залу, сел на подушки и ковры.

Тогда царь пожаловал ему нахарарское звание, которое называлось Хосров-Шум, чудно его нарядил в виссонную, златотканую шапку и накидку, возвеличил его чрезвычайными почестями, головной повязкой, унизированной каменьями, ожерельем и серебряным седалищем; предоставил ему малый торг и подати страны. Дал ему также четырехгласные трубы и охрану для его двора из царской свиты. Снарядил грозное войско в его распоряжение и отправил на Восток в землю кушанов и приказал ему назначить там марзпаном кого сам пожелает.

Выступив оттуда, он прибыл в ближайшую страну, в Комш, которую управлял раньше, и призвал к себе из Вркана исконное свое соплеменное войско и направился прямо на Восток.

Вот те армянские князья — нахарары, которые были с ним со своими полками и знаменами: Вараз-Шапух Арцруни, Саргис Таеци, Артавазд и Встам и Амаяк Апахуни, Мануэл, владетель Апахунийцев, Врам, владетель Гогтийцев, Саргис Димаксян, Саргис Трпатуни и другие из нахараров, а также его войско из двух тысяч всадников из [родной] страны.

Он заметил, что кушаны набегом разбрелись по лицу всей земли. Когда же они получили известие о его приходе, соединились и ушли. Он пустился вслед за ними и скоро их настиг. Те же, увидя, что он их настиг, выстроились против него, и грянули войной друг на друга. Войско кушанов понесло поражение от войска Хосров-Шума и обратилось в бегство; многие из них были убиты и многие спаслись бегством. Он, вернувшись оттуда, расположил войско в Апр-Шахре, в области Тос, а сам остановился в местечке Хрохт с тремястами человек.

Между тем кушанские цари попросили себе помощь от великого Хакана, царя Севера. И пришло им на помощь войско в количестве 30 бюров (300 тысяч); оно перешло реку под названием Вехрот, которая берет начало в Туркестане, из страны Евилата...

Тогда Смбат собирает свое войско и снова снаряжает его, набирает еще другое многочисленное войско и идет походом на народ кушанов и на царя ефталитов; тот со своей стороны выступает против него с большим приготовлением. Пришли на место боя и выстроились друг против друга. Царь кушанов

посылает к Смбату посланца и говорит: «Какая польза многолюдной толпой вступать в бой и истреблять наши войска? Или в чем проявится моя или твоя храбрость? Давай будем биться мы вдвоем; я выйду тебе соперником с моей стороны, а ты с твоей, и ты сегодня же узнаешь мою храбрость». Он ударил себя в грудь и сказал: «Я готов умереть».

Они с той и с другой сторон стремительно напали друг на друга и перед рядами обоих войск стали бороться друг с другом; ни один из них не мог скоро одолеть другого, ибо оба были люди-исполины и крепко вооружены. Но наконец, как бы с помощью свыше, Смбату удалось копьем разодрать крепкую бахлскую плетеную кольчугу царя кушанов, и он сильным ударом повалил его на землю. Войско, когда увидело своего царя убитым, пришло в ужас и обратилось в бегство. [Войско Смбата] пустилось за ним и набегом дошло до Бахла — шахастана Кушанской земли, разгромило всю страну...

Епископ Себеос. История. XXVI

Битва при Кадисии

Трубы завыванием мир сотрясен,
 Строй воинский двинулся с разных сторон.
 Пыль тучею встала, клич грянул, и глух
 Стал каждый, у коего тонок был слух.
 Среди пыли алмазные копий концы —
 Что звезды в лажвардовой тверди в ночи.
 Сказал бы, огонь иссекает копьем,
 Ударив с размаху в блестящий шелом.
 Так битва три дня на том поле велась,
 Воды иссякал у иранцев запас.
 От жажды рукам уж нет мочи разить,
 И кони не в силах сражение длить.
 Ростем изнывает от сухости рта,
 Сплошь в трещинах, ранах язык и уста.
 Так случилось в той битве, что стал под конец
 Есть влажную глину и конь, и боец.
 Вот грому подобные клики звучат:
 Отсюда Ростем и оттуда — Саад,
 Из сердца дружин оба ринулись в бой.

Отъехав от поля туда, где крутой
Встал холм, в поединок вступили вожди
С палящею жаждою мщенья в груди.
Ростема клич яростный грянул, что гром,
Он в голову острым ударил мечом
Коня под Саадом. Конь рухнул тотчас.
Поднялся воитель, с конем разлучась.
Взмахнул закаленным булатом тогда
Ростем: покажу, мол, день страшный суда!..
С плеч голову вражью стремится срубить,
Да недругу недруга не различить
За черною пылью. С седла соскочил,
На поясе повод коня укрепил, —
Но очи Ростема от пыли густой
Затмились. Саад тут нагрянул грозой,
Мечом поразил его в темя и вот
На лик его кровь уж струею течет.
Пред взором Ростема тут мир потемнел,
Воитель тазийский его одолел.
Удар еще в шею наносит мечом,
И рухнул воинственный наземь лицом.
Два войска не знают еще ничего,
Не видят иранцы вождя своего.
Искать предводителя стали тотчас;
От поля на место сраженья примчась,
Его увидали еще издали —
Мечом весь изрублен, в крови и в пыли.
И в бегство иранцы пустились тогда,
И многие жизни лишились тогда,
И многие жаждой убиты в седле —
Царей, знать, не надобно стало земле!

*Фирдоуси. Шахнаме*²³¹

Примечания

- ¹ Кошеленко Г. А. Родина парфян. С. 17–18.
- ² Никоноров В. П. К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело. С. 143.
- ³ Daryaei T. The Political History of Ērān in the Sasanian Period. P. 3.
- ⁴ Джеймс П., Торп Н. Тайны древних цивилизаций. С. 486.
- ⁵ Дашков С. Б. Цари царей — Сасаниды. С. 58.
- ⁶ Луконин В. Г. Сасанидская держава в III–V вв. С. 56.
- ⁷ Тер-Мкртичан Л. Армянские источники о Средней Азии... С. 35–36.
- ⁸ Потапов В. В. Великие империи мира. Рождение, расцвет, гибель. С. 240–241.
- ⁹ Агатангелос. 19. I.
- ¹⁰ Там же. 23. II.
- ¹¹ Стоит отметить, что в армянской исторической традиции этот самый Анак из рода Сурэн-Пахлав считается отцом Григория Святителя, обратившего Армению в христианство.
- ¹² Агатангелос. 35–36. II.
- ¹³ Зелинский Ф. Ф. Римская империя. С. 365.
- ¹⁴ Геродиан. VI. 3. (1).
- ¹⁵ Там же. VI. 5. (6).
- ¹⁶ Там же. VI. 5. (9–10).
- ¹⁷ Там же. VI. 5. (8).
- ¹⁸ Там же. VI. 6. (3).
- ¹⁹ Там же. VI. 6. (5).
- ²⁰ Ставиский Б. Я., Яценко С. А. Искусство и культура древних иранцев: Великая степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. С. 229.
- ²¹ Гюиз Ф. Древняя Персия. С. 76.
- ²² Колесников А. И. Сасанидский Иран... С. 391–398.

- ²³ The Chronicle of Arbela. § 9.
- ²⁴ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 67–68.
- ²⁵ Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача... С. 28–29.
- ²⁶ Завьялов В. А. Кушаншахр при Сасанидах... С. 150–152.
- ²⁷ Там же. С. 233.
- ²⁸ Там же. С. 233–234.
- ²⁹ Порфирий. Жизнь Плотина.
- ³⁰ The Inscription Of Shapur I At Naqsh-E-Rustam In Fars. 3–4.
- ³¹ Ibid. 4.
- ³² Орозий Павел. История против язычников: Кн. VII. 21.5, 22.2.
- ³³ The Inscription Of Shapur I. 4.
- ³⁴ Ibid. 9.
- ³⁵ Моммзен Т. История Рима. Т. 5. Кн. 8. С. 458.
- ³⁶ Там же. С. 460.
- ³⁷ Сергеев И. П. Рим и Пальмира в III веке н. э. С. 23.
- ³⁸ Хосроев А. Л. История манихейства (Prolegomena). С. 95, 227, 236–237.
- ³⁹ Там же. С. 100.
- ⁴⁰ Дашков С. Б. Цари царей — Сасаниды. С. 72.
- ⁴¹ Ат-Табари. История пророков и царей. 275.
- ⁴² Аммиан Марцеллин. XXIII, 5.3.
- ⁴³ Исоматов М. М. Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии.
- ⁴⁴ Надпись Картира на «Каабе Зороастра». 3–4.
- ⁴⁵ Ставиский Б. Я., Яценко С. А. Искусство и культура древних иранцев: Великая степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. С. 214.
- ⁴⁶ Хосроев А. Л. История манихейства. С. 106–108.
- ⁴⁷ Дашков С. Б. Цари царей — Сасаниды. С. 88.
- ⁴⁸ The Sassanian Inscription of Paikuli. § 3.
- ⁴⁹ Флавий Вописк Сиракузянин. История Августов. XXII. 3.
- ⁵⁰ Евтропий. Бrevиарий от основания Города. IX, 18.1.
- ⁵¹ Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. С. 258.
- ⁵² Флавий Вописк Сиракузянин. История Августов. VIII. 5–7.
- ⁵³ Тер-Мкртичян Л. Армянские источники о Средней Азии... С. 37–39.
- ⁵⁴ Связян К. С. Чены (страна ченов по армянским источникам).
- ⁵⁵ Toumanoff С. Р. 98.
- ⁵⁶ Надпись Картира на «Каабе Зороастра». 8–10.
- ⁵⁷ The Sassanian Inscription of Paikuli. § 16–19, § 32.
- ⁵⁸ Там же. § 46.
- ⁵⁹ Евтропий. Бrevиарий от основания Города. IX. 25.

- ⁶⁰ The Chronicle of Arbela. § 11.
- ⁶¹ Ат-Табари. История пророков и царей. 54.
- ⁶² Здесь: головной убор, чалма шахиншаха.
- ⁶³ Агафий Миринейский. IV. 25.
- ⁶⁴ Potts D. T., Cribb J. Sasanian and Arab-Sasanian Coins from Eastern Arabia. P. 131—132, 134.
- ⁶⁵ Фавстос Бузанд. Кн. 3, гл. IV.
- ⁶⁶ Там же. Гл. VII.
- ⁶⁷ Озеро Ван.
- ⁶⁸ Там же. Гл. VIII.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ The Chronicle of Arbela. § 12.
- ⁷¹ Ibid. § 12.
- ⁷² Ibid. § 14.
- ⁷³ Аммиан Марцеллин. XV. 13.4.
- ⁷⁴ Там же. XVIII. 6.22.
- ⁷⁵ Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. С. 38—39.
- ⁷⁶ Аммиан Марцеллин. XVI. 9.3—4.
- ⁷⁷ Там же. XVII. 5.15.
- ⁷⁸ Дмитриев В. А. Сасанидское государство в известиях римского историка Аммиана Марцеллина.
- ⁷⁹ Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. С. 32.
- ⁸⁰ Либаний. Надгробная речь Юлиану (orat. XVIII). 250.
- ⁸¹ Аммиан Марцеллин. XXIV. 6.15.
- ⁸² Ибатуллин Р. У. Из истории персидской кампании Юлиана...
- ⁸³ Зелинский Ф. Ф. Римская империя. С. 426.
- ⁸⁴ Аммиан Марцеллин. XXV. 1.18—19.
- ⁸⁵ Там же. XXV. 3.13.
- ⁸⁶ Там же. XXV. 7.12.
- ⁸⁷ Успенский Ф. И. История Византийской империи. Периоды I—III. С. 72.
- ⁸⁸ Фавстос Бузанд. Кн. 3, гл. IV.
- ⁸⁹ Аммиан Марцеллин. XXIX. 1.1—3.
- ⁹⁰ Потапов В. В. Великие империи мира. Рождение, расцвет, гибель. С. 242.
- ⁹¹ Daryaei T. The Political History of Ērān in the Sasanian Period. P. 15—16.
- ⁹² Аммиан Марцеллин. XVIII. 10.3—4.
- ⁹³ Rekavandi H. O., Sauer E., Wilkinson T., Nokandeh J. The enigma of the «Red Snake». P. 12—22.
- ⁹⁴ Аммиан Марцеллин. XXIII. 6.83.

- ⁹⁵ Там же. XXIII. 6.83.
⁹⁶ Там же. XXIII. 6.14.
⁹⁷ Стратегикон Маврикия. XI.1.
⁹⁸ Никоноров В. П. К вопросу о роли стремян в развитии военного дела. С. 265.
⁹⁹ Стратегикон Маврикия. XI.1.
¹⁰⁰ Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. С. 59–69.
¹⁰¹ Банников А. В. Римская армия в IV столетии... С. 189–190.
¹⁰² Аммиан Марцеллин. XXIII. 6.83.
¹⁰³ Геродиан. III. 4, 8–9.
¹⁰⁴ Дмитриев В. А. Дейлемиты в составе сасанидской армии по данным позднеантичной исторической традиции. С. 87.
¹⁰⁵ Агафий Миринейский. III. 17.
¹⁰⁶ Феофилакт Симокатта. IX. IV. 3.
¹⁰⁷ Дмитриев В. А. «Персы получают их из Индии»... С. 153–172;
Банников А. В. Эпоха боевых слонов... С. 319–362.
¹⁰⁸ Банников А. В. Эпоха боевых слонов... С. 322–323.
¹⁰⁹ Там же. С. 324–325.
¹¹⁰ Пигулевская Н. Сирийская средневековая историография. С. 543.
¹¹¹ Аммиан Марцеллин. XIX. 2.3.
¹¹² Амвросий. Шестоднев. VI, 5, 33.
¹¹³ Дмитриев В. А. Аммиан Марцеллин о тактике персидской элфантирии. С. 138.
¹¹⁴ Банников А. В. Эпоха боевых слонов... С. 335.
¹¹⁵ Иностранцев К. А. Сасанидская военная теория. С. 19–25.
¹¹⁶ Там же. С. 12.
¹¹⁷ Стратегикон Маврикия. XI. 1.
¹¹⁸ Иностранцев К. А. Сасанидская военная теория. С. 13.
¹¹⁹ Стратегикон Маврикия. XI.1
¹²⁰ Там же.
¹²¹ Там же.
¹²² Аммиан Марцеллин. XIX. 2.2.
¹²³ Там же. XX. 11.8–26.
¹²⁴ Там же. XXIV. 2.12.
¹²⁵ Ghasemi P., Esmaili M., Watson G. P.2.
¹²⁶ Аммиан Марцеллин. XIV. 4.15.
¹²⁷ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 98.
¹²⁸ Rekavandi H. O., Sauer E., Wilkinson T., Nokandeh J. The enigma of the «Red Snake». P. 13.
¹²⁹ Ibid. P. 19.
¹³⁰ Ibid. P.17.

- ¹³¹ Дашков С. Б. Цари царей — Сасаниды. С. 105.
- ¹³² Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 70—71.
- ¹³³ Тараторин В. В. Конница на войне... С. 143—160.
- ¹³⁴ Там же. С. 144.
- ¹³⁵ Разин Е. А. История военного искусства. Т. 1, 2. С. 489.
- ¹³⁶ Васильев А. А. Византийская империя. С. 103.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ Malekzadeh S. P. 2.
- ¹³⁹ Ibid. P. 3.
- ¹⁴⁰ Ibid. P. 5.
- ¹⁴¹ Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. С. 129—140.
- ¹⁴² Исоматов М. М. Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии. С. 29.
- ¹⁴³ Колесников А. И. Сасанидский Иран... С. 354.
- ¹⁴⁴ Дашков С. Б. Цари царей — Сасаниды. С. 117.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 118.
- ¹⁴⁶ Егише. I.
- ¹⁴⁷ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 79.
- ¹⁴⁸ Тер-Мкртичян Л. Армянские источники о Средней Азии... С. 41.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 45.
- ¹⁵⁰ Хачатурян В. Н. Вопросы военного искусства в книге Егише... С. 126—139.
- ¹⁵¹ Егише. III.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Поселения (*арм. из среднеперс.*).
- ¹⁵⁶ Егише. III.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Хачатурян В. Н. Вопросы военного искусства в книге Егише... С. 133.
- ¹⁶⁰ Егише. III.
- ¹⁶¹ Фирдоуси. Шахнаме. Т. VI. М., 1989. С. 6.
- ¹⁶² Там же. С. 7.
- ¹⁶³ Приск Панийский. IV, 37.
- ¹⁶⁴ Иешу Стилит. Хроника. 10.
- ¹⁶⁵ Лазар Парпеци. О третьем походе Пероза против эфталитов.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ Фирдоуси. Шахнаме. Т. VI. С. 17.
- ¹⁶⁸ Иглтон К., Уильямс Д. Деньги. История цивилизаций. С. 123.
- ¹⁶⁹ Иешу Стилит. Хроника. 18, 19.
- ¹⁷⁰ Там же. 19.

- ¹⁷¹ Там же. 20.
- ¹⁷² Один из примеров: «Это восстание, вошедшее в историю под названием движения маздакитов, является важнейшим историческим событием в жизни Западной Азии на грани рабовладельческой и феодальной эпох». Всемирная история в 10 томах. Т. II. М., 1956. С. 761.
- ¹⁷³ Низам аль-Мульк. Книга о правлении (Сиасет-наме). 45.
- ¹⁷⁴ Прокопий Кесарийский. Война с персами. I, 5–6.
- ¹⁷⁵ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. С. 87–90.
- ¹⁷⁶ Успенский Ф. И. История Византийской империи VI–IX вв. С. 225.
- ¹⁷⁷ Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. С. 85.
- ¹⁷⁸ Daryaei T., Safdari K. Spāhbed Bullae: The Barakat Collection... P. 3.
- ¹⁷⁹ ал-Йакуби. Книга стран. М., 2011. С. 308.
- ¹⁸⁰ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. М., 1986. С. 19.
- ¹⁸¹ Дмитриев В. А. Военно-административные реформы... С. 24.
- ¹⁸² Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. С. 92.
- ¹⁸³ Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. С. 101.
- ¹⁸⁴ Агафий Миринейский. С. 64–65.
- ¹⁸⁵ Серов В. В. Персидские войны Юстиниана I: финансовый аспект. С. 39.
- ¹⁸⁶ История Востока. С. 45.
- ¹⁸⁷ Фирдоуси. Шахнаме. Т. VI. С. 119.
- ¹⁸⁸ Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. С. 74.
- ¹⁸⁹ Всадники войны. Кавалерия Европы. С. 175–182.
- ¹⁹⁰ Шагинян А. К. Армения и страны Южного Кавказа... С. 55.
- ¹⁹¹ Феофилакт Симокатта. III. X. 6.
- ¹⁹² Мухаммад ал-Хорезми. Книга истории. М., 1983. С. 234.
- ¹⁹³ Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. С. 120.
- ¹⁹⁴ Пигулевская Н. Сирийская средневековая историография. С. 552.
- ¹⁹⁵ Там же.
- ¹⁹⁶ Колесников А. И. Сасанидский Иран... С. 58.
- ¹⁹⁷ Феофилакт Симокатта. III. IV. 1–3,8.
- ¹⁹⁸ Там же. III. V. 14–15.
- ¹⁹⁹ Там же. III. VI. 3.
- ²⁰⁰ Там же. III. VI. 1.
- ²⁰¹ Дашков С. Б. Цари царей — Сасаниды. С. 159.
- ²⁰² Абу Ханифа ад-Динавари. Книга длинных известий.
- ²⁰³ Колесников А. И. Сасанидский Иран... С. 67.

- 204 Шагинян А. К. Армения и страны Южного Кавказа... С. 60.
- 205 Абу Ханифа ад-Динавари. Книга длинных известий.
- 206 Там же.
- 207 Гумилев Л. Н. Подвиг Бахрама Чубины.
- 208 Шагинян А. К. Армения и страны Южного Кавказа... С.74.
- 209 Altheim-Stiehl R. Egypt under the Sasanin Iran.
- 210 Ibid.
- 211 Дашков С. Б. Цари царей — Сасаниды. С. 176.
- 212 Маршак Б. И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. С. 60—61.
- 213 Тер-Мкртичан Л. Армянские источники о Средней Азии... С. 49—51.
- 214 История Востока. С. 67.
- 215 Величко А. М. История византийских императоров. С. 297.
- 216 Абу Ханифа ад-Динавари. Книга длинных известий.
- 217 Там же.
- 218 Колесников А. И. Иран в начале VII века. С. 90—92.
- 219 Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. С. 54.
- 220 Там же. С. 55.
- 221 Там же. С. 57.
- 222 Там же. С. 67—73.
- 223 Там же. С. 75.
- 224 Там же. С. 79—80.
- 225 Там же. С. 87—88.
- 226 Там же. С. 108—111.
- 227 Колесников А. И. Сасанидский Иран... С. 259—264.
- 228 Там же. С. 283—294.
- 229 Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. С. 132—134.
- 230 Compareti M. The Last Sasanians in China. P. 210.
- 231 T. VI. С. 546—547.

Литература

Источники

Абу Ханифа ад-Динавари. Книга длинных известий.
Агатангелос. История Армении.
Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана.
ал-Йакуби. Книга стран.
Амвросий. Шестоднев.
Аммиан Марцеллин. Римская история.
Ат-Табари. История пророков и царей.
Геродиан. История императорской власти после Марка.
Евагрий Схоластик. Церковная история.
Евтропий. Бrevиарий от основания Города.
Егише (Елише). О Вардане и войне армянской.
Ибн Хордадбех. Книга путей и стран.
Иешу Стилит. Хроника.
Лазар Парпеци. О третьем походе Пероза против эфталитов.
Либаний. Надгробная речь Юлиану (orat. XVIII).
Стратегикон Маврикия.
Мухаммад ал-Хорезми. Книга истории. Фрагменты, сохранившиеся в передаче ал-Бируни.
Надпись Картира на «Каабе Зороастра».
Низам аль-Мульк. Книга о правлении (Сиасет-наме).
Орозий Павел. История против язычников: Кн. VI–VII.
Порфирий. Жизнь Плотина.
Приск Панийский. Готская история.
Прокопий Кесарийский. Война с персами.
Фавстос Бузанд. История Армении.
Феофилакт Симокатта. История.

Фирдоуси. Шахнаме.

Флавий Вописк Сиракузянин. История Августов.

The Chronicle of Arbela.

The Inscription Of Shapur I At Naqsh-E-Rustam In Fars.

The Sassanian Inscription of Paikuli.

Исследования и прочая литература

Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995.

Акрам А. И. Рыцарь пустыни. Халид ибн ал-Валид. Крушение империй. СПб., 2009.

Альфан Л. Великие империи варваров. От великого переселения народов до тюркских завоеваний VI века. М., 2006.

Банников А. В. Римская армия в IV столетии (От Константина до Феодосия). СПб., 2011.

Банников А. В. Эпоха боевых слонов (От Александра Великого до падения персидского царства Сасанидов). СПб., 2012.

Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. СПб., 2001.

Васильев А. А. Византийская империя / Александр Васильев. М., 2012.

Величко А. М. История византийских императоров. От Юстина до Феодосия III. М., 2012.

Всадники войны. Кавалерия Европы. М., 2005.

Вэрри Д. Войны античности. От греко-персидских войн до падения Рима. М., 2009.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. СПб., 2003.

Гумилев Л. Н. Подвиг Бахрама Чубины. Л., 1962.

Гумилев Л. Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. 1959. № 1.

Гюиз Ф. Древняя Персия. М., 2007.

Дашков С. Б. Цари царей — Сасаниды. Иран III—VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М., 2008.

Джеймс П., Торп Н. Тайны древних цивилизаций. М., 2001.

Дмитриев В. А. «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб., 2008.

Дмитриев В. А. «Персы получают их из Индии», или Почему парфяне не использовали боевых слонов // Метаморфозы истории. Вып. 4. Псков, 2013.

Дмитриев В. А. Аланы на военной службе у Сасанидского Ирана // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. Хетагурова. Общественные науки. 2011. № 4.

- Дмитриев В. А. Аммиан Марцеллин о тактике персидской элфантирии // KOINON ΔΩΡON: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег. СПб., 2014.
- Дмитриев В. А. Военно-административные реформы в Поздней Римской империи, Сасанидском Иране и современной России: к вопросу об универсальных закономерностях военной истории // Вестник Псковского государственного университета. № 3. Псков, 2013.
- Дмитриев В. А. Дейлемиты в составе сасанидской армии по данным позднеантичной исторической традиции // XXV Международная конференция «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций», 22–24 апреля 2009. Тезисы докладов. СПб., 2009.
- Дмитриев В. А. К вопросу о месте «ночного» сражения под Сингаурой // Вестник Военного университета. 2010. № 3 (23).
- Дмитриев В. А. Сасанидское государство в известиях римского историка Аммиана Марцеллина // Вестник Псковского государственного университета, 2008. № 3.
- Дюпюи Э. Р., Дюпюи Т. Н. Всемирная история войн. Кн. 1. СПб. — М., 1997.
- Завьялов В. А. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). СПб., 2008.
- Зелинский Ф. Ф. Римская империя. СПб., 1999.
- Ибатуллин Р. У. Из истории персидской кампании Юлиана (рейд Себастиана и Прокопия). [http://www.xiegio.ru/ancient-armies/ancient-warfare/...](http://www.xiegio.ru/ancient-armies/ancient-warfare/)
- Иглтон К., Уильямс Д. Деньги. История цивилизаций. М., 2011.
- Иностранцев К. А. Сасанидская военная теория // Para Bellum. № 3 (19). 07–09.2003.
- Исоматов М. М. Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д. и. н. Душанбе, 2009.
- История Востока. Т. 2. Восток в средние века. М., 1999.
- История Древнего мира. Древний Рим. Минск, 1998.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Князький И. О. Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб., 2010.
- Ковалев С. И. История Рима. СПб., 2003.
- Колесников А. И. Сасанидский Иран: История и культура. СПб., 2012.
- Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами. М., 1982.

- Колесников А. И. Иран в начале VII века. Палестинский сборник. Вып. 22 (85). Л., 1970.
- Кошеленко Г. А. Родина парфян. М., 1977.
- Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982.
- Ле Боэк Я. Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001.
- Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (К проблеме эволюции лука на Востоке) // Советская археология, 1966, № 4.
- Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Луконин В. Г. Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М., 1979.
- Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
- Луконин В. Г. Сасанидская держава в III—V вв. / История Древнего мира, кн. 3, 1989.
- Маршак Б. И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. // Страны и народы Востока, т. X. 1971.
- Моммзен Т. История Рима в 5 т. Т. 5. Кн. 8. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. М., 2002.
- Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. М., 2006.
- Никоноров В. П. К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2—5 ноября 2004 года). СПб., 2005.
- Никоноров В. П. К вопросу о роли стремян в развитии военного дела // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга II. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 2003.
- Новосельцев А. П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период // Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван, 1979.
- Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М. — Л., 1951.
- Пигулевская Н. Сирийская средневековая историография. СПб., 2011.
- Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М. — Л., 1964.
- Потапов В. В. Великие империи мира. Рождение, расцвет, гибель. М., 2008.

- Разин Е. А. История военного искусства в 3 тт. Т. 1, 2. СПб., 1999.
- Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача (вторая половина III — середина VIII в. н. э.). Ташкент, 2006.
- Свазян К. С. Чены (страна ченов по армянским источникам). ИФЖ. 1976, № 1 // по: Алла Тер-Саркисян. История и культура армянского народа. М., 2008.
- Сергеев И. П. Рим и Пальмира в III веке н.э. // Вісник Харківського національного університету. Вип. 33. Харків, 2001.
- Серов В. В. Персидские войны Юстиниана I: финансовый аспект // Востоковедные исследования на Алтае: сборник статей. Барнаул, 2000.
- Ставиский Б. Я., Яценко С. А. Искусство и культура древних иранцев: Великая степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. М., 2001.
- Тараторин В. В. Конница на войне: История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск, 1999.
- Тер-Мкртчян Л. Армянские источники о Средней Азии, V—VII вв. М., 1979.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи VI—IX вв. М., 1996.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи. Периоды I—III. М., 2013.
- Хачатурян В. Н. Вопросы военного искусства в книге Егише «О Вардане и войне армянской» // Вестник общественных наук. Вып. 1. 1992.
- Хосроев А. Л. История манихейства (Prolegomena). СПб., 2007.
- Шагинян А. К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. СПб., 2011.
- Altheim-Stiehl R. Egypt under the Sasanian Iran. http://www.cais-soas.com/CAIS/History/Sasanian/egypt_sasanian.htm
- Daryaee T. The Political History of Ērān in the Sasanian Period. The Sasanika Project: Late Antique Near East Project. <http://sasanika.org/wp-content/uploads/ThePoliticalHistoryofSasanianPeriod.pdf>
- Daryaee T., Safdari K. Spāhbed Bullae: The Barakat Collection (e-Sasanika 7, 2010).
- Ghasemi P., Esmaili M., Watson G. Qalāt/Qobad Fort: A Sasanian-Islamic Fort in Kavār, Southeast of Shiraz // Sasanika Archaeology, 2013.
- Hewsen R. H. Armenia: A Historical Atlas. The University of Chicago Press. 2001.
- Malekzadeh S. A Historiographical Study of The Life and Reign of Bahram V (e-Sasanika, Graduate paper 6, 2013).

Potts D. T., Cribb J. Sasanian and Arab-Sasanian Coins from Eastern Arabia // *Iranica Antiqua*, vol. XXX, 1995.

Rekavandi H. O., Sauer E., Wilkinson T., Nokandeh J. The enigma of the «Red Snake». Revealing one of the World's Greatest Frontier Walls // *Current World Archaeology*. № 27.

Tafazzoli A. Sasanian Social-class of Dehqan.

<http://www.cais-soas.com/CAIS/History/Sasanian/dehqan.htm>

Toumanoff C. *Studies in Christian Caucasian History*. Georgetown University Press, 1963.

Compareti M. The Last Sasanians in China // *Eurasian Studies* 2/2, 2003.

Содержание

Предисловие	5
Ардашир I (226—241)	12
Шапур I (241—271)	26
Меж двумя Шапурами. Империя в 272—309 годах	35
Шапур II Великий — долгожитель при власти (309—379).	45
Военный кулак Сасанидов.	63
Сасанидская держава в 379—498 годах	79
Золотая эпоха	103
Упадок и гибель Сасанидского Ирана	143
Заключение.	159
 <i>Приложения</i>	
Полевые сражения с участием войск Сасанидов	161
Полевые сражения персов в описании древних источников	166
<i>Примечания</i>	188
<i>Литература</i>	195

Мочалов М., Полежаев Д.
М86 Держава Сасанидов. 224–652 годы / Михаил Мочалов, Дмитрий Полежаев. — М.: Ломоносовъ, — 2016. — 208 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-317-9

Государство Сасанидов — последняя иранская держава доисламской эпохи — просуществовало более четырех веков. Оно пережило могущество Рима и на равных боролось с Византией. Его политическое и культурное влияние распространялось в Западную Европу, Африку, Индию и Китай, его купцы держали в своих руках восточную торговлю. Чеканившиеся при Сасанидах серебряные дирхемы проникали и в Поднебесную империю, и на территорию франков, их сохраняли в своих капищах ханты и манси далекой Сибири. Однако, объединив к 620 году под своей властью огромную территорию, включавшую Иран, Месопотамию, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет, династия Сасанидов стремительно свое могущество утратила и спустя всего тридцать лет рухнула под ударами арабов. Последний ее шахиншах Йездегерд III, оставшись в полном одиночестве, был зарезан грабителем из-за шкатулки с драгоценностями... Об удивительной, полной загадок, трагической истории великой державы рассказывает книга Михаила Мочалова и Дмитрия Полежаева.

УДК 94 (357)

ББК 63.3(0)32

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Михаил Мочалов

Дмитрий Полежаев

Держава Сасанидов. 224—652 годы



Редактор М. Ланский

Верстка А. Петровой

Подписано в печать 04.02.2016.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495)988-63-87

Михаил
Мочалов
Дмитрий
Полежаев
Держава
Сасанидов

Государство Сасанидов — последняя иранская держава доисламской эпохи — просуществовало более четырех веков. Оно пережило могущество Рима и на равных боролось с Византией. Его политическое и культурное влияние распространялось в Западную Европу, Африку, Индию и Китай, его купцы держали в своих руках восточную торговлю. Чеканившиеся при Сасанидах серебряные дирхемы проникали и в Поднебесную империю, и на территорию франков, их сохраняли в своих капищах ханты и манси далекой Сибири. Однако, объединив к 620 году под своей властью огромную территорию, включавшую Иран, Месопотамию, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет, династия Сасанидов стремительно свое могущество утратила и спустя всего тридцать лет рухнула под ударами арабов. Последний ее шахиншах Йездегерд III, оставшись в полном одиночестве, был зарезан грабителем из-за шкатулки с драгоценностями...

Об удивительной, полной загадок, трагической истории великой державы рассказывает книга Михаила Мочалова и Дмитрия Полежаева.



ISBN 978-5-91678-317-9



9 785916 783179